

**МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Армавирский государственный педагогический институт**

**КЛЫЧНИКОВ ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.П. ЕРМОЛОВА НА
СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
(1816-1827).**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

**Диссертация на соискание
ученой степени кандидата
исторических наук**

**Научный руководитель: доктор
исторических наук, профессор
В.Б. Виноградов**

Армавир – 1998

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....		4
Глава I.	ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.П. ЕРМОЛОВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.	
	§ 1. Историческая ситуация к моменту назначения А.П. Ермолова на Кавказ.....	25
	§ 2. Стратегический замысел А.П. Ермолова и военные силы, находящиеся в его распоряжении	33
	§ 3. Строительство укреплений на Северном Кавказе при А.П. Ермолове.....	47
	§ 4. Военно-политические акции генерала А.П. Ермолова.....	56
Глава II.	ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕРМОЛОВСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.	
	§ 1. Меры, предпринимаемые для борьбы с эпидемиями....	89
	§ 2. Русско-горская торговля.....	94
	§ 3. Хозяйственное освоение Северного Кавказа.....	116
	§ 4. Освоение Кавказских Минеральных вод.....	126
Глава III.	АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЕРМОЛОВСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.	
	§ 1. Преобразования в Кавказской губернии.....	135
	§ 2. Административно-судебные преобразования горских обществ.....	140
	§ 3. Реформа в управлении кочевыми народами (ногайцами).....	158
Глава IV.	ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЕРМОЛОВСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ.	
	§ 1. Переселения на Кавказской Линии.....	162

§ 2. Переселение в Черноморию.....	170
§ 3. Переселения горцев.....	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	187

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1. Примечания.....	193
2. Список использованных источников и литературы.....	235
3. Иллюстрации.....	254
4. Карта.	

ВВЕДЕНИЕ.

Актуальность темы исследования. А.П. Ермолов (см. рис.1) родился в 1777 г. в небогатой дворянской семье. С 15 лет он начал военную службу, когда в 1792 г. был зачислен в Нижегородский драгунский полк. В 1794 г. Алексей Ермолов в битвах в Польше получает боевое крещение и по личному распоряжению А.В. Суворова, перед чьим военным гением Ермолов преклонялся всю свою жизнь, награждается орденом Георгия 4-й степени. В дальнейшей военной карьере генерала можно выделить поход в Закавказье в войсках графа В.П. Зубова, битвы с французами в составе антинаполеоновских коалиций и, наконец, Отечественную войну 1812 г. и заграничные походы русской армии. Занимая важные посты, Ермолов проявлял себя не только талантливым и лично храбрым военачальником, но и неплохим организатором. Все это способствовало росту авторитета Алексея Петровича в армии, а его язвительные замечания в адрес всесильного Аракчеева и критика иностранного засилья в окружении императора снискали ему популярность в патриотических кругах русского общества. При этом Ермолов пользовался доверием и благосклонностью со стороны Александра I, которого считал своим покровителем. Сохранились сведения о том, что поднимался вопрос о назначении Ермолова на пост военного министра. С 1816 по 1827 гг. он был командиром Отдельного Грузинского (Кавказского) корпуса и управляющим по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии. Некоторое время входил в состав Государственного совета. В годы Крымской войны Ермолов был избран начальником Московского ополчения.

Интерес к ермоловскому управлению Кавказом в целом и Северным Кавказом в частности, не случаен. Уже давно назрела необходимость его “комплексного монографического исследования” (1). Вызвано это в том числе и тем, что большинство историков связывают начало т.н. “Кавказской войны” с деятельностью генерала (2). В этом есть доля истины, ибо как справедливо замечено: “Наступательная война против

горцев началась действительно только с назначением главноуправляющим Кавказским краем генерала Ермолова в 1816 году” (3). Объективное и непредвзятое освещение деятельности генерала Ермолова, не простое время, в которое он жил, требуют особого такта при ее изучении. “Царский генерал, яркая, талантливая личность... Но живет в ту эпоху, когда ревностная служба своему отечеству нередко оборачивается горестной гибелью для завоеванных. В каком-то смысле можно сказать, что, чем ярче его “российские добродетели”, тем лучше он делает свое дело и, тем тяжелее Кавказу”, - писал Н.Я. Эйдельман (4).

По меткому выражению Поля Валери, французского поэта и философа: “История – самый опасный продукт, вырабатываемый химией человеческого интеллекта. Свойства ее хорошо известны: она будит мечты, опьяняет народы, растравляет старые раны и язвы, будит манию величия или преследования и делает целые нации невыносимыми, спесивыми, жестокими и суетными...” (5). А М.Н. Покровский, вообще считал, что: “История – это политика, опрокинутая в прошлое” (6). Пытаясь создать объективное историческое исследование, автор тем самым стремился противостоять тем историческим мифам, которыми сейчас стараются подменить подлинную историю, с ее пусть порой трагическими, но столь мудрыми и необходимыми нам уроками. “Буйный расцвет исторического мифотворчества в последние годы вполне объясним. Мифотворчество, как известно, является донаучной формой мышления и приобретает благодатную почву именно в эпохи общественных потрясений, всеобщего недоверия, крушения идеалов, распада социальных связей, когда те или иные общественные слои заинтересованы в одурманивании и манкуртизации населения. Как донаучная форма мышления, мифотворчество тесно связано с агрессивной экспансией низкопробной массовой культуры и имеет с ней общего потребителя...”

Исторические мифы, появляющиеся с удручающей периодичностью, можно условно разделить на две группы: мифы как следствие “добросовестных” заблуждений и мифы “недобросовестные”, диктуе-

мые соображениями, далекими от науки, или прямо выполняющие определенный политический заказ. Мифотворцы... в подавляющем большинстве не знают и, более того, не хотят знать исторических источников...”

(7). Примером подобных “исторических изысканий” служат работы М. Аджиева, О. Джургаева, Р.З. Куадже и др. (8). Р.З. Куадже в своей статье “Некоторые вопросы колониальной экспансии царского самодержавия против Адыгеи (Черкесии) (Истина бескомпромисна)”, прибегает к откровенному сочинительству, когда излагает к примеру, следующие события: “По назначении его (Ермолова – Ю.К.) командующим колониальными войсками, он... переключил свое внимание на Западный Кавказ. Здесь он с 20 тыс. первоклассно вооруженным и организованным корпусом предпринял истребительную акцию против самых неустрашимых борцов за свободу – шапсугов. Последние искренне просили Ермолова воздержаться от войны, жить в мире. Когда у царского сатрапа кончились обоснования этого разбойничьего акта, он просто заявил, что государь приказал ему предпринять эту акцию. ... Но он потерпел жестокое поражение, потеряв в этой авантюре более трех четвертых личного состава. ... После заявления, оказавшегося в безвыходном положении Ермолова о том, что государь приказал ему больше не воевать с шапсугами, последние выпустили его вместе с остатками войск из окружения”

(9). Автор цитируемого выше отрывка, не затрудняет себя ссылкой на те источники, откуда он почерпнул столь “достоверную” информацию. Да это и не удивительно, ведь ни один (!) из перечисленных фактов, не соответствует действительности. А. Газиева, почему-то, называя Ермолова, Петр Алексеевич утверждает, что генерал поставил перед собой цель истребить всех чеченцев и в качестве доказательства приводит цитаты, якобы из личной переписки генерала. А.П. Ермолов действительно был резок в оценках, но никогда не стремился к геноциду ни чеченского, ни какого либо другого кавказского народов. “Цитаты” А. Газиевой сделанные по мотивам писем Ермолова к А.А. Закревскому, очевидно нужны были автору чтобы доказать мысль о том, что “воинствующий фа-

шизм не мог себе позволить такое, что позволили офицеры хваленой русской армии, для которых вандализм стал вечным зовом крови” (10). Идеи автора отдают зоологизмом и конечно далеки от реального понимания сути происходившего. Смысл подобного творчества очевиден - попытка написать “презентивную” историю исходя из ложного понимания национальной гордости.

Крайности легки, но истина всегда лежит посередине и задача исследователя приблизиться к ней. Отношения России и Кавказа никогда не были простыми и однозначными. У обеих сторон накопились вполне заслуженные претензии друг к другу. Но следует помнить, что нам жить по соседству, а российская политика, при всей своей противоречивости являлась стабилизирующим фактором в этом беспокойном регионе. Сегодняшние, кровавые конфликты заставляют вспомнить слова генерала Ермолова, говорившего в свое время, что: “Кавказ запыляет, как только его покинет сапог последнего русского солдата” (11). Сейчас как никогда полезно переосмыслить опыт предков, чтобы постараться не повторить их ошибок.

Цели и задачи исследования. Целью данной работы является освещение и анализ деятельности А.П. Ермолова и его администрации на Северном Кавказе, которая активизировала внутренние социально-политические процессы в среде горских обществ и привела к т.н. “Кавказской войне”, но вместе с тем заложила основы для ее прекращения.

В этой связи автором диссертации ставятся следующие задачи:

- раскрыть военно-стратегический замысел А.П. Ермолова по умиротворению Северного Кавказа и показать ход его реализации;
- показать торгово-экономические мероприятия ермоловской администрации, определить их цели и назначение, объяснить противоречивость и ограниченность;

- осветить судебно-административные реформы российской администрации в условиях Северного Кавказа, его этнического и политического своеобразия;
- проанализировать колониционно-переселенческие шаги ермоловской администрации в контексте российской политики на Северном Кавказе.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые многогранная деятельность Ермолова на Северном Кавказе и проводимая им политика подвергаются отдельному изучению и рассматриваются в комплексе, как единое целое.

Методологическая основа диссертации. Методологической основой работы послужил принцип научности и историзма, т.е. такой подход, когда действительность рассматривается как изменяющаяся во времени, развивающаяся. При этом каждый факт исследуется неотрывно от конкретно-исторической ситуации. Автором применяются историко-системный, историко-сравнительный, интуитивный методы, которые позволили более глубоко понять исторические процессы протекавшие на Северном Кавказе в изучаемый период.

Школой В.Б. Виноградова в научный оборот был введен термин “российскость”, который трактуется, как стремление к “равноправному историческому партнерству под эгидой России...выполняющей интегрирующую роль в социальных, культурных, политических процессах внутри своей этносферы”. С.Л. Дударев, который предложил данное определение, вместе с тем считает, что российскость была характерна лишь для демократических элементов русского общества, которые “находились в постоянном противоборстве с официально-великодержавной линией. Диалектика отношений между той и другой и определила в немалой степени конкретные результаты развития горских и иных нерусских народов державы к октябрю 1917 г., а также уровень адаптации русских (и вообще славянских) переселенцев в местной (в частности, кавказской) этнокультурной и этнолингвистической среде” (12). С этим

дополнением справедливо, на наш взгляд, не соглашается О.В. Матвеев, который отстаивает мысль, что зачастую именно “официально-великодержавная власть” была носителем интегрирующей функции и именно от нее “исходила идея объединения этносов под эгидой империи” (13). Как нам видится российскость, это попытка **понять и наладить взаимоотношения** со своим историческим партнером с целью межэтнического сближения, выработка такой модели отношений, при которой основной упор делался на мирное сосуществование различных народов под скипетром российских царей. К этой цели, в конечном итоге стремились, в том числе и официально-великодержавные круги. Но при этом естественно, тактика правительства нередко не совпадала со взглядами и поступками непосредственных участников взаимодействия, для которых, по мнению В.Б. Виноградова было характерно “наличие взглядов, поступков, действий, оппозиционной логике и воле имперских властей” (14). Этот длительный процесс взаимного “притирания” сопровождался, как военными конфликтами, так и поисками мирных путей решения этой задачи. В различных исторических ситуациях превалировали либо те, либо другие, но предпочтение по возможности отдавалось мирным шагам. В этой связи показательным отношением Николая I к данной проблеме. “Будучи самым воинственным и нетерпимым из всех Романовых, Николай I, вместе с тем, не лишенный наблюдательности, отметил в своем дневнике: “...местное начальство...вместо того, чтобы покровительствовать (кавказскому населению, - Ред.), только утесняло и раздражало. Словом, мы сами создали горцев, каковы они есть, и довольно часто разбойничали не хуже их... Я много толковал об этом с Вельяминовым, стараясь внушить ему, что хочу не побед, а спокойствия, и что для личной его славы и для интересов России надо стараться приголубить горцев и привязать их к русской державе, ознакомив этих дикарей с выгодами порядка, твердых законов и просвещения, что беспрестанные с ними стычки и вечная борьба только все более и более удаля-

ют их от нас и поддерживают воинственный дух в племенах, без того любящих опасности и кровопролитие...”

И это было сказано царем “отличному генералу и отличному человеку”, как отзывались о Вельяминове декабристы, которых было много у него в войсках” (15).

При работе над диссертационным исследованием, автор стоял на позициях российскости при освящении политики генерала А.П. Ермолова на Северном Кавказе.

Источниковая база диссертации. В качестве документальной основы для написания диссертации послужили материалы, хранящиеся в фондах Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Ставропольского края (ГАСК) и Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), различные опубликованные источники.

В Российском Государственном военно-историческом архиве автором исследования были использованы следующие фонды: фонд 217 (Ермолов А.П., генерал от инфантерии); фонд 482 (Кавказские войны); фонд 13454 (Штаб войск Кавказской линии и в Черномории расположенных); фонд 14719 (Главный штаб Кавказской армии); фонд 15246 (Штаб войск Кубанской линии). Данные фонды содержат материал, относящийся к военной, административной, колонизационной и судебной деятельности ермоловской администрации на Северном Кавказе. Особенно следует выделить в фонде 13454 предписание чеченскому приставу, регулирующее взаимоотношение между российской администрацией и горцами. Этот источник показывает неординарность действий имперской власти, попытку наладить взаимоотношения, с кавказскими народами не прибегая к силовым мерам, а с помощью административно-судебных шагов.

В Государственном архиве Ставропольского края представляют интерес фонды: фонд 22 (Главный смотритель меновых дворов и карантин по Кавказской линии); фонд 79 (Общее управление Кавказской

области); фонд 87 (Канцелярия гражданского губернатора кавказской губернии); фонд 128 (Кавказское гражданское правление); фонд 249 (Главный пристав магометанских народов, кочующих в Ставропольской губернии); фонд 288 (Строительная комиссия при кавказских Минеральных Водах); фонд 444 (Канцелярия гражданского губернатора Кавказской области); фонд 932 (Гражданский архитектор при главноначальствующем на Кавказе и в Грузии Руска И.Ф.); фонд 1300 (Комиссия наделения линейного казачьего войска землями). Материал содержащийся в фонде 22 имеет ценную информацию о русско-кавказской торговле и обмене, имевшими место в ермоловский период. 79 фонд позволил почерпнуть сведения о переселенческой деятельности российской администрации, а фонд 87 и 444 дали представление о деятельности властей Кавказской губернии (позднее области), и о ситуации в этой административной единицы в изучаемый период. Среди материалов фонда 128 содержались интересные сведения об устройстве волостного управления у осетин, а фонд 249 дал ценную информацию о взаимоотношениях царских властей с кочевыми народами проживающими на Северном Кавказе. О развитии курортов на Кавказских Минеральных водах свидетельствуют материалы фондов 288, 932, а фонд 1300 дал ценный материал о наделении землей казаков линейного войска, которых царизм рассматривал, как главную колонизационную силу в деле освоения Северного Кавказа.

Государственный архив Краснодарского края содержал следующие фонды, использованные автором исследования: фонд 249 (Канцелярия войскового атамана Черноморского казачьего войска); фонд 250 (Войсковая канцелярия Черноморского казачьего войска); фонд 261 (Канцелярия начальника Черноморской кордонной линии); фонд 318 (Отделение казачьих войск штаба отдельного Кавказского корпуса и штаба Кавказского военного округа); фонд 345 (Переселенческий комитет Черноморского казачьего войска). В данных фонах представлены множество дел касающихся переселения в Черноморию колонистов из

Полтавской и Черниговской губерний, материалы о военной и гражданской деятельности местной администрации, о взаимоотношениях с закубанскими соседями. Все это, как нельзя лучше характеризует ситуацию на Северо-Западном Кавказе в ермоловский период.

В ходе диссертационного исследования широко использовались уже опубликованные архивные документы. Среди них особо следует выделить Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК), чье 12-ти томное издание является самой крупной публикацией документов по истории Кавказа в дореволюционный период. К изучаемому времени относятся документы, содержащиеся в Т.6. Ч.1 и 2 (16) данного издания, но ряд использованных сведений содержится и в Т. 5 (17) и Т.8. Ч.2. (18) Опубликованные документы из архива Главного управления царского наместника на Кавказе, позволяют осветить военную, политическую, административную, судебную и экономическую историю Северного Кавказа в ермоловское время.

Весьма важный материал содержится в Полном собрании законов российской империи (Собрание первое и второе) (19). Здесь собраны документы, анализ которых позволяет почерпнуть сведения о северокавказской политике русского правительства.

Множество важных официальных документов и свидетельств частного характера, содержит в себе сборник, подготовленный Погодиным М.Н. “Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии” (20). Его дополняют публикации: “Приказы А.П. Ермолова на Кавказе и в Грузии” в журнале “Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете” (21) и “Кавказские материалы для биографии А.П. Ермолова собранные И. Ходневым” в журнале “Русский вестник” (22). Опубликованные в 1861 г. мемуары Алексея Петровича, будучи сами по себе важным источником, содержали “Приложение”, состоящее из различного рода документов, писем и тому подобных материалов о жизни и деятельности А.П. Ермолова (23).

Интересные факты содержатся в опубликованном Е.Г. Вейденбаумом архиве Ф.А. Бековича-Черкасского (24).

Особое место занимают воспоминания непосредственных участников изучаемых событий. Помимо упомянутых мемуаров самого А.П. Ермолова, сюда следует отнести записки Э.В. Бриммера (25) и Ван-Галлена (26), служивших под началом генерала, воспоминания Н.А. Нефедьева (27), А. Стрелковой (28), Г. Геракова (29) побывавших на Кавказе в ермоловский период и оставивших интересные описания тогдашней действительности. Ряд сведений относящихся к теме диссертационного исследования содержится в мемуарах Д.В. Давыдова (30).

В ходе исследования автором привлекался обширный эпистолярный материал (31). Интерес к подобного рода источникам объясняется тем, что в частных письмах, как правило, давалась более откровенная и эмоциональная оценка событий, чего нельзя найти в официальных документах.

Важные сведения о колонизации Северного Кавказа, на страницах “Ставропольских губернских ведомостей” опубликовал И.В. Бентковский (32).

В советское время вышли в свет такие сборники документов, как: “Материалы по истории Дагестана и Чечни. 1801-1839” (33), “Материалы по истории осетинского народа. Сборник документов по истории завоевания Осетии русским царизмом” (34) и “Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. Сборник документов” (35). Подборка материалов в них, призвана была доказать агрессивность царизма по отношению к кавказским горцам и подобный подход приводил к односторонности и предвзятости в освещении такого непростого и многогранного явления, как т.н. “Кавказская война”, одним из участников которой был генерал Ермолов. Но, тем не менее, эти сборники содержат важный фактический материал, который в комплексе с другими источниками позволяет нарисовать объективную картину этого процесса.

Ряд важных свидетельств по истории Дагестана содержится в сборнике “История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы” (36). Особый интерес вызывают факты приводимые Ф.И. Ртищевым и М.А. Коцебу позволяющие составить представление об уровне хозяйственно-экономического развития ряда дагестанских народов.

Русско-адыгским торговым контактам посвящен сборник документов, составленный М.В. Покровским (37). Он содержит богатый материал по русско-кавказским торговым связям на Северо-Западном Кавказе.

Интерес к горским законам возник еще в дореволюционный период, о чем свидетельствуют собранные Ф.И. Леонтовичем материалы по обычному праву кавказцев (38). В советское время его труд был дополнен, в частности Б.А. Гардановым (39). Их труды использовались автором диссертационного исследования при написании главы о административно-судебных реформах А.П. Ермолова на Северном Кавказе.

В сборнике “Пятигорск в исторических документах 1803-1917 гг.” (40) и “Кисловодск в исторических документах 1803-1917 гг.” (41), есть важные материалы о деятельности местных властей по обустройству курортов, активно проводившемуся во время пребывания генерала на посту командира Отдельным Грузинским (Кавказским) корпусом.

О взглядах, как русских, так и иностранных путешественников на Кавказ, в частности на Осетию, говорит подборка документов из сборника “Осетия глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.)” (42). Аналогичная информация собрана в сборнике “Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв.” (43). Их впечатления и выводы позволяют составить картину тогдашней действительности и понять в какой обстановке происходили изучаемые события.

“Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырех книгах. Книга первая. Россия и Се-

верный Кавказ в XVI-XIX веках” содержит подборку материалов посвященных такой актуальной теме, как взаимоотношение народов Северного Кавказа и Российской империи, непростые пути складывания российско-северокавказского единства. Сборник содержит преимущественно уже опубликованные документы, что впрочем, не уменьшает его ценность, т.к. здесь впервые с такой полнотой подобраны историко-правовые документальные свидетельства, посвященные формированию Российского многонационального государства. Ряд материалов относится к ермоловскому периоду (44).

Историография проблемы. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе начала довольно подробно освещаться уже в дореволюционной историографии. Об этом свидетельствуют довольно обширные библиографические указатели, составленные А. Гизетти (45) и А. Ермоловым (46). Особенно в этом плане интересны работы Н.Ф. Дубровина, В.А. Потто, Ф.М. Уманца (47). Они написаны на основе большого числа, как официальных документов, так и воспоминаний непосредственных участников событий. К числу их недостатков следует отнести то, что в них слабо освещаются не военные мероприятия генерала, что впрочем, характерно для всех дореволюционных историков так или иначе занимавшихся изучением данного вопроса. Между тем, государственная деятельность Ермолова на Кавказе неразрывно связана с попытками мирного решения проблемы обустройства новых территорий, на которые в ермоловский период активно начинает распространяться российская административная власть.

Описание военных действий на Кавказе имеет место в труде П. Зубова “Подвиги русских на Кавказе” (48). Слабой стороной книги является отсутствие серьезного анализа приводимого материала.

Боевым действиям на Восточном Кавказе, в том числе и при А.П. Ермолове, посвящена работа Н.А. Волконского “Война на Восточном Кавказе в связи с мюридизмом” (49).

Особую ценность при изучении военной деятельности Ермолова имеют сведения собранные А.Л. Гизетти, позволяющие уточнить те силы, которыми располагал Ермолов на Кавказе, и какие потери имелись в рядах его войск (50).

Весьма важные сведения содержатся в полковых историях различных воинских частей, расположенных на Кавказе и бывших непосредственными участниками изучаемых событий. Сюда относятся: “История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726-1880)” А. Зиссермана (51), “Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846” Д.В. Раковича (52), “История Хоперского полка” В.Г. Толстова (53).

Геополитические аспекты т.н. “Кавказской войны” поднимают в своих трудах П. Романовский (54) и Р.А. Фадеев (55). На высоком, для своего времени, научном уровне, авторы попытались осмыслить задачи России на Кавказе, показать причины вызвавшие затяжной военный конфликт. Свое видение этой сложной проблемы показал и М. Острогорский в работе “Завоевание Кавказа (1801-1864)” (56).

“Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость” Н.Ф. Грабовского является важным исследованием, которое необходимо учитывать при анализе взаимоотношений российской власти и населения Кабарды в ермоловский период (57). В контексте истории кабардинского народа, о ермоловской деятельности говорит и В.Н. Кудашев в своей работе “Исторические сведения о кабардинском народе”, выпущенной к 300-летию дома Романовых (58).

Различным сторонам жизни казачества Кубани посвящена работа Ф.А. Щербины “История Кубанского Казачьего войска” (59). Во втором томе этого фундаментального исследования дается анализ деятельности ермоловской администрации на Северо-Западном Кавказе. Но в своих оценках, на наш взгляд, автор не всегда бывает, объективен и справедлив. Он, например, недооценивает повысившуюся эффективность обороны Черномории, возросшую благодаря вмешательству А.П. Ермолова.

Широкий круг вопросов связанный с административной и колонизационной деятельностью российских властей на Северном Кавказе во времена Ермолова, поднимает в своих трудах И.В. Бентковский (60). Его труды отличаются качественным отбором фактов, большим знанием материалов местных (Ставропольского и Екатеринодарского) архивов.

Важные данные о народах Северного Кавказа, с которыми контактировала ермоловская администрация, содержатся в труде С. Броневского “Новейшие географические и исторические известия о Кавказе” (61). О нем сам А.П. Ермолов говорил: “Доселе не было обстоятельнейшего описания страны здешней и во многом столько истины, что трудно было бы поправить или сказать что-либо достовернейшего” (62). Сюда же можно причислить и труд И. Бларамберга (63).

Служивший под началом Ермолова И. Дебу, оставил весьма важные материалы о народах проживающих на Кавказской линии и в Черномории, причем интерес его касался не только событий современником и участником которых он был, но и более ранних страниц истории этого региона (64).

Народам Западного Кавказа и Кабарды посвящены исследования князя Хаджимукова (65) и Хан-Гирея (66), которые сами, будучи адыгами, оставили интересные сведения о своем народе.

Ряд ценных исторических и этнографических свидетельств по истории горцев Северного Кавказа опубликованы в “Сборниках сведений о Кавказских горцах” (67). В них, в частности, есть песня, посвященная А.П. Ермолову, которая свидетельствует, что современники-горцы, отнюдь не относились к генералу однозначно отрицательно.

В работе А.П. Берже “Чечня и чеченцы” (68) содержится ценный материал о чеченских племенах, даются сведения об их хозяйственной деятельности. Они вызывают особенный интерес в связи с тем, что чеченская проблема на протяжении всей деятельности генерала Ермолова на Кавказе была одной из наиболее важных для его администрации.

Известно, что ермоловская администрация и сам Алексей Петрович много времени уделяли развитию винодельческой отрасли, справедливо считая, что она приносит краю большую экономическую выгоду. Проблеме развития виноделия в Предкавказье посвящена работа М. Балласа “Виноделие России” (69). А о развитии другого, не менее перспективного занятия - шелководства, мы находим сведения в книге Н.Н. Шаврова “Описание кавказского шелководства” (70).

Среди главных достижений отечественной историографии следует считать накопление огромного фактического материала, который затем успешно применялся советской, а ныне российской исторической наукой.

Специальному комплексному изучению деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе в советское время не подвергалась. Она рассматривалась преимущественно лишь попутно, в связи с другими проблемами. Исключение составляют небольшие по объему и преимущественно научно-популярные по содержанию, работы. В ряде своих публикаций подвергает изучению деятельность А.П. Ермолова на Кавказе А.Ч. Касаев (71). Он затрагивает, в частности, такую важную проблему, как последствия политики генерала. Небольшой, ознакомительного характера этюд о генерале Ермолове опубликовал в “Ставропольском хронографе на 1996 год” Н.Д. Судаев (72). Среди научно-популярной литературы посвященной “проконсулу Кавказа” следует назвать работу А.Г. Кавтарадзе “Генерал А.П. Ермолов” (73) и С. Экштута “Алексей Ермолов” (74).

Проблема хозяйственной и торговой деятельности северокавказского населения весьма основательно подверглась изучению, особенно в советский период. Объясняется это тем, что хозяйственно-экономические вопросы, проблема развития общественно-экономических формаций, считались наиболее важными направлениями при изучении исторического процесса, исходя из марксистской концепции понимания истории. Отечественное кавказоведение в этом направ-

лении не только накопило огромный практический материал, но и подвергло его тщательному анализу, о чем свидетельствуют труды И.Р. Нахшунова, Р.М. Магомедова, М.В. Покровского, А.В. Фадеева, Н.П. Гриценко, Т.Х. Кумыкова, Ф.В. Тотоева, В.К. Гарданова, С.А. Чекменева, Б.Г. Алиева, Б.А. Калоева, А.Ю. Чирга и ряд других работ (75). Выводы этих исследователей позволяют лучше понять специфику Северного Кавказа ермоловской эпохи.

Внешнеполитическая ситуация, столь активно влиявшая на стратегические замыслы и действия А.П. Ермолова, подвергается изучению в работах М.Н. Покровского, А.З. Ионисиани, А.В. Фадеева, Г.А. Джахиева, Н.С. Киняпиной, М.М. Блиева, В.В. Дегоева, Б.М. Джимова (76).

Освещению политики России в Дагестане, в том числе при Ермолове посвящена работа Х.Х. Рамазанова “Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в.” (77). Однако она, на наш взгляд страдает излишней заидеологизированностью и сводит всю проблему российско-дагестанских отношений лишь к антиколониальной и антифеодальной борьбе.

Распространению административных институтов Российской империи на Кавказ посвящена статья Н.С. Киняпиной “Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии” (78). Плодотворно и результативно работает над проблемой развития административных и судебных учреждений на Северном Кавказе в конце XVIII-начале XIX вв. З.М. Блиева, о чем свидетельствует целая серия публикаций по этой тематике (79). Аналогичный интерес мы находим у Ж.А. Калмыкова (80). Данные работы затрагивают, в том числе, и деятельность А.П. Ермолова.

Проблеме перемещения осетинского населения на равнину посвящена монография Б.П. Берозова “Переселение осетин с гор на плоскость” (81). Автор использует богатый архивный материал, что делает его исследование весьма ценным и содержательным. Данная работа позволяет сделать вывод о роли ермоловской политики в формировании этнической карты Северного Кавказа. В этой же связи вызывает интерес

работа Н.Г. Волковой “Этнический состав населения Северного Кавказа XVI-XX вв.” (82).

Проблеме крестьянской колонизации Предкавказья посвящена статья Н.И. Стащук “Заселение Ставрополя в конце XVIII века и в первой половине XIX века” (83).

Обобщающие труды по истории конкретных регионов содержат, в том числе и сведения по интересующей нас теме (84). Следы ермоловской деятельности в истории низовий Терека, мы находим в работе Д.С. Васильева “Очерки истории низовий Терека” (85), а деятельность генерала в Северной Осетии нашла свое отражение в трудах М.М. Блиева “Осетия в первой трети XIX века” и “Русско-осетинские отношения (40-е годы XVIII-30-е гг. XIX в.)” (86).

Изучению политики генерала в Кабарде посвятил свой труд “Кабарда и Ермолов: Очерки истории” С.Н. Бейтуганов (87). Хотя автор в предисловии и утверждает, что намерен “поделиться с читателем беспристрастными соображениями и некоторыми выводами по столь и на сегодня животрепещущему периоду нашей истории”, но этой беспристрастности в монографии мы не видим (88). Весьма показательно, что отвечая на критику, высказанную в адрес своей работы, автор вообще приходит к выводу об изначальной агрессивности одних народов и миролюбии других. В частности он утверждает, что: “В истории не было народа, свободного от войн, только одни более нападали, чем защищались, другие более защищались, чем нападали. К первым можно было бы отнести русских, ко вторым – адыгов (кабардинцев)” (89). Читателю навязывается мысль о коварной Российской империи и жертвенной Кабарде, но вместе с тем, заслуживающей интереса стороной исследования является попытка нарисовать психологический портрет А.П. Ермолова и, исходя из этого, объяснить его действия и политику на Кавказе. А что касается агрессивности того или иного народа, то данную проблему следует рассматривать в каждой конкретной исторической ситуации. В истории адыгов также можно найти немало примеров воинственного от-

ношения к соседям, но наделять от этого народ какими-то изначально агрессивными наклонностями, на наш взгляд не правомочно. Не избежал крайностей в своем аналогичном исследовании и Р.У. Туганов, который даже в названии своей работы “Кабарда и Балкария в период ермоловщины” (90) попытался показать свое негативное отношение к данной личности. Вместе с тем, как нам видится, Ермолов сыграл в жизни кабардинского народа и положительную роль, что следует учитывать при проведении объективного и непредвзятого исследования.

Далекая от идеализации оценка личности Ермолова и его деятельности дается В.Б. Виноградовым, А. Шейхой в работе “Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (вторая половина XVIII-первая треть XIX вв.)” (91). Вместе с тем, нужно отметить, что В.Б. Виноградов сумел весьма глубоко, и не впадая в крайности раскрыть образ “ермоловца” Засса Г.Х. (92), да и положительные моменты деятельности самого генерала Ермолова приводились этим исследователем в его этюде “Двадцать лет спустя” (93).

Ряд сведений относящихся к теме диссертации содержится в работе Л.Б. Заседателевой посвященной истории терского казачества (94), а так же в аналогичном труде И.Л. Омельченко “Терское казачество” (95). Обзорный, энциклопедический характер имеет труд О.В. Агафонова “Казачьи войска Российской империи” (96). В нем автор совершает краткий экскурс в историю каждого казачьего войска России, в том числе и расположенных на Кавказе.

Интересные сведения позволяющие раскрыть менталитет горцев дают их героико-исторические песни, изучению которых посвящены работы У.Б. Далгата “Героический эпос чеченцев и ингушей” (97) и Ф.О. Абакаровой “Особенности развития героико-исторических песен даргинцев” (98).

Своеобразным итогом трудов отечественных кавказоведов конца 80-х годов, является фундаментальное двухтомное издание “История народов Северного Кавказа” (99). Ермоловская деятельность нашла от-

ражение во втором томе данного издания, где отмечалось, что она “реально способствовала ликвидации феодальных разбоев и работорговли, вела к более прочному соединению Кавказа с Россией”, но при этом “неоправданная жестокость” была ее “самой мрачной стороной” (100).

Несколько упрощенно трактует деятельность А.П. Ермолова в отношении чеченцев А.В. Бирюков в своей статье “Российско-чеченские отношения в XVIII-середине XIX века” (101). Он сводит замысел генерала лишь к вытеснению “чеченцев с равнины в горы и занятия их плодородных земель”. Между тем, таких мер российское командование изначально придерживалось лишь по отношению к нелояльным горцам, и наоборот, стремилось выселить на плоскость тех из них, которые не участвовали в хищничествах, т.к. на равнине их было легче контролировать. Сомнительным кажется и вывод автора гласящий: “Жестокие методы ведения войны с горцами начиная с ермоловских времен признаются необходимыми не только в официальных документах, но и в общественном сознании” (102). Есть масса примеров того, что и правительственные круги, и общественность, напротив, зачастую выступали за не военные методы умиротворения кавказцев (103). Даже действительно наполненный драматизмом военной конфронтации ермоловский период, не правильно сводить только к вооруженным столкновениям и конфликтам. В целом статья страдает отсутствием глубокого анализа приводимого материала, хотя сами используемые факты вызывают интерес.

На качественно новый уровень проблему Кавказской войны выводит монография М.М. Блиева, В.В. Дегоева с одноименным названием (104). Она затрагивает, в том числе и проблему влияния ермоловской политики на развитие горских обществ, которые в изучаемый период переживали процесс разложения родовых и становления феодальных отношений. Эта работа явилась логическим продолжением статьи М.М. Блиева “Кавказская война: социальные истоки, сущность”, где он впервые сформулировал свое видение этого сложного и многогранного процесса (105). К сожалению, объем, и задача работы не позволили более

подробно остановиться на ермоловских преобразованиях, и многие аспекты проблемы остались за рамками исследования.

Отдельные аспекты деятельности А.П. Ермолова на Северном Кавказе освещались автором диссертации (106).

Интерес к личности генерала проявляли и западные историки, которые хотя и высказывали неоднозначные оценки его кавказской политики, но отмечали незаурядность А.П. Ермолова (107).

Территориальные рамки исследования. Несхожесть ситуации в Закавказье и на Северном Кавказе позволяют выделить последний для отдельного изучения. География диссертации охватывает все Предкавказье включающее в себя территорию от Кумо-Манычской впадины на севере, Кубано-Приазовской равнины на западе и юго-западного края Прикаспийской низменности на востоке, а так же горную систему Большого Кавказа, с которой граничит Предкавказье на юге, т.е. в современных административно-территориальных единицах Дагестан, Чечню, Ингушетию, Северную Осетию, Малую и Большую Кабарду, Ставрополье и Кубань. Именно на этой территории происходили основные события, участником которых был А.П. Ермолов и представители его администрации. Вместе с тем, следует помнить о неразрывной целостности Кавказа, как географической, так и историко-политической и учитывать это при исследовании проблемы.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 6 апреля 1816 года по 27 марта 1827 года, то есть время нахождения А.П. Ермолова на посту командира Отдельного Грузинского (Кавказского) корпуса и управляющего гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях, а с декабря 1820 года и Черномории. Однако в ряде случаев контекст исследуемых событий предполагает выход из этих рамок, с целью более четкого представления предшествующих и последующих исторических событий.

Практическая значимость работы видится в применении ее материалов и положений при написании обобщающих и конкретных ра-

бот по новой истории Северного Кавказа, при подготовке спецкурсов в вузах и среднеспециальных учебных заведениях, в школьной учебно-воспитательной практике и в лекционно-пропагандистской работе (108).

Апробация работы. Основные положения работы изложены в выступлениях на ряде региональных конференций: “Прочноокопский историко-государственный многоугольник” (Армавир, 1994), “Археология и краеведение Кубани. Материалы Третьей межвузовской студенческо-аспирантской научной конференции” (Краснодар-Армавир, 1995), “Историческое регионоведение – вузу и школе. Материалы Четвертой региональной научно-практической конференции” (Армавир, 1995), “Археология и краеведение Кубани. Материалы четвертой студенческо-аспирантской научной конференции” (Краснодар-Армавир, 1996), “Кубань в истории России. Пятая краевая межвузовская аспирантско-студенческая конференция” (Краснодар, 1997), “Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы шестой краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции” (Армавир-Краснодар, 1998), “Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Первой региональной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции” (Армавир-Железноводск, 1998).

Кроме того, апробация работы осуществлялась в публикациях статей по диссертационной тематике в следующих научных сборниках: “Вопросы северокавказской истории. Вып.1.” (Армавир, 1996), “Вопросы северокавказской истории. Вып.2.” (Армавир, 1997), “Проблемы научно-методической работы в Ессентукском учебно-педагогическом комплексе и пути их решения” (Ставрополь, 1997), “Вопросы северокавказской истории. Вып.3.” (Армавир, 1998).

Имеются и другие опубликованные работы по теме диссертационного исследования.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, карты.

Глава I. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.П. ЕРМОЛОВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.

§ 1. Историческая ситуация к моменту назначения А.П. Ермолова на Кавказ.

Для правильного понимания ермоловской политики на Северном Кавказе, необходимо вкратце охарактеризовать ту историческую ситуацию, которая сложилась к моменту его появления в этом регионе; раскрыть внутренние и внешние, а также субъективные факторы, определявшие действия и поступки А.П. Ермолова.

В изучаемый период основой экономики горских обществ было преимущественно скотоводство, т.к. природно-климатические условия не позволяли зачастую эффективно заниматься земледелием. Даже на равнинах Чечни, справедливо считавшейся житницей всего Северо-Восточного Кавказа, животноводство не потеряло своего значения. В таких условиях происходила консервация патриархально-родовых отношений у горцев, и задержалось их дальнейшее поступательное развитие. Выходом из этой ситуации были набеги или наездничество, выступавшие в качестве компенсирующего экономического фактора (1). Поэтому “в системе наездничества того времени нельзя видеть сегодня что-то обидное и предосудительное. Это было свойственно многим народам на определенной стадии развития” (2). Целью набегов были в основном богатые поселения, располагавшиеся на равнине Северного Кавказа, “где под влиянием России заметно оживилась хозяйственная жизнь” (3). Благодаря набегам происходили “с одной стороны, усиление власти, рост богатства и влияния феодализировавшейся знати, а с другой - удовлетворение минимальных материальных запросов общинников и благодаря этому сглаживание внутри общества социальных противоречий” (4). Между тем российскую сторону такое положение вещей естественно устраивать не могло, а потому власти делали все, чтобы нейтрализовать эти набеги.

Российская политика на Кавказе традиционно отличалась многообразием подходов и методов. В юные годы Алексей Петрович участвовал в походе Валериана Зубова, который был прекращен, казалось в самый неподходящий момент. Удача улыбалась русскому оружию и, тем не менее, новый император Павел I приказал войскам вернуться, сведя на нет все достижения данной акции. Россия отказывалась от наступательной тактики и переходила к политике преимущественно невоенного сдерживания своих противников, предпочитая дипломатическими шагами решать возникающие проблемы. Такой подход распространялся как на Турцию и Иран, так и на горские народы. Из части пророссийски настроенных феодальных владетелей предполагалось создать федеративное государство, зависящее от российского императора. Этот замысел, внешне привлекательный, вместе с тем, был явно утопичен и попытка формально воплотить его в жизнь в начале царствования Александра I успеха не имела (5). Для историков вместе с тем интересен сам факт поисков приемлемых подходов, изыскиваемых российским руководством по отношению к кавказской проблеме, ибо любой направляющийся сюда наместник, так или иначе, ориентировался на ту генеральную линию, которую устанавливал официальный Петербург.

Павловская концепция, предусматривающая ограниченное применение силовых методов, при его преемнике существенно изменяется, хотя от нее полностью и не отказываются. Эта трансформация во многом объясняется той внешнеполитической ситуацией, которая возникает в этот период.

Закончив борьбу с наполеоновской агрессией, Россия могла активизировать свою политику в южном направлении. Проблема Кавказа волновала Александра I еще в самом начале его воцарения на престол. Недаром вопросу о присоединении Грузии было посвящено два обсуждения в Государственном совете 10 и 15 апреля 1801 г. “Молодые друзья” императора настойчиво советовали ему отказаться от принятия этих земель, но Александр I склонился к доводам их оппонентов и 12

сентября 1801 г. подписал манифест о присоединении Грузии (6). Принятое решение надолго определило политику Российской империи на Кавказе и таило в себе огромные военные и экономические трудности, связанные с реализацией этого плана. Во многом решение Петербурга подтолкнула активизация Ирана и Турции и действовавших за их спиной Англии и Франции, которые в это время усилили свою деятельность в близлежащих к Кавказу регионах. Начинаясь “новый этап, связанный с усилением вмешательства европейских держав во внешние и внутренние дела стран Ближнего и Среднего Востока” (7). А.П. Ермолов уже после своей отставки говорил: “России нечего опасаться за свои владения, пока соседями с той стороны остаются такие слабые народы, как Персияне и Турки. Но притаись где нибудь Англичане, доставь горцам артиллерию, научи их военному искусству, и тогда нам надо будет укрепляться уже на Дону. Англичане стерегут нас не спуская глаз” (8). На горный перешеек в российском правительстве смотрели как на естественную преграду, обладание которой давало существенное преимущество ее владельцу. Позднее, уже после фактического присоединения Кавказа, о его значении будут писать: “Для России Кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которою заставлена Средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское” (9). “С этих неприступных высот, опирая свои оба крыла на Каспийское и на Черное моря, может Россия беспрекословно повелевать в Тегеране и в Царь-граде” (10). Безусловно, на принятие решения повлияло и желание помочь единоверцам, которым соседство с воинственными мусульманскими деспотиями и не менее воинственными горцами, грозило физическим уничтожением (11). От новых территорий ожидалось со временем и экономические выгоды (12).

Закономерным последствием этого шага явилась война с Ираном, которая вспыхнула в 1804 г. Поводом для нее послужил отказ русского правительства вывести свою администрацию и войска из Грузии, как то-

го требовал иранский шах. Начало боевых действий показало зыбкость русских позиций на Кавказе в целом и в Закавказье в особенности. После того, как тагаурский алдар Ахмет Дударов блокировал Военно-Грузинскую дорогу, положение стало критическим. Только решительные действия нового главнокомандующего князя П.Д. Цицианова, обеспечившего относительную безопасность русским коммуникациям на Северном Кавказе позволили развернуть активные боевые действия против персов и нанести им ряд ощутимых поражений. Смерть Цицианова не изменила общего течения войны и 12 октября 1813 г. в селении Гюлистан был подписан мирный договор, согласно которому за Россией признавались такие территории, как Грузия (Картли и Кахетия), Дагестан, ханство Карабахское, Ганджинское, Шекинское, Дербентское, Кубинское и часть Талышинского.

Не менее удачно завершилась и война с Османской Портой. В 1806 г. турецкое правительство, заручившись поддержкой со стороны Франции, начинает активную подготовку к войне с Россией и в конце декабря этого же года объявляет ей войну. В своих планах Турция рассчитывала на широкую поддержку со стороны северокавказских горцев. Однако первые же бои показали, что несмотря на войну на два фронта, Россия способна противостоять своим врагам, а после серьезного поражения на Дунае в 1811 г. от войск М.И. Кутузова, Порте ничего не оставалось, как пойти на заключение мира. Договор был подписан в Бухаресте 20 мая 1812 г. и гласил, что наряду со многими уступками, Турция соглашалась на признание за Россией Имеретии, Мегрелии, Гурии, Абхазии, укреплений Редут-кале, Анаклии и Сухум-кале. Крепости же Потти, Анапа и Ахалкалаки оставались во владении Порты (13).

Таким образом, в результате двух победоносных войн России удалось де-юре подчинить почти всю территорию Кавказа, за исключением Северо-Западной его части. Но до фактического присоединения этого края было еще далеко. Как Персия, так и Порты жаждали реванша за неудачную войну, и вероятность новых столкновений была крайне

высока. Находящийся у власти в Иране Фатх Али-шах не оставлял надежд с помощью силы потеснить Россию на Кавказе (14). “В то же время в Иране и в Турции усилилось британское влияние. ...нетрудно понять, почему Кавказ оказался в сфере международного кризиса, возникшего на Ближнем Востоке...” (15). В подобной ситуации русские власти стремились форсировать укрепление своих позиций во вновь приобретенных землях и, прежде всего, сделать территорию Северного Кавказа безопасной для перемещений. Опыт боевых действий явственно показал, что от занимаемой горцами позиции в отношении России, зависит во многом как сложится военная ситуация на основном, Закавказском фронте. Прекрасно понимали это и власти Турции и Ирана, которые через своих эмиссаров активно разжигали среди кавказцев антирусские настроения (16). Этой политике зачастую содействовали грубые просчеты российских властей, которые настраивали против них местные народы (17). М.Н. Покровский видел истоки будущих кровавых столкновений на Северном Кавказе, прежде всего именно в русско-персидских противоречиях. “Война с горцами – Кавказская война в тесном смысле – непосредственно вытекла из этих персидских походов: ее значение было чисто стратегическое, всего менее колонизационное” (18). Для того чтобы повлиять на горцев, традиционно применялись два испытанных способа: торгово-политические мероприятия и военные акции. Дополняя друг друга, они порой успешно позволяли распространять военно-административную власть империи на новые земли и осуществлять контроль, за ее беспокойными обитателями. Но положение осложнялось тем, что Россия, пережившая и выигравшая тяжелейшую войну с Наполеоном, не могла направить на Кавказ сколько-нибудь значительные военные силы и экономические средства. Собственные сожженные города и села требовали восстановления, народ за время интервенции обнищал, а европейские дела по-прежнему требовали сосредоточения у западных границ основных сил армии. Подобное положение побуждало Александра I справляться с возникшими на Кавказе трудностями в основном за

счет имеющихся там сил и средств. Для этого необходим был человек, который сочетал бы в себе незаурядные военные и административные таланты, а, кроме того, был бы еще не лишен дипломатических способностей. Этим человеком стал герой Отечественной войны 1812 г., генерал от инфантерии А.П. Ермолов.

Отправляя Ермолова на Кавказ, Александр I решал сразу несколько задач: укреплял ермоловскими талантами позиции России в этом беспокойном регионе, удовлетворял честолюбивые устремления самого Ермолова, давно мечтавшего об этом назначении и, скорее всего, помышлял об изоляции чрезмерно популярного генерала от российского общества, тем самым, успокаивая часть своего окружения, которому порядком доставалось от ермоловских колкостей и критики (19).

От него ждали чуда. С появлением Ермолова должна была разрешиться кавказская проблема для России, наладиться отношения с Персией и при этом все остались бы довольны. Во всяком случае, такие настроения витали в русском обществе, когда Алексей Петрович уезжал на далекую окраину империи.

Герой! итак ты едешь с Богом!
И так ты оставляешь нас!
Возьми ж от нас сердца залогом,
Что мы твои по всякий час!

* * * *

Где б ни был ты, будешь сердцами
Тебе подвластных управлять,
Везде ты за добро венцами

Награду будешь получать
Явись в Лапландии ледяной,
Явись в Аравии песчаной,
Явись у Кафров, Негров злых:
Любовью первых ты согреешь,
Последним кротость в сердце всеешь
И сделаешь как агнцов их.
Но ты грядешь в страны Азийски
И узришь разны племена,
И их преславны знамена.
Черкес тебя с улыбкой встретит,
Бухарец радостью привет,

Башкирец бросив лук тугой,
 Тебя проводит своим взором
 И с странным тьма людей убором
 В пути предстанут пред тобой.
 Грузинец выбежит на встречу
 Своему мудрому вождю,
 Забудет горец наглой сечу,
 Вручив тебе судьбу свою.
 Тебе лезгинцы покорятся,
 Абхазцы пред тобой смирятся,
 Твоя их слава удивит.
 Ты всех своею добротою
 Пленишь – и истиной святою
 Твой ум и диких просветит.
 Набегов там уже не будет,
 Несчастливым всем ты есть покров,
 Живущим там – спокойно будет
 Вкушать плоды своих трудов.
 Мир за Кавказом водворится,
 Тобой мир в Персьи утвердится,
 Или победа загремит (20).

Этот “Гимн на отъезд из Санкт-Петербурга в Персию А.П. Ермолова” был написан В. Ведищевым-Добровольским в августе 1816 г. Ермолов ехал на Кавказ с “комплексом победителя”. Выжив и победив в ужасной бойне наполеоновских войн, он был преисполнен гордости за свое Отечество, сумевшее сломить доселе непобедимого корсиканца. “Никогда неразлучно со мною чувство, что я россиянин” – говорил он на страницах персидского дневника (21), подчеркивая тем самым, многонациональный характер империи, объединившей различные народы и создавшей условия для их совместного проживания. Россия превратилась в сверхдержаву, определявшую европейскую политику. Ее мощи, казалось бы, никто не мог противостоять. Вместе с тем ярки были воспоминания, когда враг топтал родную землю. В мемуарах посвященных войне 1812 г. Алексей Петрович вспоминал о пережитом: “Разрушение Смоленска познакомило меня с новым совершенно для меня чувством, которого войны, вне пределов отечества выносимые, не сообщают. Не видел я опустошения земли собственной, не видел пылающих городов моего

отечества. В первый раз в жизни коснулся ушей моих стон соотчичей, в первый раз раскрылись глаза на ужас бедственного их положения. Великодушные почитаю я даром Божества, но едва ли бы дал я ему место прежде отмщения!”(22). Однако, придя на Кавказ, боевой генерал обрушился с теми же бедами на головы непокорных горцев, осмелившихся не подчиниться победителям в Великой войне. И здесь быть может, скрывается стремление не повторить вновь подобных ужасов на своей земле, пусть даже за счет крови и слез других народов.

А.П. Ермолов отстаивая высшие государственные интересы, проводил жесткую политику в отношении горцев. Кавказские реалии не оставляли ему выбора и он добиваясь выполнения своей цели не жалел ни себя, ни окружающих. Объяснить это ненавистью к народам Кавказа, как это делают авторы школьного учебника по истории Чечено-Ингушетии (23), нельзя. Ермолову был чужд примитивный национализм. Стирая с лица земли горские аулы, он между тем, помог пострадавшему по его вине мальчику-чеченцу, будущему художнику П. Захарову (24), облагодетельствовал будущего известного просветителя, адыга Хан-Гирея (25). “Ермолов ставил задачу изменить Кавказ, и прежде всего Большой Кавказ. Но Ермолов не подозревал, что, ставя перед собой задачу коренным образом изменить обстановку на Кавказе, он и не заметит, как Кавказ будет менять его самого”, - замечает М.М. Блиев (26). “Я многих, по необходимости, придерживаюсь азиатских обычаев, и вижу, что проконсул Кавказа жестокость здешних нравов не может укротить мягкосердием”, - писал Алексей Петрович своему брату по матери, Д.В. Давыдову (27). В данном случае Ермолов успешнее всего воспринял те черты местных народов, которые должен был искоренять и это станет одним из обвинений генералу, при снятии его со своего поста. Но положительный и отрицательный опыт накопленный за время его управления Кавказом позволит в дальнейшем провести корректировку политики России в этом регионе. Сделать очередной шаг на пути

поиска той модели “совместничества”, которая даст возможность сблизить разные народы в этой части империи.

§ 2. Стратегический замысел А.П. Ермолова и военные силы, находящиеся в его распоряжении.

Прежде чем приступить к описанию военных акций Ермолова на Кавказе, следует раскрыть отношение главнокомандующего к проводимой им здесь политике. А это, как нельзя лучше, видно из слов самого генерала, который заявлял: “В здешнем краю и добро делать надобно с насилием. Я толкую здесь, что, взяв на себя охранение земли и дав высокое покровительство Грузии, Россия должна повелевать властью, а не просьбами”. Или “здесь снисходительное наказание преступлений, народами не просвещенными, принимается за слабость. Здесь за важные преступления необходима казнь, и строгость сия предупредила бы много преступлений” (28). Такой подход во многом объясняет те суровые, порой жестокие меры, которыми наполнена деятельность Алексея Петровича во время его пребывания на посту командующего Отдельным Грузинским (Кавказским) корпусом. Исходя из этого и строил он свою практику, планировал свои замыслы. И лишь к концу своего пребывания на Кавказе генерал заметно смягчает свою позицию по этому вопросу.

Еще в январе 1817 г., в личном письме к своему другу, дежурному генералу главного штаба А.А. Закревскому, Ермолов делился своими замыслами: “В разсуждении чеченцев я не намерен следовать примеру многих господ генералов, которые, нападая на них в местах неприступных и им знакомых, теряли множество людей, им не нанося вреда, напротив, всякий раз утверждали их в мнении, что их преодолеть невозможно, и по сочинении пышной реляции, уверив правительство в геройских своих подвигах, возвращались, излюбив их более прежнего. Я приду на реку Сунжу в места прекраснейшия и здоровыя. В горы ни шагу!

Построю редуты и хорошия землянки. Соберу посеянный ими хлеб и целую зиму не позволю им пасти скот на плоскости” (29).

Вернувшись в октябре 1817 г. из Персии, Ермолов уже в ноябре того же года писал императору следующее: “При первом взгляде на средства обороны кавказской Линии от набегов горских народов удобно видеть можно, что в соразмерность пространства Линии силы наши недостаточны; что местоположение, совершенно отовсюду открытое, к защите неспособно...”. Особо тяжелая ситуация сложилась, по мнению генерала, на левом фланге, где проживали чеченцы. “Смирить Чеченцев необходимо надобно; но меры на то должно взять совсем другия, нежели до сего времени. Прежде войска наши ходили к ним в землю неизвестную, по положению почти неприступную... Надобно оставить намерение покорить их оружием. Но отнять средства к набегам и хищничествам, соединив во власти своей все, что к тому им способствовало. Надобно занять р.Сунжу и по течению ея устроить крепости... Теперешния селения по Линии останутся за цепью крепостей в безопасности... Не приемля я занятие вдруг всей р.Сунжи, ибо оно потребовало-бы чрезвычайных средств и гораздо большего числа войск; но, укрепляясь постепенно и переводя войска с теперешней Линии, чрез два года все течение Сунжи будет в руках наших и, дав спокойствие Линии, мы не будем населять горы увлекаемыми в плен подданными В.И.В. и переносить наглые поступки Чеченцев и, крови их не проливая, заставим для собственного счастья переменить разбойнический образ жизни” (30). К подобной идее склонялся в свое время князь Цицианов, “который предлагал еще в 1803 году занять казачьими поселениями линию от Екатеринограда до Владикавказа и от Владикавказа по реке Сунже, включая обширное пространство Сунженского предгорья” (31). Гибель князя и последующие события оставили этот проект не востребовавшимся, а в 1810 г. за него выступил генерал Булгаков, но тоже безрезультатно (32). Ермолов решил вернуться к замыслам предшественников. 10 января 1818 г. Александр I издал на имя Ермолова указ, одобряющий его проект “каса-

тельно занятия реки Сунжи, дабы чрез то обезопасить Кавказскую Линию от набега Чеченцев и других Горских народов” (33). Через некоторое время, 20 мая 1818 г. генерал шлет императору рапорт, в котором дополнительно разъясняет свой план покорения Кавказа. Суть его предложений сводилась, как уже говорилось выше к тому, чтобы, перейти к наступательной тактике против непокорных горцев, но при этом генерал решительно отказывался от малоэффективных непродолжительных репрессалий, предлагал перейти к планомерному стеснению противника, путем переноса укреплений ближе к горам. “Это огромная крепость, говорил Алексей Петрович, смотря на громаду гор: надобно или штурмовать ее, или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого и успех неверен, так обложим же ее” (34). Испрашивая разрешение на занятие укреплениями р. Сунжи, главнокомандующий кроме того писал, что видит “не одну необходимость оградить себя от нападений и хищничеств, но усматриваю, что от самого Моздока и до Кизляра поселенные казачьи полки...и кочующие караногайцы...по худому свойству земли не только не имеют ее для скотоводства избыточно, ни-же для хлебопашества достаточно, и что единственное средство доставить им выгоды и с ними совокупить спокойствие и безопасность, есть занятие земли, лежащей по правому берегу Терека” (35). Он высказал сожаление о том, что эти меры не были воплощены в жизнь еще до присоединения Грузии, когда на Северном Кавказе были сосредоточены большие силы и “можно было стать твердою на новой черте ногою” (36). На против левого фланга русской Линии проживали чеченцы, аксаевцы, андреевцы и костековцы. По характеристике Ермолова: “Все сии народы и часть самих чеченцев, живущие по левому берегу Сунжи и даже по правой стороне Терека против самих селений наших, именуются мирными и последние из сих, прикрывая себя личиною добраго к нам расположения, суть наиопаснейшие для нас... Безпрестанно изобличаются они в воровствах, нападении и увлечении в плен людей наших, нет спокойствия и безопасности” (37). И во всем этом генерал обвинял своих предшественников, позволивших

им селиться на Тереке. Для исправления сложившейся ситуации он уже в 1818 г., собирался “устроить одно укрепление на Сунже в месте самом для нас опаснейшем или, если успеть, возможно будет учредить два укрепления”. Таким образом, для народов, обитающих между Сунжей и Терекком, генерал оставлял два варианта дальнейшей жизни, либо “если по надлежащему будут они повиноваться, назначу по числу их нужное земли количество...если же нет, предложу им удалиться и присоединиться к прочим разбойникам”. Отныне горцы, по мнению А.П. Ермолова, должны были уяснить для себя, что они являются подданными русского императора, а не его союзниками, “как они до сего времени о том мечтают”. В дальнейшем, цепь сунженских укреплений предполагалось “продолжить чрез Аксаевския, Андреевския и Костековския селения до р.Сулака... Таким образом, со стороны Кавказской Линии приблизимся к Дагестану и учредится сообщение с богатейшею Кубинскою провинциею и оттуда в Грузию”. Попутно планировалось поставить под свой контроль соляные озера во владениях шамхала Тарковского и таким образом получить в свои руки еще один рычаг экономического давления на горцев, которые все без исключения пользовались их солью. Все это планировалось завершить в 1820 г., “разве воспрепятствуют тому чрезвычайнейшие случаи” (38). После этого можно было приступить к переносу Линии в центре, против кабардинцев, которые постоянно поддерживали связи с закубанскими народами. По замыслу Ермолова, “надобно, сближаясь к вершинам р. Кубани, при урочище, известном под именем Каменный мост, сделать укрепление на один бат. пехоты и, вступая в сношение с некоторыми горскими народами от кабардинцев утесненными, содержать сих последних в совершенной зависимости” (39). М.Острогорский позднее назовет подобные действия “правильной наступательной войной” (40).

Сложнее всего ситуация складывалась на Северо-Западном Кавказе, на правом фланге линии, где требовались особенные “соображения обороны” (41). В своих мемуарах Алексей Петрович писал: “Вообще,

можно сказать о правом фланге Кавказской Линии, что по причине протяжения его и мест повсюду открытых нет никаких средств сделать его более твердым и оградить от нападений закубанцев, имеющих удобные через Кубань переправы во множестве. Должно приписать одному несогласию живущих за Кубанью народов, что они далеко внутрь линии нашей не делают набегов, на что, по многолюдству их, легко бы могли решиться” (42). Перенести линию ближе к горам, как это было на левом фланге и в центре, Ермолов не мог, т.к. для этого у него не было ни сил, ни возможности. Закубанские народы входили в этот период в сферу влияния Турции и юридически считались ее подданными. Русские укрепления на их землях могли спровоцировать конфликт с Портой, а этого Петербург допустить не мог. Но, тем не менее, не в правилах Ермолова было бездействовать. Видя, что войска не преследуют отряды “хищников”, вторгающихся в русские пределы с целью грабежа, из-за боязни моровой язвы, генерал отменяет этот приказ, сковывающий инициативу войск и впредь, вдогонку закубанцев должен был отправляться русский отряд. Подобная активная оборона, по замыслу Ермолова, должна была ослабить набеги черкесов в российские земли.

Подготавливая свой план действий, Ермолов просил императора, чтобы его придерживались и в дальнейшем. Как позднее напишет один из дореволюционных историков: “Самое замечательное в деятельности Ермолова на Кавказе, не его победы над горцами, не его стратегический талант и даже не его гражданское управление... Заслуживает наибольшего внимания попытка Ермолова раз навсегда покончить с бессистемностью в политике, неопределенностью желаний и вечным переделыванием и недоделыванием” (43). Замысел предложений А.П. Ермолова свидетельствовал о том, что начинался “период фактического поглощения “покровительствуемых” территорий и их населения, вооруженного утверждения на них царского военно-административного аппарата и имперских порядков” (44).

Воплощая в жизнь замыслы в отношении чеченцев, Ермолов говорил: “Я не отступаю от предпринятой мною системы стеснять злодеев всеми способами. Главнейший есть голод и потому добиваюсь я иметь путь к долинам, где могут они обрабатывать землю и спасти стада свои. Досель дерусь для того, чтобы иметь пути сии, потом будут являться войска, когда занят каждый работой и собратся многим трудно. Для драки не будет довольно у них сил, следовательно и случаи к драке будут редки, а голоду все подвержены и он поведет к повиновению” (45). Таким образом видно, что А.П. Ермолов хотел добиться прекращения набегов преимущественно силовыми методами, угрозой расправы, голодом. На бумаге этот план выглядел идеальным и обещал скорый результат.

Закрепясь на Сунже, генерал приступает к усмирению Кабарды. 29 апреля 1822 г., находясь в Тифлисе, Ермолов пишет Закревскому: “Завтра выезжаю я на Линию. Кабардинцы делают большия пакости по наущению закубанцев, которые, партиями приходя к ним в помощь, нападают на линию. Я пять лет терпел...но теперь пришла их очередь и я намерен порядочно уже проучить их, и если успею, то даже хочу переменить и положение прежней линии, которая имеет величайшие недостатки” (46). До этого он писал: “Кабардинцы несносными шалостями вызывают на бой и я должен терпеть, ибо занят гораздо опаснейшими злодеями... Когда пьют кровь змеи, тогда жало комаров не так чувствительно. Так разумею я Кабардинцев. По сему смотрится с большим равнодушием на их разбой” (47). Действуя в соответствии со своим планом, 28 июля 1822 г., в обращении к императору, он просит позволить перенести Кавказскую линию к “подошве, так называемых, Черных Гор, от Владикавказа и до верхней Кубани”. От этой акции генерал ожидал следующих преимуществ: “Протяжение Линии сократиться, укрепления и посты устроятся в местах выгодных и здоровых, и новое размещение войск даст возможность некоторую часть оных приблизить к реке Кубани...” (48). Тогда же в донесении Начальнику Главного Штаба генерал-

адъютанту князю Волконскому он более подробно разъясняет свои намерения. “Новая Линия должна окружить собою Кабардинскую землю, малое коей население оградил я несколько теснейшими против прежнего пределами, и между реками Малкою и Кубанью оставил пространство, которое впоследствии должно быть занято русскими селениями, или преимущественно Линейными Казаками, теперь весьма невыгодно расположенными”. Оказавшиеся в окружении русских, кабардинцы, по замыслам генерала, должны были сами охранять от набегов свои земли и, таким образом, часть войск освобождалась для обороны непосредственно “Линии, по Кубани простирающейся” (49). В перспективе планировался перенос Военно-Грузинской дороги с правого берега р.Терек на левый, “до самого Владикавказа, где, пролегая по Кабарде местами населенными, можно будет иметь легчайшие способы транспортирования и несравненно удобнейшую переправу чрез Малку...” (50). Понимая, что только строительством укреплений проблемы не решить, он в донесении от 1 сентября 1822 г. просил Волконского “о переносе некоторых станиц Линейных Казаков, о перечислении в сие состояние живущих на Линии иноверцев и весьма небольшого числа казенных селений, в самом близком разстоянии от границы и между Казачьими станицами живущих” (51). Принимая во внимание доводы Ермолова и соглашаясь с ними, Александр I, 3 сентября 1822 г., утвердил его план и повелел привести его в исполнение.

Военные силы А.П. Ермолова на Северном Кавказе являлись одним из основных рычагов воздействия на этот беспокойный регион. Создание новой кордонной линии, рубка просек, строительство дорог, репрессалии – все эти мероприятия были направлены для достижения одной цели: остановить горские набеги и сделать тылы русской армии на случай войны в Закавказье надежными и безопасными. Между тем военные возможности генерала Ермолова были весьма ограничены. Вызвано это было как количественным, так зачастую и качественным состоянием войск, находящихся на Линии.

Императорским указом от 21 декабря 1815 г. из 19 и 20 дивизий был сформирован Отдельный Грузинский корпус. Ермолов вспоминал: “В октябре 1816 года нижних воинских чинов, могущих быть в действии: 19-й и 20-й пехотных дивизий 30336, резервной бригады и трех гренадерских полков 7024, в гарнизонных полках и батальонах 5920, в Нижегородском драгунском полку 711, в линейных казачьих полках 5302, Войска Донского в казачьих полках 5237, Астраханского казачьего войска в трех полках 1634. Артиллерии: батарейных 48, легких 60, конноказачьих 24 орудий” (52). На Линии основную силу составляли полки 19 дивизии: Суздальский пехотный полк в кр. Константиногорск и кр. св. Николая, Вологодский пехотный полк в кр. Кавказск, Прочный Окоп и Усть-Лабинской, Казанский пехотный полк в Екатеринограде, Георгиевске и Константиновском редуте, 16-й Егерский полк в ст. Наурской и Щедринской. Часть сил дивизии, Белевский пехотный и 15-й Егерский полки находились в Закавказье (53). Каждый полк, состоящий из 3-х батальонов, по штату должен был иметь 240 унтер-офицеров, 2760 рядовых, 54 музыканта и 131 нестроевых, но реально достичь такой численности не удавалось. В идеале под началом Ермолова должно было состоять всего до 45000 человек пехоты подвижного состава, т.е. на Северном Кавказе около 12000, чего на практике не было. В связи с нехваткой воинских сил на Линии большую нагрузку испытывали на себе казаки, несшие охрану границы: Гребенское, Терско-семейное и Терско-кизлярское войска, Кубанский, Кавказский, Хоперский, Волгский, Моздокский полки и Моздокская горская команда с Луковской станицей, вынужденных выставлять ежегодно до 8550 человек (54). Нелегко приходилось и их соседям, черноморским казакам которые в это время Ермолову еще не подчинялись. Между тем, в казачьих формированиях был существенный некомплект, а потому на службу вынуждены были посылаться старики и малолетние. Предшественник Ермолова, генерал Ртищев, велел отправить с Линии шесть донских полков (по штату в одном полку было 550 рядовых и 10 урядников, т.е. 3360 человек), что сделало

ситуацию на границе критической. “Что заключить должны неукрошенные горские народы о поголовном вооружении Линейных Казаков, и что могут против их малолетние Казаки, тогда как и хорошие Донские полки не с первого разу бывают им страшны?” - вопрошал Ермолов Александра I в своем рапорте в сентябре 1816 г. “Выходили отцы с двумя и тремя сыновьями, продавалось имущество для вооружения вдруг так значущего количества Казаков, и многие семейства приходили в совершенную бедность, и жалобы были бесконечны” (55). И это не считая того, что казаки должны были нести различные повинности, например дорожную, постоянную, подводную, почтовую и другие (56). По приказу генерала четыре донских полка должны были остаться на Кавказской Линии, что позволило несколько разрядить обстановку.

Не всегда продуманное размещение русских постов и укреплений, отсутствие необходимых средств гигиены способствовало тому, что среди солдат Отдельного Грузинского корпуса свирепствовали многочисленные болезни, в результате которых общий некомплект составлял 27000 человек (57). По данным Н.Ф. Дубровина, некомплект достигал 11866 человек (58). Знакомясь с вверенным ему краем, генерал заметил следующее: “Обстоятельно вникал я в образ жизни войск на Линии и в Грузии. Нимало не удивляюсь чрезмерной их убыли. Если нашел я кое-где казармы, то сырые, тесные и грозящие падением, в коих только можно содержать людей за преступление; но и таковых мало, большею частью землянки, истинное гнездо всех болезней; опустошающих прекрасная здешняя войска” (59). Сохранилось следующее описание землянок: “Устройство их было крайне незатейливое. В земле вырывалась яма...стены и потолки ее забирались плетнем; сверху все покрывалось камышом; свет в это подземелье проникал через 8 крошечных окон. Внутри помещения устроены были нары, в углу же печь из дикаго камня, которая почти никогда не топилась, вследствие дороговизны дров и недостаточному количеству отпускаемых от казны дровяных денег. Испорченный воздух от присутствия большого количества людей и плохая

вентиляция делали пребывание в землянке невыносимым. Особенно тяжело было во время ненастной погоды, когда все помещение наполнялось водою и липкою грязью, доходившими, по неимению стока, почти до нар. Широкая, открытая сверху канава, носившая громкое название “сеней”, соединяла землянку с подобнаго же рода постройкою, где помещались кухня и маленький цейхгауз” (60).

Пополнение производилось медленно и зачастую малопригодными для службы солдатами и офицерами. Вот что писал Алексей Петрович Закревскому 13 мая 1818 г.: “Ты представить не можешь, как поступают карикатуры, но на сие роптать не имею права, ибо где бы то ни было, они будучи еще годными, служить должны. Но ко мне поступало и в числе способных, все дряхлое, вялое, неопрятное и даже бывшие нестроевыми. Как можно требовать от сих людей деятельной и живой службы... После сего удивляться будут, что впоследствии много людей оказываться будут неспособными и вечно требовать пополнение. Я сам осматривал каждого и теперь заваливаю ими госпитали и полковые лазареты” (61). Весьма часто на Кавказ высылались люди, совершившие какой-нибудь проступок и таким образом наказанные. Естественно, что такой контингент боеспособности корпусу не прибавлял. Не случайно поэтому, что Ермолов еще в самом начале своей кавказской деятельности добился у императора указа о пресечении подобной порочной практики. В приказе от 6 апреля 1817 г. он объявил: “Государь император, не переставая оказывать милости храбрым войскам своим, по всеподданнейшему представлению моему, высочайше соизволил в Грузинский Отдельный корпус отныне впредь не отсылать чиновников, в чем-либо виновных, ни солдат за побег и другие проступки наказанных. Отныне впредь и офицеры не увидят между собой таковых, за поведение которых должны были бы они стыдиться. В рядах храбрых солдат Грузинского корпуса не станут недостойные разделять с ними труды и славу” (62). Однако и императорский указ не повлек за собой изменения ситуации и на Кавказ по прежнему присылали штрафников “и только в 1823

году вторично состоялось высочайшее повеление не только не назначать порочных людей в полки кавказской армии, но, наоборот, переводить даже в 7-ю пехотную дивизию нижних чинов, наказанных за побег и другие преступления...” (63).

Вместе с тем, сил для исполнения ермоловской программы умиротворения Кавказа было недостаточно, и генерал просил императора усилить его дополнительным числом войск. 10 января 1818 г. на имя Ермолова выходит указ Александра I, гласящий: “Одобрив в полной мере предположение ваше касательно занятия реки Сунжи...поручил Я начальнику Главного Штаба Моего сделать надлежащее распоряжение к откомандированию из Крыма 8-го егерского полка, который будет ожидать вашего повеления о выступлении, но состоять должен в непосредственном ведении вашем только до окончательного занятия Сунжи, после чего возвратить полк сей в места последнего его расположения” (64). Для пополнения поредевшего корпуса, Ермолову необходимо было минимум 12000 рекрут (65), а разраставшийся между тем конфликт с рядом горских народов, требовал привлечения новых сил и 12 февраля 1819 г. главнокомандующий обращается к царю со следующими словами: “Государь! Внешней войны опасаться не можно. ... В Дагестане возобновляются безпокойства и утесняемы хранящие Вам верность”. По мнению генерала, для усмирения бунтовщиков “необходимо между ими пребывание войск” и с этой целью просил “дополнение трех полков пехоты и двух рот артиллерии” (66).

Александр I, ознакомившись с просьбой генерала Ермолова, откликнулся на нее следующим образом. Он отказал ему в прибавке новых полков мотивируя это тем, что от этого произойдет расстройство “прочих армий”, но вместе с тем пообещал усилить корпус за счет временной высылки десяти полков пехоты, чтобы из их числа “укомплектовать единожды надежным образом Грузинский корпус, чего присылкою рекрут никогда не достигалось”. В этом случае под командованием Ермолова по прежнему оставалось 8 пехотных, 4 егерских, 2 гренадерских, 1

карабинерный полк, в каждом из которых по новым штатам было бы 3600 рядовых и 300 унтер-офицеров. Вторые батальоны полков, кроме гренадерской бригады состоящей из 3-х полков, должны были составить крепостные гарнизоны. “За сим отчислением крепостной обороны, вы будете иметь в готовности для движений, в действующих баталионах двух дивизий и в 9 баталионах гренадерской бригады, более 40000 под ружьем. ... В 10 полках к вам назначенных и в 8-м егерском наличное число людей составляет до 26000”, - сообщал император в своем повелении от 19 апреля 1819 года. Предполагалось что вновь прибывшие полки должны были быть вооружены ружьями нового образца, о чем Ермолов уже не раз просил (67). Последнее было как нельзя своевременно, ибо ружья “в иных полках такая гадкия и столько разных калибров, что невозможно принимать из парков готовых патронов...” (68).

В распоряжение Ермолова должны были прибыть Апшеронский, Тенгинский, Навагинский, Ширванский, Куринский, Мингрельский, 41, 42, 43, 45 егерские полки. По мере укомплектования, с Кавказа должны были быть отправлены следующие части: Севастопольский, Троицкий, Суздальский, Вологодский, Казанский, Белевский, 8, 9, 15, 16, 17 егерские полки. Из Апшеронского, Ширванского, Куринского, Тифлисского, 41 и 42 егерских полков должна была состоять 20 дивизия, а из Кабардинского, Навагинского, Тенгинского, Мингрельского, 43 и 45 егерских полков – 19 дивизия. Помимо них, на Кавказ направлялись 51 и 52 легкие артиллерийские роты. Новые части прибыли к месту постоянной дислокации в сентябре-октябре 1819 года. И здесь оказалось, что вновь прибывшее пополнение не соответствует обещанному. Вот, что писал сам Ермолов: “В предписании ко мне сказано, что в 10-ти полках пехоты, идущих из России вместе с 8-м егерским здесь находящимся, состоит людей до 26 тысяч человек. Теперь получаю я от полков рапорты и редкий из них в две с небольшим тысячи человек, но многие гораздо менее, и об одном уже известно, что пяти комплектных рот не составляет. Я думаю, что с прорвавшимися четырьмя тысячами рекрут не будет да-

же до 26 тысяч” (69). В другом послании он вновь жаловался А.А. Закревскому: “Не знаю кому было выбрать приказано полки, но выбор по истине чрезвычайный. Есть такие, что не сильнее одного баталиона по здешнему новому положению, но идут со множеством офицеров, ведут лошадей и тьму нестроевых людей, которые и провиантом разорят меня совершенно. Вообще в полках множество людей неспособных к службе, некоторых надлежало бы освидетельствовать и сюда не засылать далеко понапрасну” (70). С переименованием полков возникла ужасная путаница, но, в конечном итоге, на Линии остались Кабардинский (бывший Казанский), Тенгинский (Суздальский), Навагинский (Вологодский), 43 (16) егерский полки (71). “Распоряжением генерала Ермолова почти все офицеры, пришедшие в общем составе полков, должны были возвратиться в Россию с кадрами. Сделано это было...в том расчете, чтобы кавказские войска не потеряли офицеров уже знакомых с особенностями ведения горной войны и нравами противника” (72). В этом же году были, наконец, сменены донские полки, на замену которым прибыли новые части (73).

Ко второй половине 1823 г. в войсках корпуса вновь сложилось катастрофическое положение. Львиная доля потерь была вызвана болезнями. Вот, какие данные имеются только по Тенгинскому полку: 1820 г. - Убито в перестрелках с горцами 1, умерло от болезней 364; 1821 г. - 7/403; 1822 г. - нет/277; 1823 г. - 1/91; 1824 г. - 1/64; 1825 г. - неизвестно; 1826 г. - 1/90 (74). Для сравнения следует сопоставить сводку боевых потерь рядового состава Кавказских войск в целом: 1818 г. – Убито 15, ранено 17, пленено 4; 1819 г. - 201/428/36; 1820 г. - 151/353/39; 1821 г. - 121/238/49; 1822 г. – 125/293/112; 1823 г. – 67/226/59; 1824 г. – 128/254/37; 1825 г. – 251/583/95; 1826 г. – 30/187/16 (75). Некомплект личного состава доходил до 16000 человек, что побудило Ермолова вновь просить о присылке людей, и из 1-й армии ему направляют все восьмые роты 3-го и 5-го пехотных корпусов, общей численностью в 9000 строевых и 228 нестроевых. Но вновь прибывшие роты были уком-

плектованы далеко не лучшими солдатами и унтер-офицерами, что делало их боевые качества весьма ограниченными (76).

В дальнейшем Ермолов обратился с просьбой об усилении вверенного ему корпуса лишь в 1825 г., когда угроза персидского вторжения стала нарастать и генералу показалась необходимой присылка еще одной дивизии пехоты и доукомплектование уже имеющихся подразделений (77). А до этих событий главнокомандующему приходилось довольствоваться лишь вышеперечисленными силами. В этой связи тем более впечатляющими выглядят успехи генерала, для достижения которых он ограничивался довольно малочисленными отрядами. В 1846 г. в письме к В.О. Бебутову А.П. Ермолов вспоминал: “В продолжительное пребывание мое на Кавказе, весьма часто менее, но никогда более 6 батальонов не водил я с собою. Но когда пошел в Акушу, число моих войск несравненно превосходило твой отряд и довольно сказать, что было 30 полевых орудий и между ними 6 батарейных. ... Тогда было одних рядовых всякого рода войск, с казаками вместе, но без унтер-офицеров, 7000 чел.” (78).

Ведение боевых действий в горных условиях требовало применения иной, чем это было в европейских войнах, тактики. Тут нужны были, прежде всего, не линейные, а егерские полки пехоты. Егеря появились в составе русской армии еще в 1763 г. и с тех пор был накоплен богатый опыт в их применении. Что не могло не пригодиться на Кавказе (79). “Сие необходимо по роду войны в здешнем краю, часто малыми частями, всегда в таких местах, где егеря гораздо с большей употребляются выгодно”, – говорил Ермолов (80). Генерал даже просил своего товарища А.А. Закревского: “В приказах Баркляя... упоминается о каком-то наставлении для обучения карабинерных и егерских полков, также и о “правилах рассыпного строя, или наставлении о рассыпном действии пехоты”. Прикажи, сделай дружбу, мне оныя доставить поскорее. Я, ничего о сем не зная, но по свойству земли и образу войны здешних народов, сим уже занимаюсь, а еще лучше, ежели и сии постановления мож-

но употребить в пользу” (81). Скорее всего, Ермолов имел в виду “Правила рассыпного строя” опубликованные в 1818 г., и предназначенные для обучения егерских полков и застрельщиков (82). Активная работа по обучению своих солдат, которые к тому же имели богатый боевой опыт, позволили генералу говорить, “что русские стрелки не хуже искусных в стрельбе горцев” (83).

Главкомандующий пришел к выводу, что: “Здесь войска не можно удержать в том составе, как в других местах, и покорить тому единообразию, которое так удобно в армиях в России”. В частности он выступал за изменение формы, ибо “для действия в знойном здешнем климате, в земле чрезвычайно гористой повсюду”, обычная одежда была малопригодной (84). Ермолов “своею властью разрешил носить папахи, полушубки, длинные сапоги и сухарные мешки вместо ранцев...” (85).

Меры, предпринимаемые Ермоловым А.П., были направлены на поддержание высокого боевого уровня войск расположенных на Северном Кавказе. Генерал всячески добивался их необходимого количественного и качественного соответствия тем задачам, которые ставила перед ними сложившаяся в этом регионе ситуация.

§3. Строительство укреплений на Северном Кавказе при А.П. Ермолове.

Выполняя свой военно-стратегический замысел по установлению контроля над Северным Кавказом, Ермолов начинает строительство целой цепи укреплений, опираясь на которые, он смог бы установить плотную блокаду, и, таким образом, помешать непрекращающимся набегам горцев.

В качестве “первого опыта” усиливается Назрановское укрепление (86) построенное в 1810 г. (87), (а не в 1817 г. как утверждают, подтасовывая факты Я.З. Ахмадов, Ш.Б. Ахмадов, В.А. Асталов, Э.А. Исаев

(88) стремясь найти доказательство патологичной жестокости генерала Ермолова). В октябре 1817 г. в 50 верстах от Назрановского редута (позднее здесь возникнет станица Михайловская), “близ селения Чеченского Казах-кичу”, генерал-майор Дельпоццо, по распоряжению главнокомандующего, завершает строительство укрепления Преградный Стан (89). В нем располагается гарнизон, состоящий из 2-х рот Владикавказского гарнизонного полка, сотни казаков и двух орудий. Среди крупных недостатков вновь построенного укрепления было отсутствие воды, которую приходилось брать из р.Сунжи, протекающей на расстоянии в 250 сажень от крепостных стен. Чтобы хоть как-то обезопасить солдат, высылаемых пополнить запасы воды, приказано было вырубить лес за рекой на расстояние пушечного выстрела, что исключало возможность внезапного нападения. Но в июле 1825 г. генерал прикажет все-таки ликвидировать это укрепление, т.к. опыт борьбы с горцами явственно покажет необходимость иметь источник воды внутри сооружения. Как и Назрановский редут, новое укрепление предназначалось “для прикрытия дороги от Моздока в Грузию”. Расстояние между ними, по замыслу Ермолова, “защищено будет выселяющимися из гор народами, непримиримыми врагами Чеченцев” (90), под которыми, судя по месту расселения, следует понимать ингушей. И в этой связи надуманным кажется вывод, что: “А.П. Ермолов активизирует военные действия против местных народов в частности...ингушей. ... Политика Ермолова заключалась в том, чтобы оттеснить...ингушей с плоскости в глубину неплодородных скалистых ущелий. То есть в глубь гор, где невозможно будет заниматься не только земледелием, но даже скотоводством” (91). Между тем авторы данного заявления высказывают свои ничем не подтвержденные слова в учебном пособии, предназначенном для школьников, навязывая детям свои сомнительные воззрения.

В мае 1818 г., на Тереке в станице Червленной, куда прибывает Ермолов, сосредотачивается внушительный по местным масштабам отряд, “состоящий из 2-х баталионов 8-го и 2-х баталионов 16-го егерских

полков, 1 баталион Троицкого, 1 баталиона Кабардинского пехотных полков, 6 орудий батарейной, 6 легкой и 4 конной артиллерии, донских и линейных казаков 500 человек. Оставивши одну роту и 2 орудия для охранения переправы, весь отряд в один марш перешел от Терека на реку Сунжу” (92). Подойдя к урочищу Хан-Кала, отряд стал лагерем, но первое время никаких действий не предпринимал из-за проливных дождей, мешавших работам. Наконец, утром 10 июня была заложена крепость Грозная, которой суждено было стать основной опорой русских сил на Северо-Восточном Кавказе. Строительство Грозной встретило отпор со стороны чеченцев, которые лишались части своей плодородной земли, что существенно ухудшало их экономическое положение, и грозило голодом. Кроме того, они теперь уже не могли столь же успешно совершать набеги на русскую Линию. Каждодневные обстрелы и нападения на посты, тем не менее, не остановили проводимых работ, и в середине октября 1818 г. постройка крепости была в основном завершена. Примечателен тот факт, что для борьбы с российскими войсками, на помощь чеченцам прибыли лезгины, совместно с которыми было организовано нападение на транспорт “с провиантом и разными другими вещами”. Это событие произошло 4 августа и Ермолов охарактеризовал его как “главное дело” (93). Для помощи движущемуся транспорту генерал отправил часть сил из крепости, благодаря чему удалось обойтись почти без потерь с русской стороны. “Вскоре после сего произошло между чеченцами и лезгинами несогласия и ссоры, и сии последние...удалились в дома свои” (94). Но этот прецедент был серьезным предупреждением для русского командования о возможных совместных действиях различных горских народов в их борьбе против царских войск, что найдет свое подтверждение в создании имамата. В том же году для прикрытия сообщений Грозной со старой Терской линией поставлен редут Горячеводский при Старо-Юртовском ауле, на роту пехоты. “Собственно с этого времени, т.е. с 1818 года, следует считать начало наступательного периода действий на Кавказе, потому что до тех пор

мы больше действовали оборонительно, а если иногда проникали в земли горцев, то временно, для устрашения, наказания и т.п.”, - писал Зиссерман А., в своем труде об истории известного на Кавказе 80-го пехотного Кабардинского полка, принимавшего участие в этих действиях (95).

С целью пресечения “хищнических” связей кумыков и чеченцев, а также для того, чтобы поставить под свой контроль аул Эндери, являвшийся крупнейшим рынком (в том числе и рабов) для всей Чечни и Дагестана, с 18 июля по середину сентября 1819 г. близ него строится крепость Внезапная на батальон пехоты. Ее строительство Ермолов поручил своему начальнику штаба, генерал-майору Вельяминову. Предназначенный для этого “отряд войск состоял из 2-х батальонов Кабардинского, одного батальона Троицкого, 3-х батальонов 8-го егерского пехотных полков. Один из самых последних составлен был из прибывших рекрут, которые ни на какую не употреблялись службу; батальон же Троицкого полка отделен был на прикрытие чрез Терек переправы и сообщение с Кавказскою линиею. Артиллерии состояло 6 батарейных, 6 легких, 4 конных орудий. Линейных казаков 300 человек. Одна пионерная рота”. При строительстве крепости по мере возможности учитывались интересы местных жителей. Так, начало работ было задержано в связи с тем, что место предназначенное для крепости, было “засеяно хлебом” (96). Часть местных жителей оказывала поддержку при возведении укрепления. Например владелец Шефи-бек Темиров, “равномерно к возведению строений в кр. Внезапной доставил большое количество леса и для работ подводы” (97). Вельяминов успешно справился с поставленной перед ним задачей, и с устройением крепости устанавливался не просто контроль над горцами, но и предпринимались конкретные шаги по изоляции одних горских племен от других и затруднялись их совместные действия против российской власти.

Весной 1820 г. для прикрытия Нижнего Терека на Кумыкской плоскости на месте бывшего аула Исти-су перенесенного в другое ме-

сто, под руководством полковника Верховского строится укрепление Неотступный Стан на 300 человек (98). В его задачу входило воспрепятствовать набегам чеченцев на Кизляр и изолировать от них аксаевские земли. При его строительстве кумыкский пристав Муса Хасаев “сделал величайшие пособия строевым лесом, доставленным жителями без платы” (99). К октябрю оно в основном было готово, но просуществовало недолго, т.к. место, где оно располагалось, было неудачным из-за болезнетворного климата. В начале 1822 г., учитывая большую смертность среди гарнизона, Ермолов приказал ликвидировать его.

Одновременно со строительством Неотступного Стана продолжались работы по обустройству крепостей Внезапная и Грозная, а неподалеку от последней, на Сунже, был построен редут Злобный Окоп, на 130 человек, т.к. “на этом месте во время возвышения воды в Сунже была одна из лучших переправ для разбойнических партий” (100). Своим названием он обязан тому, что отсюда “нападали прежде самые злобные хищники, и в память того, что на сем месте была переправа чрез Сунжу известного полковника Пиери, который погиб с полком против Чеченцев...” (101). 3 мая 1820 г. при впадении реки Мартаны в Сунжу закладывается Усть-Мартанский редут. Летом между Шелкозаводской и Щедринской станицами устраивается Амир-Аджи-Юртовское укрепление, прикрывавшее переправу через Терек. Его важное значение заставит в ноябре 1825 г. перестроить и усилить этот форпост после того, как он будет временно захвачен отрядом горцев. Для обеспечения переправы через Сунжу на пути между Внезапной и Грозной строится укрепление Умахань-Юрт, а у аула Аксай, Герзель-Аульское укрепление на 200 человек, стоявшее на пути сообщения с Грозной. Когда в 1825 г. аул Аксай перенесут на Таш-Кичу, туда же переместиться 17 ноября того же года и укрепление. Таким образом, весь 1820 г. будет посвящен работам по обустройству и укреплению левого фланга Кавказской Линии.

Часть вновь построенных укреплений между тем могли считаться таковыми с известной оговоркой. Вот, как описывал их Н.А. Волкон-

ский: “Судя по их постройке и вооружению, они никак не могли назваться сторожевыми пунктами в строгом смысле этого слова. Они составляли не более как прикрытие команд, выставленных вперед с двумя целями: для указания окраины или предела занятой нами территории и для возможной угрозы населению в случае какого-нибудь с его стороны частного хищнического или общего политического движения – и только для одной угрозы, так как они не могли выдвинуть за свои валы никакой активной силы. Даже самое главное их назначение – прикрывать гарнизон – могло быть достигнуто только в том случае, когда этот гарнизон, в свою очередь, бдительно оберегал сам себя от нападения врасплох и всякое неожиданное или внезапное приближение неприязненной силы храбро встречал своею стойкою грудью...”

Постройка укрепленного пункта была несложная и нехитрая: данная местность обносилась рвом, вырытая земля из которого составляла вал, насаждалась колючка – и то не всегда и не везде, устраивался где-нибудь в углу, по направлению к неприязненной стороне, бастион или два, каждый с амбразурой в противоположные одна другой стороны – и довольно. Вход и выход составляли одни ворота. Надежных орудий...не водилось... Благонадежному устройству пороховых погребов не придавалось особого значения... Об оборонительных постройках внутри укрепления вовсе не думали... Вообще же, в таком укреплении далеко нельзя было воевать, но можно было спокойно отдыхать...

Более или менее в таком виде представлялось наше укрепление Амир-Аджи-Юрт и даже Герзель-Аул. Только крепости Грозная и Внезапная...имели иной вид и характер – и то потому, что это были крепости, а не укрепления” (102). Однако следует отметить, что эта характеристика касалась не только ермоловских новостроек. Когда А.С. Пушкин в 1829 г. отправится на Кавказ, он оставит следующее описание местных тыловых укреплений: “Крепости, достаточные для здешнего края, со рвом, который каждый из нас перепрыгнул бы в старину не разбегаюсь, с заржавыми пушками, не стрелявшими со времен графа Гудовича, с

обрушенным валом, по которому бродит гарнизон куриц и гусей. В крепостях несколько лачужек...” (103). Подобное не случайно, т.к. горцы, вплоть до эпохи Шамиля, редко прорывались большими силами вглубь Кавказской Линии и неохотно штурмовали даже такие укрепления, ведь они не обещали крупной добычи, которая служила главной целью организуемых набегов.

В апреле 1821 г. Вельяминов близ Тарков начинает строительство крепости Отрадной, которую по приказу Ермолова переименовывают в Бурную. Таким образом, закрепляется подчинение шамхальства и заканчивается строительство укрепленной Линии, которая, по замыслу Ермолова, должна была поставить горцев в безвыходное положение и заставить изменить образ жизни.

Перенесенный с Терека на Сунжу рубеж противостояния, позволил ликвидировать в 1825 г. крепость Шелкозаводскую, которая к тому же подмывалась частыми разливами (104).

Летом 1823 г. в Дагестане был учрежден постоянный пост в Темир-хан-Шуре, с помощью которого рассчитывали держать койсубулинцев в подчинении.

Опробованная на левом фланге тактика, применяется и в центр линии, в Кабарде. В 1822 г., устраиваются укрепления “в вершинах р.Тахтамыш; на р.Куме, у бывшего Хахандукова аула; на р.Подкумке, при урочище Боргустане; при кургане, называемом Красивый; на р.Малке, у Каменного моста, где проходили лучшие дороги за Кубань; на р.Баксане, близ урочища Кызбурун; на реках Чегеме, Череке, Урухе и наконец главное укрепление на р.Нальчике, где должна была располагаться штаб-квартира полка, назначенного для охранения в Кабарде” (105). Для защиты Военно-Грузинской дороги, переносимой с правого берега Терека на левый, строятся укрепления: Пришибское, Урухское (старая Урухская крепость, находящаяся выше по реке, в 1826 г. срылась, а новое укрепление строилось ближе к устью), Минаретское и Ардонское. Вот, как выглядело одно из них (Пришибское), описанное про-

езжавшим в 1827 г. по этим местам путешественником: “Маленький квадратный четверугольник, с глубоким рвом и валом, среди котораго вырыты в земле казармы, а по углам из амбразур выглядывают орудия, составляет укрепление, ограничивающееся с одной стороны рекою Терреком, с другой (противоположной) форштатом, а с прочих открытым полем. В форштате, обнесенном земляною стеною аршина в два вышины, примкнутою к валу укрепления, построено солдатами несколько домиков и небольшая квартира для проезжающих” (106). Схоже выглядело и Урухское укрепление, “которое расположено также, как и Пришиб, только против сего последняго обширнее, и более застроено и защищено” (107). Как видно из описания, эти фортификационные сооружения выглядели довольно внушительно. На просьбы кабардинцев не возводить укрепления и не лишать их необходимых земель, Ермолов отвечал категорическим отказом. “О крепостях просьбы бесполезны: я сказал, что они будут – и оне строятся”, - говорилось в прокламации от 9 августа 1822 г. (108). В неофициальном письме к А.А. Закревскому в ноябре 1822 г. Ермолов делился своими мыслями по этому поводу: “Кабардинцам не нравится, что за ними учреждается ближайший присмотр. ... Им бы хотелось, чтобы мы по прежнему снисходительны были к их изменам и разбоям”. Но в этом же письме генерал сообщал: “Представить себе не можешь, какая прекраснейшая земля и какой здоровый климат! Военные люди и поселяне Кавказской Линии будут мне благодарны!” (109). Таким образом становится очевидно, что недовольство кабардинцев было вызвано не только “ближайшим присмотром”, но и потерей части земли, “прекраснейшей”, по оценке самого Алексея Петровича. Для пресечения связей кабардинцев и закубанцев на Куме и Подкумке, уже в конце июля 1822 г. было приказано разместить по одной роте Тенгинского полка и полусотне донских казаков с одним орудием. В 1826 г. было ликвидировано укрепление на р.Лескене, находящееся вне линии и упразднили также укрепление на р.Аргудан, из-за нездоровой воды.

На правом фланге линии “подверглось расширению с усилением фортификации” Прочноокопское укрепление. Рядом с ним возник солдатский поселок (110).

Хотя и не в таких масштабах, как в Чечне, Дагестане и Кабарде, но различные кордонные укрепления (редуты, батареи, сигнальные башни) строились и в Черномории (111). В вышедшей в 1829 г. работе “О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске”, И.Дебу писал: “Черноморская земля охраняется от народов, за р.Кубанью живущих, следующими укреплениями: Редутским, Изрядным, Воронежским, Подмогильным, Константиновским, Александровским I, Малолагерным, Павловским, Старым и Новым Великомариевскими, Екатеринодарским, Александровским 2, Елисаветинским, Марьевским, Ново-Екатерининским, Ольгинским, Сливенским, Протокским, Копыльским, Петровским, Эмануильским, Староредутским, Андреевым, Смольяным, Ново-Григорьевским и Широчинским.

Некоторые из них уже построены, или вскоре будут построены, по планам, представленным Инженер-Полковником Порокье Командиру Отдельного Кавказского Корпуса, Генералу Ермолову. Другие перенесутся в удобнейшие места” (112). Специфика борьбы с закубанцами, да и недостаток возможностей заставляли порой генерала Ермолова упрощать и удешевлять строящиеся пограничные укрепления. В предписании Парокья от 3 ноября 1821 г. он указывал: “Во многих отношениях был-бы я согласен с мнением вашим, что для охранения от набегов хищников полезно устроить каменные сигнальные башни; но количество оных, вами предлагаемое, весьма велико и потребует, при малых способностях войска, продолжительнаго для сооружения времени и крайне отягчительных издержек, а потому для отвращения сего надлежит изыскивать другия средства и я полагаю, что приумножение населения представляет весьма большия. ... Осмотрев построенное вами укрепление Новомарьинское, нахожу я выбор вами выгодным и самую работу произведенною со тщанием; но подтверждаю лично изъясненное вам мое мнение,

что все, по кордону учреждаемые укрепления, не должны иметь профиль против действия артиллерии, но только от ружейного огня закрывать защищающихся и потому вместо прочной из земли насыпи, много времени и рабочих требующей, достаточно хорошо сложенной из сырого кирпича стенки, по правильному чертежу расположенной и окруженной рвом, тем более, что здесь земля, иссушиваемая жарами, скоро весьма разсыпается” (113).

Опираясь на вновь построенные, а так же уже имеющиеся укрепления, царская администрация могла успешно проводить наступательную политику против тех горских народов, которые были враждебно настроены против России.

§ 4. Военно-политические акции генерала А.П. Ермолова.

Строительство крепостей и перенос линии к подошве гор сопровождалось репрессалиями против горцев, которые активно противодействовали замыслам Ермолова. Боевые действия вспыхивали в разных частях Северного Кавказа, и успех склонялся то на одну, то на другую сторону.

Прибыв на линию, Ермолов убедился в том, что охрана границ производится нерадиво, а хищничество приняло огромный размах. Ситуация во многом объяснялась тем, “что казаки сами тому содействуют, а полковые начальники и станичные атаманы не имеют должного надзора” (114). Доходило до того, что некоторые казаки сами принимали участия в “воровствах с заграничными хищниками” (115). Генерал решительно принялся за дело. Несколько пойманных за воровством горцев было повешено, а те селения, где обычно скрывались они во время набегов, предупреждались, что будут уничтожены, если не перестанут оказывать помощь. Охрана станиц в ночное время была усилена, а казачьи атаманы получили приказ, что отныне они своим имуществом и свобо-

дой отвечают за защиту рубежей от воровских партий. Не удовлетворившись лишь этим, и стремясь ограничить казачьи вольности, Ермолов в 1819 г. отменяет в гробенском войске должность выборного войскового атамана, место которого отныне должен занимать офицер из регулярных войск. Вместо станичных атаманов начинают назначаться станичные начальники из числа казачьих офицеров. Подобные изменения происходят и в терском семейном войске (116). Это должно было, по мнению царской администрации, усилить дисциплину в казачьих рядах и ужесточить контроль за ними. Практика борьбы с казачьими вольностями была не нова и весьма последовательно проводилась российской администрацией, превращавшей казаков “в верный “придаток” державной военно-административной машины” (117).

Начавшееся строительство цепи укреплений сопровождалось частыми стычками с горцами и последние, вынуждены были скрываться в лесах и горах, не желая мириться с новым порядком. От тех, которые покорились царской власти, генерал требовал выдачи пленных, беглых и аманатов. “Пленные и беглые или мщенье ужасное!” – грозил он (118). “Лучше от Терека до Сунжи, оставить степи, нежели в тылу укреплений наших, учреждаемых по Сунже, терпеть разбойников” (119). Исходя из этого, Ермолов приказал выселить следующие чеченские деревни: Кара-агач, Байрам-аул, Хасав-аул, Генже-аул, Бамат-бек-юрт, Казах-мурза-юрт. Всех неблагонадежных чеченцев, проживающих в кумыкских селениях Костековском, Аксаевском, Эндери, так же отправляли в горы (120). Жители горских селений расположенных по Тереку связывались по принципу круговой поруки, и в обязанность им ставилась охрана рубежей от хищнических набегов. В приказе от 28 октября 1816 г. командующему войсками на Кавказской линии генерал-майору Дельпоццо Ермолов говорил: “Извольте...объявить всем аулам, вблизи от кордона нашего живущим, что есть ли они не будут воспрещать прохода хищникам, или не давать известия, то я накажу их оружием, изгоню в горы, где истребят их или неприятели, или моровая язва. Внушите им, что есть ли

они способствовать будут хищникам, то нам не нужны мирные мошеники, и что я столько же мало уважаю их приязнь, сколько боюсь иметь их неприятелями” (121). По словам генерала: “Таким образом, жители, по-прежнему продолжая воровство и разбои, непременно истреблены будут, или от них зависит, занимаясь спокойно хозяйством и проводя жизнь в тишине, пользоваться богатою землею всеми выгодами, и русские не только не сделают ни малейшей им обиды, но готовы оказать пособие, обогащая их торговлею и свободным сообщением” (122). При всей внешней справедливости требований генерала следует заметить, что они были неосуществимы. Если даже специально для этого поставленные воинские команды опирающиеся на систему укреплений и постов не могли воспрепятствовать набегам, то горцы, к тому же связанные узами родства с т.н. “хищниками” и подавно не в состоянии были пресечь нападения. К тому же, как уже говорилось выше, набеги были вызваны социальными изменениями происходившими в чеченских обществах и были объективно неизбежны.

Сунженские чеченцы, видя серьезность ситуации, обратились за помощью к дагестанцам и среди откликнувшихся на их просьбу был Ахмет-хан аварский, по чьему приказу была “послана партия Лезгин” на поддержку чеченцев (123). Хотя он и числился на русской службе, но, тем не менее, активно поддерживал набеги на линию и зачастую сам был их организатором. Вместе со своим братом Хасан-ханом дженгутайским и Сурхай-ханом казикумухским он тайно начал склонять горцев, прежде всего акушинское общество, выступить против русских. Ермолов в своих посланиях предупреждал дагестанскую знать, что их замыслы известны ему и что он намерен жестоко покарать их в случае неприязненных действий. Между тем, тайно от русских, предпринимались шаги, чтобы втянуть в предстоящее восстание табасаранцев, которых по замыслу заговорщиков, должен был возглавить Абдул-бек эрсинский. Аварцы, по указанию своего хана, начали запасаться солью из озер, принадлежащих шамхалу, наиболее верному стороннику россий-

ской власти, а тот, не желая обострять ситуации, да и не имея возможности, не предпринял никаких мер, чтобы воспрепятствовать этому. В такой накаляющейся день ото дня обстановке генерал обратился к жителям селений Парауль, Шора, Дургали, Кулецма, Урума, Оглы, Апши, Мюрага, Утемишь, Алходжа, Гаща, Хусейн-кенд, Кая-кенд, Мамаул, Малые Гимры, Бурдаки с призывом, никому “кроме великаго Российскаго Государя...не повиноваться”, пообещав, что “никогда войска Российския не тронут вашего имения, напротив, - будут вас защищать” (124). Чтобы его демарши не считали пустым сотрясением воздуха, Ермолов решает выступить против акушинцев, “сильнаго, довольно воинственнаго и уважаемаго прочими Дагестанскими обществами” народа (125), и тем отвлечь их от замысла напасть на тогдашних союзников российского командования – уцмия каракайтагского Адиль-хана и шамхала тарковского. “Заставьте акушинцев помышлять о собственной защите”, - приказал он генералу Пестелю, который должен был расположиться как можно ближе к селению Башлы (126). Главнокомандующий потребовал от акушинцев и даргинцев аманатов и предостерегал их от нападения на его войска и союзников. “Не забывайте, народы, что в руках моих есть обещание ваше, что вы ничего не предпримете противнаго пользам России. Может быть, не воздержу я вас моим советом, но я исполнил долг мой, вас предупредив, и сколько бы уважал вас спокойными и кроткими, столько страшно буду наказывать дерзких и своевольных. Остерегитесь!” (127). Следует констатировать, что А.П. Ермолов максимально использовал психологический фактор в общении с горцами и это являлось частью его тактики. Элемент “запугивания” предшествовал всем военным операциям генерала, старавшегося решить возникающие проблемы словесными угрозами и лишь в крайнем случае прибегая к непосредственному наказанию. За бравадой собственной жестокостью скрывался трезвый и по своему гуманный расчет, который сам Ермолов сформулировал так: “Хочу, чтобы имя мое стерегло страхом наши границы крепче цепей и укреплений, чтобы слово мое было для азиатов за-

коном, вернее неизбежной смерти. Снисхождение в глазах азиатов – знак слабости, и я прямо из человеколюбия бываю строг неумолимо. Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены” (128). Очевидно в связи с этим родилась легенда будто бы именем генерала горянки пугали детей. На самом деле, как писал побывавший в плену у чеченцев А. Беляев, расшалившихся малышей устрашали внешним обликом армян (“ермел”), которые к тому же занимались в горах перепродажей людей (129). Но акушинцы и даргинцы отказались выдавать аманатов, несмотря на требования русской стороны, и активно начали подготовку к военным действиям. В этой ситуации Пестель приказал занять Башлы, принадлежащие уцмию, но оказался в них, как в ловушке, со всех сторон окруженный горцами. Горское ополчение состояло из акушинцев, даргинцев, каракайтагцев, табасаранцев. Были здесь и выходцы из шамхальства, которых привел один из зятьев Мегдишамхала, мечтающий занять место своего тестя. Возглавляли их аварский хан со своими братьями. 23 октября 1818 г. русский гарнизон был атакован и понес большие потери. Низкий военный профессионализм всегда питал амбиции горцев! Из-за попустительства Пестеля, его войска были застигнуты врасплох и закрепились в замке и доме уцмия, тогда как противник занял все селение. Фактически командование перешло в руки подполковника Мищенко и майора Износкова, которые возглавили оборону. Вплоть до вечера 26 октября гарнизон отражал непрерывные атаки горцев, но понимая, что помощи ждать неоткуда, а боеприпасы иссякают, решено было оставить Башлы. Отбиваясь от нападающих врагов, несмотря на то, что “все дороги были перекопаны или завалены, мосты истреблены”, отряд сумел добраться до Дербента (130). Эта неудачная экспедиция стоила ему более 500 убитых и раненых солдат и офицеров (131). Очевидно, пытаясь занижить потери, в своих мемуарах Ермолов указывает менее 400 (132), а в письме к М.С. Воронцову до 370 человек (133), но в любом случае, цифры по местным масштабам огромные. Единодушие дагестанцев в борьбе против русских объяс-

нялось во многом тем, что генерал-майор Пестель повел себя в отношении местных жителей недальновидно и вызывающе, “во время пребывания его в городе Башлы...он редкий день не был пьян, жителей города не только не умел содержать в должном повиновении и не видел, что они вывозят семейства свои и имущество и явное имели с неприятелем сношение, но сверх того раздражал их самым оскорбительным распутством” (134). Они в ответ на свои просьбы слышали от него лишь “прикажу повесить”. Через некоторое время после этого случая Ермолов “начальником в Дагестане определил...генерал-майора Вреде на место генерал-майора Пестеля, которому выпросил отпуск с состоянием по армии” (135).

Неудача под Башлами резко обострила обстановку. Ермолову необходимо было предпринять быстрые и решительные шаги, чтобы сохранить под контролем беспокойный Дагестан. Уже 25 октября из Грозной к Таркам двинулся 4-х тысячный отряд, возглавляемый главнокомандующим. Прибыв 3 ноября в Тарки, Ермолов убедился, что часть местных жителей покинула город, а это было ярким свидетельством того, что неприятель мог двинуться на столицу шамхала. Чтобы сорвать замыслы противника, Ермолов решает нанести удар по Аварии, которая сделалась центром недовольства. 11 ноября, оставив в Тарках ненужные тяжести, он двинулся в Дженгутай. Путь ему преградило ополчение во главе с Ахмет-ханом аварским, которое заняло удобные для обороны горные позиции. Благодаря обходному маневру второго батальона Кабардинского полка под командованием майора Швецова, удалось почти без потерь внезапно выбить горцев с занимаемых ими позиций и уже 13-го ноября русские войска заняли селение Парауль. 14-го ноября настала очередь Большого Дженгутая, главного селения Мехтулинского ханства, которое после штурма было захвачено и предано огню. Верный своему принципу применять силу только в крайних случаях и гуманно относиться к покорившимся, Ермолов объявил прощение всем участникам мятежа, но потребовал на будущее беспрекословного подчинения царской

власти. Между тем, Пестель по приказу главнокомандующего выступил из Дербента и, несмотря на суровые погодные условия, двинулся к Башлам. По пути отрядом были уничтожены деревни Хан-Мамед-Кале, Дели-Чобан, Берекей, Джими-Кенд, а затем наступила очередь и самих Башлов, оставленных населением. После этого отряд вернулся в Дербент, т.к. наступившая зима могла задержать его в горах на неопределенное время. 20 ноября и Ермолов со своим отрядом вернулся в Тарки, а оттуда, в начале декабря на линию, где войска получили столь необходимый им после тяжелого похода отдых.

Начавшийся 1819 г., ознаменовался доселе невиданными на Кавказе, но впоследствии постоянно практиковавшимися работами. Командир 16 егерского полка полковник Греков получил приказ начать прорубать широкую дорогу в непроходимом лесу Хан-Кальского ущелья. Быстрота и внезапность, с которой действовал Греков, позволили ему не встречая серьезного сопротивления, за первые числа февраля вырубить широкую просеку (см. рис.2), которая позволяла теперь беспрепятственно проникнуть в долину, лежащую за Хан-Калою, где размещалось большое количество чеченских селений. В рапорте от 6 февраля 1819 г. Греков доносил Ермолову: “Благодаря Бога, Хан-Кала очищена... Не потеряв ни одного человека, я вырубил такое пространство леса, которое совершенно отворяет вход в землю Чеченцев...” (136). Это заставило их выдать аманатов и даже пообещать охранять часть границы по Сунже от воровских партий. Но при этом они продолжали искать себе среди дагестанцев союзников для борьбы с Ермоловым и ситуация на линии оставалась нестабильной. Весной то и дело отряды горцев совершали набеги на русские поселения левого фланга. Со своей стороны кавказское командование предпринимало репрессалии против беспокойных соседей. Так, полковником Грековым было разорено в марте селение Большие Куллары, жители которого начали вывозить имущество, что являлось верным признаком планируемых враждебных действий. Им было приказано бесплатно доставить строительный материал для новых русских

укреплений. По указанию Ермолова, Грековым очищались от камыша все переправы и это позволяло затруднить проникновение воровских партий. 4 августа Греков с отрядом вновь выступил в поход и уничтожил несколько селений по реке Аргун. По пути войска сжигали встречающиеся запасы сена, но само население успело скрыться в лесах, и войска его не застигли.

“Желая наказать чеченцев, непрерывно производящих разбой, в особенности деревни, называемые Качкалыковскими...предположил выгнать их с земель Аксаевских... При атаке сих деревень, лежащих в твердых и лесистых места, знал я, что потеря наша должна быть чувствительною, если жители оных не удалят прежде жен своих, детей и имущество, которых защищают они всегда отчаянно, и что понудить их к удалению жен может только пример ужаса.

В сем намерении приказал я Войска Донского генерал-майору Сысоеву с небольшим отрядом войск, присоединив всех казаков, которых по скорости собрать было возможно, окружить селение Дадан-Юрт, лежащее на Тереке, предложить жителям оставить оное, и буде станут противиться, наказать оружием, никому не давая пощады. Чеченцы не послушали предложения, защищались с ожесточением. ... Большую часть дня продолжалось сражение самое упорное, и ни в одном случае не имели мы столько значительной потери, ибо кроме офицеров простиралась она убитыми и ранеными до двухсот человек. Со стороны неприятеля все, бывшие с оружием, истреблены, и число оных не менее могло быть четырехсот человек. ... Селение состояло из 200 домов; 14 сентября разорено до основания”, - вспоминал Ермолов (137). После этого были уничтожены качкалыковские деревни Горячевская, Ноенберды, Аллаяр-аул и при этом “чеченцы защищались без упорности, и ни в одной из деревень не было жен и детей, имущество также было вывезено. Пример Дадан-Юрта распространил повсюду ужас...” (138).

Тем временем в Табасарани действовал отряд под командованием весьма опытного офицера ценимого Ермоловым, князя Мадатова (139)

который, разбив Абдул-бека эрсинского в деревне Хушни, оставил во главе этой области своего ставленника, Абдул-Резак-бека, являвшегося зятем верного России шамхала тарковского. С жителей была взята клятва, что будут подчиняться новому кадию, и сохранят верность России (140). Сам Ермолов, выступив 29 августа из крепости Внезапной, имел упорное сражение на реке Сулак, у селения Боутугай, где встретился с горским ополчением во главе с аварским ханом. Разгромив неприятеля, генерал “сделал марш в горы, пользуясь общим ужасом и бегством и местами почти непроходимыми, так что с трудом мог провести два легкия орудия; истребил несколько селений, весь на полях хлеб и ни одного не встретил на пути человека. До такой степени рассеялся неприятель!” (141). Затем по его приказу князь Мадатов вступил в Каракатаг, где имел столкновение с горцами у деревни Берекий и Уллу-Терекеме. Между тем, уцмий каракайтагский заявлявший до этого, что он является союзником и верноподданным российской власти, 5 сентября бежит со своим семейством в селение Башлы и начинает собирать там силы для борьбы с русскими. 5 октября Мадатов выбил его из Башлов, а затем разбил его силы у селения Янги-Кенду, которые были резиденцией мятежного Адиль-хана. Селение и дом уцмий были уничтожены, а само его звание в дальнейшем отменено. Непокойные акушинцы тем временем готовились вторгнуться в шамхальство, и Ермолов решил более не откладывать поход против них. В начале ноября он выступил из крепости Внезапной в Тарки, чтобы соединившись с отрядом Мадатова совершить совместную экспедицию на победителей Надир-шаха. 21 ноября Мадатов занимает селение Карабудагент, а затем селение Губден, откуда тревожит акушинцев и мешает им сосредоточить силы для обороны своего главного селения – Акуши. В начале декабря, по приказу главнокомандующего, он захватывает высоту Калантау, которая контролировала лучшую дорогу на Акушу. Главные силы горцев сосредоточились у селения Урума, где они заняв господствующие высоты поджидали ермоловские войска. В ночь на 19 декабря, обойдя неприятельский фронт с правого

фланга силами 5-ти батальонов пехоты при поддержке 6-ти орудий, русские заставили акушинцев бросить свои позиции и спасаться бегством. “Как два противные ветра сталкиваются в одном месте и потом разлетаются, так точно и акушинцы, страшась сильного и храброго Ермолова, узнав о его приближении, собрались в одну кучу, а едва увидели его – разбежались в разные стороны”, - пели горские сказители в Дагестане об этом событии (142). После этого было занято соседнее селение Лаваша, где победители остановились на отдых. Примечательно, что Ермолов, не без основания опасавшийся объединения горцев для борьбы с царской властью, делал все, чтобы внести раскол в их ряды. Вот, что писал он в своих мемуарах, вспоминая поход против акушинцев: “С мною находился шамхал, которому поручил я под начальство собранных подвластных. Не имел я ни малейшей надобности в сей сволочи, но потому приказал набрать оную, чтобы возродить за то вражду к ним акушинцев и поселить раздор, полезный на предбудущее время” (143). Успех в деле против некогда непобедимых акушинцев имел огромный резонанс среди обществ Дагестана, с большим вниманием следивших, чем кончится противостояние. 21 декабря была занята Акуша, жители которой присягнули на верность, выдали аманатов и обязались отдавать в качестве дани 2000 баранов ежегодно. Сменив местного кадия, Ермолов утвердил на его месте своего ставленника, Зухум-кадия, который отныне должен был следить, чтобы акушинцы сохраняли лояльность к русской власти. В обращении к войскам генерал говорил: “Труды, ваши храбрые товарищи, и усердие к службе проложили нам путь в средину владений Акушинских, народа воинственного, сильнейшего в Дагестане. Страшными явились вы перед лицом неприятеля и многия тысячи не противостояли вам: рассеялись и бегством искали спасения. Область покорена, и новые подданные великаго нашего государя благодарны за великодушную пощаду” (144).

В то время, как Ермолов усмирал акушинцев, нападению со стороны Сурхай-хана казикумухского подвергся пост у селения Чирах в

Кюринском ханстве. На рассвете 19 декабря, русский гарнизон здесь был внезапно атакован и окружен превосходящими силами горцев. Оборону редута возглавил штабс-капитан Овечкин, которому удалось продержаться до подхода подкреплений и отбить все атаки врага. Снятие осады помогло то, что “внезапное известие о занятии войсками Акуши в такой привело ужас Сурхай-хана, что не только он бежал и толпы его рассеялись, но послал даже в город Казыкумук приказание, чтобы семейство его удалилось в горы” (145). В своем личном обращении к доблестному штабс-капитану Овечкину Ермолов писал: “Храбрая защита Чирахсага поста ввереннаго Вашему начальству против многочисленных сил неприятеля, весьма много делает Вам чести, отличный подвиг Ваш будет представлен Государю...я с особенным удовольствием буду ходатайствовать о вознаграждении неустрашимых Ваших подчиненных...желаю чтобы скоро получили Вы от ран облегчение” (146). Подобная забота о своих солдатах и офицерах, снискала Ермолову искреннюю любовь и привязанность с их стороны. Не удивительно поэтому, что спустя уже много лет после отъезда Алексея Петровича с Кавказа, его бывшие сослуживцы с большой теплотой вспоминали о нем (147).

По указанию командующего в селениях Мехтулинского ханства на зиму были оставлены войска под командованием полковника Верховского, который должен был следить за порядком и добиваться спокойствия в крае, а кроме того разбирать “уголовные преступления” (148).

Новый, 1820, год сопровождался очередными походами против чеченцев. 6 марта отряд под командованием Грекова двинулся на селение Гребенчук, жители которого активно занимались набегами на Линию. Селение это, прикрытое густым лесом, считалось неприступным, и солдаты вновь принялись за уже ставшую привычной работу – рубку деревьев. Примечательно, что помимо солдат и казаков в состав отряда входили мирные чеченцы, которые помогали расчищать дорогу. Заняв селение Топли, расположенное по одну из сторон леса, Греков в течение трех дней прорубался к Гребенчукской поляне, а затем, разорив селение

(см. рис.3), перешел в Ханкальское ущелье, где завершил просеку, начатую в 1819 г. К 15 марта его отряд вернулся в Грозную. Проводилась рубка леса и по берегам Сунжи, что также затрудняло горские набеги, лишая их главного козыря – скрытности.

В этом же месяце, Ермолов “наказывая неоднократные измены Сурхай-хана Казыкумыцкого, злобнейшего из врагов наших и содействовавшего в прошедшем году акушинцам, коего войска приходили им в помощь и в то же время осаждали Чирацкое укрепление, отправил... в Кубу генерал-майора Мадатова и там составил отряд войск, долженствующий поступить под его команду, приказал с ним войти в Казыкумыцкое ханство, стараться наказать жестоко изменника, и буде особенных не встретится препятствий, взять главный город. Полковнику Аслан-хану Кюринскому приказано собрать свои войска; к ним присоединены набранные в Табасаранской провинции и конница от ханств, и все они поступили в состав отряда, назначенного к действию” (149). Выступив 1 июня из Кубы, Мадатов 10 числа прибыл в Чирах, где его люди, измученные трудным переходом получили один день отдыха. 12 июня войска двинулись к селению Хозрек, где сосредоточились силы Сурхай-хана Казыкумухского. В ходе ожесточенного боя мятежный хан был разбит и вынужден бежать сначала в Аварию, а затем к жаро-белоканским лезгинам. Вместо него 16 июня ханом казыкумухским объявлялся Аслан-хан кюринский (150). В этом деле активное участие принимала союзная горская конница. Вот как описал ее действия в сражении один из очевидцев Ван-Галлен, испанец на русской службе: “Неприятель, стоявший на высотах в превосходном числе встретил нас громким криком и ружейными залпами, которые заставили нас дважды отступить. При этом я невольно обратил внимание на отдельные сцены свирепости азиятов, которые были тем чаще, что в этой гористой местности не было никакого единства действий и все зависло от личной храбрости. Между прочим, я видел одного из всадников Аслан-хана и лезгина, борющихся в пределах смертной агонии; они рвали друг друга зубами и крепко

схватившись покатились в скалистую пропасть, увлекая за собою лошадей, которых оба держали за узду. Другой лезгин, поручив свою лошадь товарищу, сполз по крутизне вниз, чтобы отрезать голову неприятелю...” (151). Подобные картины весьма ярко демонстрируют нравы, царившие в раздираемом междоусобицами Дагестане.

21 октября, генерал-майор Сталь-2 во главе отряда из трех батальонов пехоты, 300 казаков и 12 орудий прибыл в селение Гудермес и приказал местным жителям выделить людей для рубки леса. Кроме того, своих работников прислали селения Аксай, Эндери, Костеки, Кошгельды, прибыли брагунцы и девлетгиреевцы. В результате работ с 21 по 26 октября между Гудермесом и Сунжей была очищена просека в 5 верст длины и до полутора ширины. На этот раз отряды строителей не подвергались нападениям со стороны горцев, т.к. те опасались за жизнь своих аманатов, представленных 50 качкальковскими старшинами.

Весной 1821 г., по приказу генерал-лейтенанта Вельяминова, который временно замещал Ермолова, Н.В. Греков продолжил прокладку просек в земле качкальковцев по дороге от Неотступного Стана до Грозной. И на этот раз к работам привлекались местные жители, которые таким образом, обязаны были подтверждать свою верность и лояльность. Уничтожая лес по реке Мичик, войска натыкались на расчищенные местными жителями поляны, которые те использовали для посева кукурузы, ибо, лишившись в результате блокады своей плодородной земли, испытывали острую нужду в продовольствии. Помимо прокладки дороги отряд уничтожил селение Койсунгури и Горячевскую деревню. Все эти действия продолжались с 1 по 5 марта и сопровождалась нападениями чеченцев на выставленные посты охранения. Летом того же года, Греков предпринял еще несколько экспедиций против горцев, заставляя их искать спасения в лесах и уходить в ополчение к Ахмет-хану аварскому, не прекращавшего борьбу против русских. Следует, однако, заметить, что Ермолов указывал Грекову не перегибать с силовыми мерами и в приказе от 28 ноября писал: “Не столько частыми сшибками с

Чеченцами, как угрожая им близкою опасностью и возможностью внезапного нападения, заставить можно их искать помилования и потому вы без крайней надобности не приступайте к действию и наказание обратите на самих виновнейших”. Таким образом видно, что Ермолов старался не доводить дело до кровопролития предпочитая чтобы горцы сами наказывали виновных в разбое. В этом же приказе генерал указывал на необходимость переселять чеченцев на левый берег Сунжи но с оговоркой “чтобы чрез земли их не были пропускаемы хищники” (152). Если раньше подобные шаги Ермолов считал ошибкой, что видно из его первоначального плана, то теперь он сам настаивал на заселении чеченцами равнинных земель.

Для борьбы с Ахмет-ханом, генерал-лейтенант Вельяминов пригласил Аслан-хана кюринского, который присоединился к его отряду, располагавшемуся в Тарках. Вместе они в ноябре 1821 г. двинулись в Мехтулинское ханство, и подошли к селению Аймакам, где укрепились враждебные силы лезгин. После артиллерийской подготовки селение было взято штурмом, а обороняющие его горцы бежали в аул Гергебиль, жители которого, узнав о поражении, начали уходить из селения. Разрушив Аймакам, Вельяминов возвратился с отрядом в Тарки.

Февраль 1822 г. начался разорением Грековым чеченских селений Гойты и Урус-Мартан, которые, вынуждены были дать аманатов. Продолжалась рубка деревьев на Хан-Кале. Огромные, вековые стволы приходилось рубить на мелкие части, т.к. они не поддавались огню. 8 февраля, во главе почти 3-х тысячного отряда с 13 орудиями. Греков подошел к селению Большой Чечен и начал рубку леса на Аргуне. Чеченцы и качкалыковцы, объединив свои силы, попытались разгромить его отряд. Их возглавил гребенчукский кадий Абдул-Кадырь, который уверял, что все павшие в борьбе против неверных попадут в рай, а на земле борцов за веру ждет помощь со стороны турецкого султана, якобы обещавшего прислать войска. В ходе развернувшегося сражения горцы были рассеяны, а их проповедник и вождь получил смертельную рану и

вскоре умер. Греков сжег строения в селениях Шали, Малые Атаги, произвел расчистку Топлинской поляны и уже 14 февраля был в Грозной. Следует заметить, что большинство акций по уничтожению чеченских аулов носили скорее демонстрационный характер. “В аулах чеченцы защищались редко, разве случайно удавалось захватить их врасплох; обыкновенно они бросали дома на произвол судьбы, мало дорожа своими постройками, которые всегда могли легко возобновить при изобилии лесного материала”, - писал знаток войны на Кавказе, В.А. Потто (153). Участвовавший позднее в подобных мероприятиях Л.Н. Толстой сравнивал их с действием “человека, который сплеча топором рубил бы воздух”(154).

Военные успехи в Чечне и Дагестане позволили направить часть войск в Кабарду. Сюда был введен особый мобильный отряд, которому было “приказано быть в непрерывном движении, дабы неприятеля содержать повсюду в страхе и неизвестности, где наиболее угрожает ему опасность” и таким образом удерживать от набегов на русские поселения (155). Возглавил этот отряд, состоявший из тысячи солдат Кабардинского полка, пяти орудий и 200 казаков, артиллерийский полковник Кацарев. По его требованию часть кабардинских аулов переселялась на Малку, где их удобно было контролировать (156). Для борьбы с теми, кто не желал выполнять требования русских властей, в мае 1822 г. в Кабарду приехал сам командующий. Двинувшись первоначально по течению Уруха, Ермолов затем, перешел в верховья реки Черек, по пути сжигая непокорные селения. Затем он двинулся вверх по Чегему, а оттуда поднялся к селению Ксанти. Здесь для борьбы с русскими собрались главные силы кабардинцев, но боя не приняли и скрылись частью за Кубань, частью у карачаевцев. Ермолов покинул Баксанское ущелье, двинулся на реку Подкумок, а отсюда на Куму и в конце концов вышел к Каменному мосту. Эта продолжительная экспедиция позволила генералу собственными глазами увидеть Кабарду и наметить места для будущих укреплений (157). По мнению участника этого похода Э.В. Бриммера, действия

русских войск “были успешны, ибо г. Ермолов достиг того, что предполагал сделать т.е. для прекращения разбоев близ единственной дороги из России переселить горцев на плоскость, не желающих переселиться – выгнать из гор, в исходе ущелий поставить укрепления и провести дорогу прямо из Екатериноградской станицы во Владикавказ” (158). Обращает на себя внимание то, что Ермолов уже и здесь стремился переселить кабардинцев на равнину, где их легче было контролировать, а не загонял в горы. По всей видимости, в данном случае сказывался опыт Чечни, где попытка оттеснить горцев с плоскости имела отрицательные последствия.

Действия полковника Кацарева, между тем оказались эффективными и по его примеру начинают действовать еще несколько небольших, мобильных отряда. Командиру одного из них, Тенгинского пехотного полка капитану Кашутину Ермолов в приказе от 30 июля 1822 г. говорил: “Главнейшая обязанность ваша наблюдать идущия к р. Кубани и оттуда дороги и чтобы Кабардинцы по оным не могли иметь никакого сношения с жителями Закубанскими. ... Я не требую перестрелок и нападений и строго взыщу за бесполезныя; но должны беспокоить их движениями и чем меньше будут они угадывать оныя, тем лучше” (159). В данном случае Ермолов оказался верным своему принципу избегать ненужного кровопролития и действовать страхом наказания, а не самим наказанием.

В сентябре 1822 г. аварский хан обратился к жителям Чечни с призывом усилить борьбу против русских и обещал помощь со стороны Порты. Следствием этого, явилось усиление набегов на Линию, и Греков обратился к чеченским обществам с требованием сохранять спокойствие и поменять аманатов. Не ограничившись, лишь словесными угрозами, он 28 октября двинулся к селению Топли, где сжег запасы сена и захватил множество скота. Через некоторое время он повторил набег и теперь его жертвами сделались чеченцы, работающие на поляне, расположенной между селениями Малый Чечен и Малые Атаги. Такими мерами он

обеспечил относительное спокойствие на Линии на протяжении зимнего времени. Хотя нападения и продолжались, но они совершались горцами либо в одиночку, либо малыми партиями.

Строительство Бурной, к которому привлекались жители Мехтулинской провинции, вызывало их недовольство. Когда пристав Батырев и прапорщик Мещеряков прибыли в селение Оглы и потребовали выделить рабочих, то им ответили, что люди “работая в Бурной... лишаются сенокоса и жатвы хлеба и, будучи не в состоянии переносить зноя, бывающего в Тарках, умирают” (160). Попытка силой добиться желаемого привела лишь к тому, что обоих офицеров избили, и они чудом остались живы. Это справедливое возмущение горцев действиями некоторых представителей ермоловской администрации, было выставлено чуть ли ни как восстание всех мехтулинцев, а шамхал, в свою очередь, подливая масла в огонь, просил наказать волнующихся, утверждая, что в противном случае недовольство охватит все население. 11 июля 1823 г., командир 8 пионерного батальона подполковник Евреинов, под чьим руководством осуществлялось строительство Бурной, во главе батальона Апшеронского полка и 4 орудий двинулся в Мехтулу, и здесь оказалось, что слухи о мятеже необоснованно раздуты, а недовольство вызвано злоупотреблениями местного начальства, ибо: “Непорядочное управление народом, злоупотребление управляющих довели, наконец, бедных мехтулинцев до того, что они, потеряв терпение, решились, оставя свои дома, скитаться в горах и искать чуждаго крова” (161). Не наказывая никого, отряд возвратился в Тарки. Но обстановка в Дагестане тем не менее продолжала оставаться тревожной, т.к. утром 19 июля племянник Мехти-шамхала, Амалат-бек, убил одного из старших русских офицеров полковника Верховского, и это событие могло подтолкнуть горцев к выступлению. Так оно и получилось, ибо подвластные, ненавидя шамхала, стремились свергнуть его и сочувствовали Амалат-беку, который был реальным претендентом на его место. Генерал-майор Краббе, который командовал русскими силами в Дагестане, 29 июля подошел к восстав-

шему селению Каранай и штурмом овладел им (см. рис.4). На следующий день после упорного 8-часового боя было взято селение Эрпели, которое защищали гимринцы, унцукульцы, ишкартинцы и черкеевцы, после чего отряд подошел к Темир-хан-Шуре. Эти меры не остановили горцев. И они, сплотясь вокруг Амалат-бека, двинулись к Таркам. Основу отряда составляли дженгутайцы, к которым присоединились жители селений Параул, Дургали, Шура. Русский отряд под командованием подполковника Евреинова был окружен ими 14 августа у селения Кафер-Кумык, но отбил все атаки и сам, перейдя в наступление, занял это селение. Получив на следующий день подкрепление, Евреинов двинулся к Параулу и заставил мехтулинцев просить помилования и выдать аманатов (162). Таким образом, хрупкий мир был установлен, но любой просчет со стороны властей мог взорвать его, тем более, что в это время в горах зарождалось новое учение мюридизм, с его идеей газавата, которое вскоре станет идеологией для горцев и сплотит их для борьбы с неверными.

Тем временем сложной оставалась ситуация в Черномории. Еще 11 апреля 1820 г. вышел указ Александра I, гласящий: “По местному положению Черноморского войска мы признали полезнейшим подчинить оное Начальнику Отдельного Грузинского корпуса, а земли войску сему принадлежащая по смежности оных с Губернией Кавказскою, поставить по управлению гражданскому в те самыя отношения к Кавказскому губернскому начальству, в каковых ведомство войсковое до ныне находилось к Таврической губернии” (163). Нужно заметить, что Ермолов без радости воспринял эту новость. Как он сам признавался, “задолго прежде искал я средств избавиться сего войска, ибо известны были мне допущенные в нем беспорядки, расстроенное хозяйство, бестолковое распоряжение Войсковой канцелярии, которую самовластно управляли адъютанты генералов дюка де Ришелье и потом графа Ланжерона. Французским администраторам нелегко было познакомиться с нуждами и особенно свойствами запорожцев. Сверх того знал я, что самое от-

правление службы производится казаками нерадиво, и закубанцы, делая частые и весьма удачные на земли их набеги, содержат их в большом страхе. Прежде для охранения их расположен был полк пехоты и полурота артиллерии, и хотя до поступления еще казаков в мою команду представлял я о необходимости продолжить пребывание там полка, но оный оттуда удален, и я должен был уделять в помощь войска с Кавказской линии, тогда как для собственной защиты оной их недостаточно” (164). В частной переписке генерал высказывался еще более резко. Вот, что он писал А.А. Закревскому в ноябре 1820 г.: “Что за мерзость навалили Вы на меня войско Черноморское? Атаман – дрянь естественная, казаки застращены и загнаны Закубанцами и я не знаю что с тем делать. Весьма умножили Вы заботы мои и к сокрушению моему едва ли буду я полезнее Черноморцам, как и Ланжерон... Не ужели нельзя было иметь там особеннаго начальника? Черноморцы трусливы и тени нет порядка и послушания” (165). В письме от 9 ноября 1821 г. он столь же резок: “Был в войске Черноморском. Непостижимое распутство в сей толпе не войска, но можно сказать бурлаков” (166). Ермолов и раньше интересовался положением вещей в Черномории, и еще в январе 1817 г. писал тому же Закревскому: “к черноморцам надобно непременно поставить один полк пехоты, дабы держать в почтении закубанцев. Казаки одни не сладят с ними, а в Крыму праздно стоят полки. Содержание полка на Тамани будет стоить дешево и черноморцы охранятся от утеснения горцев, которые вредят ужасно богатой их промышленности. Хотя сие не принадлежит до меня, но я пишу тебе как другу” (167). Теперь положение обязывало его предпринять срочные меры по улучшению ситуации в крае, которая была крайне тяжелой. Только “с 1800 по 1821 г. на Черноморию было совершено 25 крупных набегов, на которые казаки отвечали единичными походами, т.к. до 1821 г. правительство запрещало казакам переходить р. Кубань и преследовать нападавших без специального разрешения. Это привело к тому, что многие казачьи селения и хутора, оставив плодородные земли, переселились подальше от р. Кубани...”

(168). В приказе от 19 ноября 1820 г. черноморскому атаману Матвееву он сообщал, что Войска Донского генерал-майору Власову он поручает “непосредственное начальство войсками на кордонной страже”, а атаману оставалось заниматься лишь внутривойсковыми хозяйственными делами (169). Тогда же он приказал Матвееву, “что казак стоящий или на кордоне или в другом либо месте с ружьем не должен отдаваться в плен, а ежели таковой и будет захвачен то отнюдь его не выкупать, впрочем захватываемых в плен на полевой работе и безовсякаго оружия конечно надлежит выкупать но не иначе как по точном и строгом исследовании и с моего разрешения без предварительнаго мне о том донесения совершенно ни каких выкупов не делать. При сем приведу в пример Вашему Высокоблагородию, что на Кавказской линии точно тоже происходило пока казаки не обратились к строгой осторожности и чеченцы пользуясь их слабостию захватывали наших пленных получая за них после деньги, когда же выкуп запрещен, то казаки захватывая чеченцов выменивали за них своих пленных и теперь много уже содержится так что и променивать ненакого. По поводу чего мне желательно бы было, чтобы и черноморцы обратились к тем же мерам и тогда казна избавлена бы была от излишних издержек и закубанцы потеряли бы смелость и охоту к хищничествам” (170). Кандидатура Власова и произведенные изменения в управлении были поддержаны императором (171), а это позволяло приступить к решительным действиям. Проведенная Власовым ревизия охраны кордона выявила вопиющие нарушения со стороны казаков несенной ими службы (172). В предписании атаману Матвееву от 11 января 1821 г. Ермолов резко выговаривал ему, что в войсках “некомплект... Оружия на людях многаго не состоит и находящееся на лицо в непозволительном состоянии. Лошадей в полках много неспособных... Судя по стрельбе козаков в цель, можно заключать, что многие из козаков пороха с маком не распознают” (173). Серьезность ситуации заставила Ермолова даже выступить с предложением о переносе казачьей столице из Ека-

теринодара в более спокойное место, в Медведковский курень, но оно не нашло поддержки у казачьего начальства (174).

Применяя суровые меры против нерадивых (порка, аресты, штрафы, внеочередное несение службы), Власов вскоре добился успехов. 3 октября 1821 г. вторгнувшиеся закубанцы потерпели сокрушительное поражение на Калаусском лимане. Черкесы “в числе до полутора тысяч лучших, под предводительством известнейших их разбойников, сделали нападение на земли черноморцев с намерением разорить их селения. Приличные распоряжения, смелость в предприятии генерала Власова 3-го и чрезвычайно темная ночь, скрывшая малые его силы, приготовили гибель разбойников. Следуя за ними с тылу, отрядив небольшую часть казаков, которая вела с ними перестрелку спереди в то время, как в окружности повсюду зажженные маяки и пушечные сигнальные выстрелы привели закубанцев в замешательство, он успел отрезать дорогу к отступлению, и когда они, не подозревая о его присутствии, думали безопасно возвратиться, встретил он их картечными выстрелами и ружейным огнем, расположенных в камышах казаков. Почитая себя повсюду окруженными, искали они спасения в бегстве: часть одна, случайно направившаяся по сухому месту, могла, хотя с потерей, удалиться, но главные силы, обманутые темнотою, попали на обширный и глубокий залив из реки Кубани, и сильно преследуемые казаками, потонули в оном, и не спасся ниже один человек. Казаки вытащили в последующие дни слишком 600 лошадей и более нежели таковое число богатого оружия.

Закубанцы, приезжавшие для вымена пленных, признавались, что в сем случае лишились они храбрейших из своих вожатых и разбойников и что вообще потеря их простирается свыше тысячи человек. Черноморские казаки никогда не имели подобного успеха против закубанцев и...если бы не ночь препятствовала им видеть силы их, конечно, не смели бы они вступить с ними в дело. И при сем неожиданно счастливым происшествии страх, внушенный прежде закубанцами, наводил на

них робость” (175). Возник даже замысел увековечить выигранное сражение памятником, с помощью которого вдохнуть уверенность, в свои силы у черноморцев (176). Не ограничиваясь лишь обороной, Власов стал совершать нападения на селения адыгов за Кубанью, и поначалу эти “правила предупреждать предприятия неприятеля разогнанием собирающихся сил его”, находили поддержку в столице, хотя и с рядом оговорок. Так, в приказе от 30 ноября 1823 г. поступившем на имя Ермолова говорилось, что “Государь Император надеется, что начатая с горскими народами торговля сношения и благоразумные меры, принимаемые вашим Высокопревосходительством, обратят их к доверенности и к сохранению мира и что решительная быстрота со стороны войск наших употреблена будет в тех единственно случаях, когда упрямство того потребует” (177). Примечательно, что меняются характеристики черноморцев, даваемые им генералом Ермоловым. Теперь в деле против неприятеля они показывают “решительность и бесстрашие”, и враги вынуждены уступать “храбрости казаков” (178).

Для казаков разрабатывается специальное “Наставление”, в котором обговаривается, как следует охранять границу (179). И хотя по словам Ф.А. Щербины: “Все эти распоряжения в сущности были лишь повторением той азбуки по охране границ, которая существовала на Черноморской кордонной линии со времени ее занятия казаками и Власов своей инструкцией не дал ничего нового” (180), этим он способствовал усилению дисциплины среди черноморцев и как бы определял границы ответственности и обязанностей для несших караульную службу.

Между тем, непрекращающиеся военные акции Власова держали войско в постоянном напряжении, изнуряли его. Соседнее черкесское население генерал “разорял и доводил до крайнего озлобления” (181). Из Петербурга даже сделали запрос, не являются ли вторжения закубанцев в наши пределы следствием чрезмерной активности Власова (182). И хотя подобное обвинение Ермолов вполне убедительно опроверг (183), было очевидно, что над головой воинственного генерала сгущаются ту-

чи. Не последнюю роль в этом сыграл и глава попечительства торговли с горскими народами Р.А. де Скасси, не разделявший методов Власова и поддерживающий по своим каналам жалобы на него со стороны закубанцев (184). И когда Власов в феврале 1826 г. разорил аулы “черкесского мирного князя Сагат Гирея”, он был “удален от настоящей должности, а на место его вызван с Дону в звание Командующаго Черноморским Войском генерал-майор Сысоев-1” (185).

Неспокойной оставалась ситуация и на правом фланге линии, на пространстве от Баталпашинска до Усть-Лабинского укрепления. Конные партии горцев то и дело вторгались в российские пределы и их жертвами становились обитатели станиц и хуторов, которых из-за большой протяженности границы трудно было оградить от нападений. Среди погромов, устроенных закубанцами выделяются разорение Темижбекских хуторов в апреле (186) и селения Круглолесского в мае 1823 г., когда “хищники сделав нападение Георгиевскаго уезда на селение Круглолесское, разграбили оное и убили мужеска пола 38 - ранено и неспособных к работе 7 – всего 45 душ. Взятых и оставшихся в плену – 34. Всего 79” (187). Эти нападения, помимо человеческих жертв, наносили большой урон казне, т.к. правительство вынуждено было так или иначе оказывать пострадавшим помощь (188).

В мае 1823 г. начальник ермоловского штаба был отправлен на Кубань, где ему было поручено принять общее начальство над войсками и активизировать действия по пресечению набегов. Сторонник решительных действий, Вельяминов предпринял несколько экспедиций на реки Большой и Малый Зеленчук, реку Лабу и заставил закубанцев уходить ближе к горам и несколько ослабить свои нападения. Но этот успех был относительным. Как писал 13 сентября 1823 г. И. Рубашевский: “Из доходящих ко мне сведений, по званию исправляющаго должность Кавказского областного Начальника, видно, что правой фланг Линии доселе еще не успокаивается от вторжения Закубанских хищников, не смотря на то, что...Вельяминов...бесперывно почти находится на Кубани, с

довольно значительным отрядом, в котором собраны почти все здесь находящиеся войска”. Что до закубанцев, то “дерзость их до того простерлась, что уже по большой дороге, среди дня, в виду постов казачьих начали грабить и убивать” (189).

После отбытия Вельминова в Тифлис, по причине болезни, руководство перешло в руки командира 22 артиллерийской бригады полковника Кацарева (190), который показал себя как талантливый предводитель в набеговой войне. Стремительные переходы и неожиданные нападения производились им на реке Белой, Чамлыке, Урупе, Тегене. Закубанцы летом 1824 г. даже обратились к анапскому паше с просьбой повлиять на русскую сторону. Завязалась переписка, и обе стороны требовали друг у друга не нарушать границы Кубани. Паша настаивал на том, чтобы русские войска не наказывали горцев на османской территории, а русские соглашались с этим лишь с условием, что турки не допустят новых вторжений закубанцев, и не будут давать приют беглым кабардинцам. Переговоры ни к чему не привели, и взаимные нападения продолжались. Так. Вельяминов, который временно стал начальником войск на Кавказской линии после смерти генерал-майора Сталя, 28 сентября переправился через Кубань и совершил длительный, вплоть до 30 октября, поход, в результате которого он с войсками побывал на реках Урупе, Лабее, Чамлыке, Ходзью, Фарсу. Хотя нападения закубанцев и сократились, но войска от непрерывных походов были измотаны, а одержанные победы не давали решения кубанского вопроса.

Между тем в Чечне усиленно муссировались слухи о скором появлении пророка, который должен был освободить горцев от власти русских. Среди тех, кто распространял их, выделялся бячки Бейбулат из селения Гельдыгена и маюртупский мулла Магома. Русские власти не придавали, особого внимания этому и продолжали расчищать просеки и наказывать те аулы, которые принимали у себя беглых кабардинцев. Так, в течение зимы 1825 г. Греков разорил селения Урус-Мартан, Гойты, Гехи, а весной продолжил дорогу от Брагунов к Амир-Аджи-Юрту и

к Аксаю, от Аксая прорубил просеку до Герзель-аула и расчистил от деревьев близлежащую территорию к крепости Внезапной. 12 марта 1825 г. командование над войсками на Кавказской линии принял генерал-лейтенант Лисаневич, который также не обратил внимания на новое религиозное учение. А тем временем Магома при поддержке Бейбулата объявил себя долгожданным имамом и вокруг него стали собираться горцы для совместных действий против русских. По словам наблюдательного А.С. Грибоедова, “их взволновал не столько имам, пророк недавно вдохновленный, как... Греков, способный человек, но грабитель” (191). Их отряды стали собираться за Хан-Калой, и Греков 30 июня двинулся туда, чтобы рассеять мятежников. Горцы, однако, не приняв боя, удалились в земли карабулаков и расположились на Гехинских полях. 7 июля Греков с отрядом прибыл в Герзель-аул и стал готовиться к действиям против чеченцев. Те, однако, опередив его, внезапно захватили укрепление Амир-Аджи-Юрт и, ободренные успехом, подошли 9 июля к Герзель-аулу и окружили его. Гарнизон отбил множество атак неприятеля, а 15 июля был разблокирован подоспевшим подкреплением, которое нанесло восставшим поражение. Лисаневич и Греков, которые разбили горское ополчение, решили разобраться со степенью вины жителей селения Аксай, которые помогали сторонникам новоявленного пророка. Во время судебного разбирательства из-за собственной неосторожности они были заколоты муллой Учаром-Ходжи, который сумел спрятать под одеждой кинжал, и это сразу же обезглавило Кавказскую Линию, на которой не осталось ни одного генерала. Командование над войсками, расположенными на левом фланге, принял на себя подполковник Сорочан. Ермолов, несмотря на свою болезнь, выехал во Владикавказ, а оттуда 9 августа прибыл в Амир-Аджи-Юрт. Возглавив войска, главнокомандующий пошел к Аксаю, чье население бежало при приближении отряда. Объявив жителям прощение, генерал приказал оставить им это селение и перейти на жительство на реку Таш-кечу, “место... во всех отношениях несравненно выгоднейшее прежнего, ибо здесь жители Аксая

имели лучшее свое хлебопашество, здесь прежде бывало их богатое скотоводство”. Таким образом прерывались связи аксаевцев с чеченцами, что позволяло “избежать всегда неприятной необходимости наказывать за измену” (192). А вот как выглядит это событие со слов М.Аджиева: “...С гор уже тянуло вечерней прохладной, когда на дороге из Владикавказа показались русские солдаты. Конные и пешие, вереницей подходили они к Аксаю. В ауле их приходу не удивились: все знали, Россия пошла войной на Кавказ. Начинаясь 1817 год.

Ничего, кроме ненависти, не встретили завоеватели в Дагестане. Конечно, это сильное оружие, но его мало, а другого в Аксае не было. ... Мудрые аксайцы затеяли игру с превосходящим врагом: они по примеру своих предков взяли тактику заманивания, выжидания, вынужденного мира.

До 1825 года вынужденный нейтралитет кое-как соблюдался. Аксайцы молчали, стиснув зубы. Однако в тот год гости стали вести себя уже как хозяева Аксаю, попытались приказывать. Такого терпеливые кумыки не перенесли. ... Гости нарушили законы Кавказа. Это было последней каплей, в руках муллы Аджи блеснул кинжал – и в России на двух генералов стало меньше. ... Забурлил окровавленный Аксай, днем и ночью все ждали ответного хода русских. И генерал Ермолов сделал его – казаки стерли аул, уничтожили бы и его жителей, но “татары”, ... скрылись в густых зарослях камыша... Нашли сухое место среди болот, построили из самана дома, разбили пашни и каждый год отвоевывали у камыша пространство. Новый аул тоже называли Аксаем” (193). Комментарии, данного отрывка на наш взгляд излишни. Очевидно, что М. Аджиев умышленно преследовал цель извратить исторический факт для доказательства своих сомнительных воззрений.

Войска производили работы на укреплениях Таш-Кечу, Амир-Аджи-Юрт и готовились к зимней экспедиции против чеченцев. Присутствие командующего позволило несколько стабилизировать ситуацию на левом фланге Линии, т.к. по мнению уже цитируемого А.С. Грибое-

дова, “имя Ермолова еще ужасает” (194), но “в октябре вспыхнуло возмущение в Кабарде; некоторые из владельцев бежали в горы, дабы пройти на Кубань, но прежде напали на селение Солдатское и разграбили оное, вспомоществуемы будучи перешедшею к ним из Кубани сильною партией. В нападении сем участвовали почти все живущие по реке Малке кабардинцы” (195). Пришлось срочно перебрасывать дополнительные силы из Грузии и ускорить возвращение Вельяминова из закубанского похода, на Линию.

26 октября, под командованием подполковника Сарочана была предпринята экспедиция на Хан-Калу, где чеченцы производили работы по ее укреплению. Отряду, состоявшему “из 700 человек пехоты, малого числа казаков, чеченскою конницею и 6-ю орудиями артиллерии”, пришлось столкнуться с превосходящими силами противника, и в ходе кровопролитного сражения заставить его прекратить работы (196).

Зима 1826 года была наполнена непрерывными превентивными мерами против чеченцев, в которых участвовал сам командующий. 26 января войска, пройдя Хан-Калу, заняли селение Большие Атаги. Для борьбы с ними стали собираться не только чеченцы из близлежащих поселков, но и живущие по реке Мичику и ичкеринцы. По сведению лазутчиков, прибыли даже несколько дагестанцев, и когда 30 января войска, уничтожив селение Чахкери, возвращались обратно, они подверглись яростному нападению со стороны горского ополчения, которое возглавил сам имам Магома. “Из признания чеченцев известно, что они потеряли не менее двухсот человек убитыми, в числе коих многих отличных между ними людей. Они говорили, что никогда прежде не испытали они столько жестокой схватки. После сего сражения неприятель рассеялся, и войска 2-го февраля, пройдя Хан-Кале без выстрела, возвратились в крепость Грозную” (197). Уже 5 февраля войска вновь выступили в поход и, переправившись через Аргун, заняли селение Бельгетой и сожгли селение Ставноколь. Устрашенные герменчукцы выдали аманатов, и их селение не тронули. 8 февраля было занято селение Алды, где отряд про-

стоял неделю из-за сильных морозов, а затем двинулся к деревням Балакой и Рошни, которые занял после небольшой перестрелки. Как писал Алексей Петрович своему двоюродному брату С.Н. Ермолову: “Все разбежалось, попряталось и никогда не было труднее получить аманатов, - как теперь, ибо не от кого требовать и не кому отдавать их. Бежавшие селения, то есть все, так рассеялись, что не более семейств по девяти вместе. Пророк на войну собрать никого не может!” (198). Оставленное жителями селение Гехи было сожжено по приказу командующего, после чего войска, пройдя Гехинский лес, уничтожили Даут-Мартан, где скрывались обычно кабардинские абреки. Жители Казах-Кичу, выдав аманатов, избежали наказания, а войска 21 февраля вернулись в Грозную. 6 апреля они вновь двинулись за Сунжу. Ермолов вспоминал: “В Чечне продолжался мятеж; лжепророк старался возбуждать обольщающими прорицаниями, но уже приметно уменьшилось верование в него; посланные люди к лезгинам с требованием о помощи привезли одни обещания. Напротив, весьма многие из селений не нарушили покорности и представили аманатов лучших фамилий по нашему назначению. Сделав наблюдение, что упорнейшие из чеченцев суть те, кои живут в местах менее приступных, где никогда или давно не бывали войска наши, куда по множеству в пути препятствий не могут приходиться внезапно, а потом жители, имея время скрыть в лесах семейства и имущество, являются с оружием, вознамерился я открыть кратчайшие дороги и прорубить леса далее от дороги ружейного выстрела в обе стороны. По таковым путям, не испытывая никаких затруднений, могут войска повсюду появиться, с большою быстротою и без неприязненных действий, можно удерживать их в послушании, а впоследствии приучить к спокойствию” (199). В цитируемом отрывке генерал фактически признает ошибочность своего изначального замысла удалить беспокойных соседей, как можно дальше от пределов Линии. Жители расположенных в доступных равнинных землях аулов менее охотно шли на конфронтацию по сравнению с их укрытыми лесами соплеменниками, к жилищам которых приходилось

прорубать просеки затрачивая при этом массу усилий. В ходе этого похода войска уничтожили селения Курчали, Урус-Мартан, Рошни, сделали удобную переправу через реку Мартан и 28 апреля вернулись обратно. По словам Ермолова, участвовавшая в походе чеченская конница, сформированная из жителей равнинных селений, “служила с отличным усердием” (200).

В начале мая “войска, пройдя Хан-Кале, перешли чрез Аргун у селения Беглекой. Очищена дорога через лес, отделяющий селение Шали... Селение сожжено и сады вырублены. ... Впоследствии проложены дороги от селения Беглекой на поля Теплинские мимо возвышения, называемого Гойт-Корт, с вершины коего видна Чечня на большое расстояние. Далее прорублена дорога мимо селения Чертой за речку Джалгу до селения Керменчуг и мимо оногo” (201). Весьма примечательно, что при строительстве дороги “рассыпанные по лесу люди находили женщин и детей и поступали с ними ласково, находили имущество и ставили караул для охранения оногo. Жители, удивленные подобным обращением, из благодарности угащивали солдат, приуготовливая для них пищу”. 17 мая окончившие работу войска перешли Аргун и после “двух дней роздыха Хан-Кале расчищено совершенно, расширена долина более прежнего, проложена дорога по самой середине, и место, прежде страшное, может ныне уподоблено быть прекрасному гулянью” (202). 23 и 25 мая войска собравшиеся у Грозной были распущены на квартиры на линию, для отдыха. “Таким образом кончилась экспедиция против чеченцев. Одни, живущие по реке Мичику, остались непокорными, но они кроме воровства и разбоев ничего более сделать не в состоянии; потух мятеж во всех прочих местах, и все главнейшие селения приведены в послушание и представили аманатов” (203). Начавшаяся вскоре война с Персией отвлекла Ермолова от Северного Кавказа и никаких крупных акций, вплоть до своей отставки, он здесь больше не предпринимал.

Вся военная деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе была направлена на быстрое усмирение горцев, ибо как признавался сам

генерал: “боюсь я, что мы не воспользуемся мирным расположением соседственных земель и не укротим внутренних беспорядков, а когда случится война внешняя, то все горские народы и сядут нам на шею” (204). С этой целью и возводилась спешно новая линия укреплений, проводились репрессалии. До 1822 г. включительно генерал основные усилия направлял на строительство укреплений, которые должны были обеспечить блокаду, а все остальное время предпринимал шаги по ее поддержанию. В Чечне постоянно проводились работы по рубке просек и, таким образом, чеченцы лишались возможности укрываться в своих дремучих лесах, долгое время оберегавших их. Небольшое число войск, зачастую малопригодных, заставляло генерала держать их в постоянном напряжении, чтобы гасить то и дело, вспыхивавшие недовольства горцев. Неудивительно поэтому, что Ермолов делал все, чтобы не дать последним объединить усилия в борьбе против царской власти, внушить им страх. “Первоначально, стравливаю между собою, чтобы не вздумалось им быть вместе против нас и некоторым уже обещал истребление, а другим казнь аманатов”, - говорил он (205). Как только появлялась возможность, он заставлял одних горцев воевать с другими. “Как храбро дерутся Чеченцы, употребляемые с нашей стороны, и первый сделанный над ними опыт имел успех совершенный! Не отчаиваюсь, что года через два будут они штурмовать селения единоземцев, а войска наши будут наблюдать за верностию. В моем новом “Ордр де Баталь” пушки будут позади для управления действием”, - писал он в 1820 г. (206). В рапорте Н.В. Грекова от 24 февраля 1822 г. к К.Ф. Сталю, он докладывал, что “чеченцы с Терека, взятые мною, принесли... существенную пользу. Владельцы исполняли в точности все что им поручаемо было и достойны похвалы, я везде употреблял чеченцев и они с казаками весьма хорошо действовали, а в некоторых местах и одни. Подполк. Тыртов отозвался с похвалою о кумыкских князьях... при очищении на Гудермесе и Сунже леса я сам видел их храбрость и усердие” (207). Заставляли горцев и участвовать в охране кордонной Линии, в частности среди обязан-

ностей малокабардинцев было иметь караулы для предупреждения воровства со стороны чеченцев (208). Между тем данная повинность была обременительна, и кавказцы старались ее избегать. В письме А.А. Вельяминова к Ф.А. Бековичу-Черкасскому он говорил: “Весьма значительную дистанцию должны охранять мирные ногайцы наши, которые начинают уже плутовать. ... Растолкуй глупым головам этим, что они за подобное поведение жестоко потерпят” (209), имея в виду возможные наказания со стороны российского командования. В целом можно сказать, что ему удалось снизить угрозу горских набегов нависавшую над российскими поселениями расположенными на Линии. Но умиротворить Северный Кавказ генерал не сумел, ибо военными мерами он добился лишь внешнего успокоения, да и то, относительного (210). Как писал в 1831-1832 гг. сосланный на Кавказ Полежаев А.И.:

Ермолов, грозный великан
И трепет буйного Кавказа!
Ты, как мертвящий ураган,
Как азиатская зараза,
В скалах злодеев пролетал!
В твоём владычестве суровом
Ты скиптром мощным и свинцовым
Главы Эльбруса подавлял!..
И ты, нежданный и крылатый,
Всегда неистовый боец,
О Греков, страшный – и заклатый
Кинжалом мести наконец!
Что грохот вашего перуна?
Что миг коварной тишины?
Народы Сунжи и Аргуна –
Доныне в пламени войны;
Брега Койсу, брега Кубани
Досель обмыты кровью брани! (211).

А.П. Ермоловым был разработан идеальный с военной точки зрения проект. Первоначальный замысел генерала напоминал план действий против вражеской армии. Для защиты своих тылов, а равнины Северного Кавказа, безусловно, являлись тылом русских войск на случай войны в Закавказье, противник, т.е. немирные горцы, оттеснялись от

русских поселений непосредственно прикрытых кордонной Линией. Горцы лишались собственной кормовой базы, что должно было поставить их в безвыходное положение и заставить отказаться от набегов. Однако воплощение плана в жизнь почти сразу показало его иллюзорность и по мере накопления опыта Ермолов все больше удаляется от изначального замысла. Если в 1816 г. в Чечне он ратовал за отселение враждебных горцев с равнины, то в 1822 г. в Кабарде он уже наоборот стремится переселить аборигенов на плоскость, где было легче осуществлять контроль за ними. Этому правилу генерал начинает придерживаться в отношении всего Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Что касается Закубанья, то здесь контролировать горцев опираясь на построенные крепости было невозможно, т.к. эта территория юридически находилась в составе Османской Порты, а потому российское командование шло на широкое применение репрессалий и превентивных ударов по “хищникам”. Тенденция в изменении взглядов А.П. Ермолова на умиротворение Кавказа позволяет предположить, что они должны были претерпеть серьезную корректировку в сторону либерализации и отказа от жестких военных мер. Что касается столь “рекламируемой” самим А.П. Ермоловым собственной жестокости, то она играла роль своеобразного психологического оружия, предназначенного для устрашения “немирных” горцев и удержания их от враждебных действий. Весьма показательно что, когда И. Дибич будет искать доказательства особой жестокости генерала, то он не сможет найти их (212). Это еще раз свидетельствует о том, что Ермолов по возможности старался избежать не нужного кровопролития.

Глава II. ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕРМОЛОВСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.

За годы управления Кавказом (1816 – 1827) в числе других важных мероприятий, проводимых Ермоловым, следует выделить целый комплекс мер, направленных на достижение экономического благополучия региона. Осознавая, что опираться только на мощь штыков в деле освоения новых территорий нельзя, генерал приложил массу усилий для поощрения местного сельского хозяйства, промышленности, городского строительства и т.п. Для этого пришлось решать разнообразные задачи, начиная от карантинных и заканчивая военными. “Еще на рубеже XVIII и XIX вв. Предкавказье стало вовлекаться в систему всероссийского рынка” (1). Этот процесс находит широкое подтверждение в данных археологии, в частности в нумизматическом материале, который “создает впечатляющую картину не просто массового распространения, но и повсеместного явного преобладания российских денежных единиц в нумизматической панораме Северного Кавказа XVIII в.; уверенного завоевания ими полного господства в денежном обращении региона” (2). Экономическое освоение Россией северокавказских земель при Ермолове продолжало успешно развиваться, несмотря на непростую ситуацию, вызванную назреванием и началом т.н. “Кавказской войны”. Не прекращались торговые связи между русскими и горцами, на которые российское правительство возлагало огромные надежды. Северный Кавказ все прочнее срастался с Российской империей, хотя это и тормозилось нестабильной ситуацией в крае. В этой связи глубоко неверной выглядит мысль Ю. Афанасьева призывающего “перестать верить историческим мифам”, а между тем утверждающего, что “Россия всегда жила завоеваниями, присоединяя к себе новые земли... Завоевывали или обороняли. И никогда не думали о том, как лучше обустроить эти территории, а только как их больше захватить” (3). Налицо как раз попытка создания нового мифа порочащего историю России. Развенчивая его, остановимся

подробнее на мерах предпринимаемых генералом и его администрацией в деле хозяйственно-экономического освоения вышеназванной территории.

§ 1. Меры, предпринимаемые для борьбы с эпидемиями.

Чума, или “морская язва”, как называли ее в прошлом веке, являлась страшным бичом для населения Кавказа. Незадолго до появления А.П. Ермолова в этих краях ее вспышка привела к тому, что было уничтожено “совершенно все население Малой Кабарды”, а также произведено “опустошение в Большой” (4). Продолжавшаяся на протяжении 14 лет, чума сопровождалась голодом, который уносил жизни тысяч людей. Все это, наряду с социальными столкновениями, феодальными распрями и стычками с царскими войсками способствовало тому, что некогда многочисленный народ катастрофически сокращался (5). И.Х. Калмыков между тем, объясняя уменьшение горского населения, совершенно игнорирует большинство вышеперечисленных факторов, акцентируя внимание лишь на стычках с царскими войсками. Именно они, по мнению этого исследователя, явились причиной демографической трагедии для кабардинского и абазинского народов. В качестве одного из доказательств автор ссылается на журналиста “Комсомольской правды” О. Шаповалова, который пишет о подвешенных за ребра по приказу Ермолова священнослужителях, сожженных вместе с людьми аулах. Ретивый журналист не затрудняет себя ссылками на первоисточники, предлагая читателю поверить в его ложь “на слово”, что и делает И.Х. Калмыков (6). Налицо еще один пример мифотворчества. Между тем давно известно, что случай о подвешенном за ребро священнослужителе был выдуман Л.Н. Толстым в одном из вариантов “Хаджи-Мурата” и в окончательный текст не вошел. Писатель, со временем пересмотрел свою негативную оценку деятельности А.П. Ермолова, сочтя ее “тенденциозной”

(7). Губительная эпидемия обрушилась и на соседние кабардинцам народы (8). Из-за попустительства командования перекинулась эпидемия и на русские поселения, расположенные на Линии (9). Как правило, “морская язва” заносилась из сопредельных государств, Персии и Турции (10). В любой момент эпидемия могла начаться в Закавказских владениях империи, а затем стремительно, через Северный Кавказ, переброситься в глубь России. С ее угрозой Ермолов столкнулся сразу же по приезде в Грузию. С грустью генерал должен был констатировать, что “от заразы в здешней стране едва ли возможно предохраниться”. Самой действенной мерой от чумы в те времена была изоляция очагов болезни, но в условиях Кавказа, добиться этого было практически невозможно. По мнению А.П. Ермолова, “от чумы охраняет нас одно счастье!” (11). Но генерал не относился к тем людям, которые уповали лишь на волю судьбы. Для защиты от заразы широко применялась система карантинных пунктов, улучшив их состояние, Ермолов хотел по возможности обезопасить внутренние российские территории. В борьбе с чумой он нашел поддержку у императора, получив у него широкие полномочия (12). Это была трудная задача. Как убедился Алексей Петрович после своей инспекционной поездки, карантинные пункты представляли собой жалкое зрелище. “Карантин при кр. Усть-Лабинской... не только теснотой неудобный, но и своим расположением не представляет безопасности”. Другой “при кр. св. Николая бывший, наводнением в прошедшем году Кубани разрушенный, за совершенную и прежде сего негодностью, по распоряжению предместника моего Ртищева, заменяется устраивающемся вновь, в добычу той-же Кубани приуготовляемым.

Карантин близ Константиногорска, при горячих водах устроенный, лучше прежде поименованных двух, но большая часть строений по недостатку леса сделана из плетня и сему одно крайнее снисхождение дает наименование карантина.

Карантин Моздокский, на сообщении с Грузиею стоящий, - важнейший по положению своему...имеет строения все ветхия, тесныя, худо и не безопасно расположенныя...

Карантин при станции Наурской не заслуживает сего имени, состоя из одной землянки для окуривания и нескольких плетневых шалашей” (13).

В своем послании к генералу Вязмитинову, Ермолов обратился с конкретными предложениями по благоустройству находившихся в его ведении карантинных. Так, он просил прислать специалиста-архитектора для составления планов и смет будущего строительства и в свою очередь обещал часть рабочей силы и строительного материала изыскать собственными возможностями. Просьба генерала в конечном итоге была удовлетворена и 19 апреля 1819 г. императорским указом из Петербурга был отправлен архитектор Вильстер (14), который, по словам Президента Академии художеств, был человеком опытным и знавшим свое дело. Позднее Ермолов и сам оценит его способности и в письме к П.А. Кикину, скажет о нем: “искусный человек, и если бы кто и менее его имел дарования, я был бы доволен” (15).

Инициатива Ермолова была поддержана на самом высоком уровне. 21 августа 1818 г. был утвержден новый проект карантинного устава, который должен был, по мнению его составителей, служить “с одной стороны к усилению безопасности, а с другой к облегчению торговли... Одна из важнейших перемен, в новом уставе сделанных, есть очищение товаров посредством пресыщенной соляной кислоты и посредством серы” (16). Подобного рода обработка товаров, требовала соответственных помещений, которые необходимо было зачастую строить заново. Новый устав предусматривал строительство внутренней карантинной линии, проходящей по Среднему Егорлыку и таким образом как бы отделявшему Кавказ от других российских губерний. Ермолов, являясь сторонником подобного плана, вместе с тем замечал, “что во время благополучного положения Кавказского края, дабы бесполезно не стеснять торговли

и сношений, должны карантинные по сей линии устроенные быть без всякого действия, как будто-бы они не существовали; при малейшем же сомнении, не ожидая явного обличения заразы на Кавказской Линии, принимать они должны строгую деятельность...” (17).

Порядок прохождения через карантинные кордоны был тщательно регламентирован. Проезжавших опрашивали, имеют ли они сведения о наличии заразных заболеваний в сопредельных территориях, откуда они выехали. При этом их показания письменно фиксировались (18). Выждав определенный срок и подвергнув одежду и товары соответствующей обработке, люди покидали карантинные и отправлялись по своим делам. Впрочем, такого порядка придерживались не всегда. Так, “во время походов генерала Власова с отрядами за Кубань, войска очищались на открытом воздухе окуриванием газами соляной кислоты. В сущности, это была лишь одна комедия, делавшая хорошие результаты потому лишь, что в горах у черкесов совсем не было чумы” (19).

Значительную неразбериху на границе создавало переподчинение различных учреждений из одного ведомства в другое. Например, Усть-Лабинская карантинная застава, согласно новым правилам была, “введена в состав Екатеринодарского карантинного отделения, состоящего в зависимости Черноморского войскового начальства. Места, на коем ныне устроен карантин сего имени, с имеющимся при оном меновым двором, находится в границах Кавказского начальства, так что даже за ним еще поселена подведомственная тому начальству казачья станица.... С поступлением-же онаго карантинная или застава в ведомство Черноморского Войска надобно перевести оную на земли того Войска, а особливо когда из Кавказской губернии не иначе может переходить на земли Черноморского Войска, как, по карантинном очищении” (20). Эта проблема была урегулирована в 1820 г., когда Черноморья была подчинена Ермолову, и образовался Отдельный Кавказский корпус.

В 1825 г. в связи с тем, что Военно-Грузинская дорога переносилась с правого берега реки Терек, на левый, признано было “полезным

учредить в Екатеринодаре Центральное карантинное управление” и “перевести туда из Кизляра тамошнюю пограничную карантинную контору в Кизляр же переместить моздокскую карантинную заставу совершенно бесполезно остающуюся” (21).

Меры, предпринимаемые Ермоловым по борьбе с заразой, были вполне своевременны, ибо ситуация в регионе была крайне напряженной. 23 августа 1821 г. владикавказский комендант доносил о появлении эпидемии “в деревни лежащей от Владикавказа в 28-ми верстах называемой Кабанкой” (22). Тогда были срочно предприняты меры по изоляции очага болезни. А вот, что писал Алексей Петрович в своих воспоминаниях, касавшихся 1824 г.: “На Линии свирепствовали ужаснейшие болезни: в Георгиевске до того достигла смертность, даже между чиновниками, что в присутственных местах мало было занимавшихся делами...” (23). “Не отнесите потери к недостатку попечения о людях или к худому состоянию госпиталей. Все соблюдается строжайшем образом, а в полках лазареты по истине заслуживают одобрения”, - сообщал Ермолов А.А. Закревскому. Можно предположить, что последствия были бы еще страшнее, если бы генерал столь серьезно не занялся профилактикой массовых заболеваний, ибо “при всей потере нашей мы еще счастливы в сравнении с соседями нашими персиянами, у коих в Эриванской области не собрано половины с полей хлеба за болезнью поселян...” (24).

Внимание к карантинам со стороны Ермолова было вызвано не только выше названной угрозой чумы и прочих заразных заболеваний, но и тем, что они являлись препятствием на пути торговли, как с зарубежными странами, так и с горцами. Длительные простои, достигавшие порой 42 дней (25), с которыми впрочем, генерал всячески боролся (26), приводили к значительным убыткам для купцов, отбивали у них охоту торговать. А между тем, торговля рассматривалась российской администрацией как важный элемент по налаживанию мирных отношений с горскими племенами.

§2. Русско-горская торговля.

Проблема торговли народов Кавказа уже не раз поднималась в целом ряде научных работ (27). Это не случайно, ибо она занимала важное место в хозяйственно-экономической жизни местного населения. Торговые связи поддерживались как между различными народами Северного Кавказа, так и с Закавказьем, Кавказской Линией, Персией, Оттоманской Портой. Остановимся подробнее на российско-горской торговле, как интересующей нас в данном исследовании.

Прежде всего, необходимо несколько слов сказать о хозяйственной деятельности автохтонного населения. Для горцев Северного Кавказа было характерно занятие земледелием, скотоводством, садоводством и огородничеством, охотой, рыболовством, пчеловодством, различными домашними промыслами и ремеслами. Плоды их труда шли не только на удовлетворение собственных нужд, но отчасти и обменивались на необходимые вещи у соседей-русских (28).

Характеризуя земледелие горцев, следует отметить, что оно являлось важной частью в системе самообеспечения местных народов. Его можно подразделить на равнинное, предгорное, горное и высокогорное. Если на равнине и в предгорьях существовали все условия для успешного занятия земледелием, то в горах, местным жителям приходилось затрачивать огромные усилия (расчищать от камней почву, устраивать террасы и т.д.) чтобы добиться урожая. Но и в этом случае, его не хватало, вследствие чего приходилось закупать зерно на стороне. Хотя для земледелия в условиях гор и высокогорья и были характерны “интенсивные формы труда, но они лишены главного – экономического эффекта” (29). Среди выращиваемых злаков можно назвать пшеницу, кукурузу, ячмень, просо, рожь и др. На равнине землю обрабатывали тяжелым плугом, а в горах был распространен легкий горский плуг из дерева с железным лемехом.

Помимо земледелия, одним из основных занятий горцев Северного Кавказа было животноводство. В высокогорных районах, это пре-

имущественно овцеводство, а на равнине крупный рогатый скот, когда его перегоняли в зависимости от времени года, либо на равнины, либо – на летние пастбища в горах. Скот давал мясо, молочные продукты, шкуру и кожу, шерсть, являлся тягловой силой. Лошади кабардинской, карачевской, ногайской пород пользовались заслуженной популярностью не только на Кавказе, но и за его пределами. Для скота старались заготавливать на зиму корм, что выгодно отличало горских животноводов от их соседей казаков. Однако нередко были случаи эпизоотии, массового падежа от бескормицы. Мало уделялось внимания улучшению породы, исключая разве, что лошадей. В изучаемый период, животноводство являлось основным занятием горной зоны Кавказа.

Немаловажное значение в жизни народов Северного Кавказа продолжала играть охота. Она была важным подспорьем в деле обеспечения горцев мясом. Шкуры и мех, шли на изготовление обуви, одежды, чехлов и т.п., охотно приобретались российской стороной и не подвергались пошлинному сбору. Что касается рыболовства, то, как писал в 1834 г. И. Бларамберг, офицер российского Генерального штаба, “рыба водится только в устьях рек, впадающих в Каспийское и Черное моря, там жители Кавказа и занимаются рыбной ловлей; в основном же реки бурные и не представляют возможности порыбачить” (30). Повсеместно было распространено пчеловодство. Мед и воск были важной статьей вывоза и так же не подвергались налоговому обложению. Занимаясь садоводством, горцы выращивали яблоки, груши, сливы, вишню, черешню, курагу и т.п. Из огородных культур можно назвать лук, чеснок, фасоль, морковь, репу, арбузы, дыни и т.п. Как и их соседи, русские, горцы промышленяли сбором марены, желтинного листа, поташа.

У народов Северного Кавказа широкое развитие получили кустарные промыслы. В этом заслуженное первенство принадлежало Дагестану, чьи мастера оружейного, гончарного, ювелирного и других дел, славились далеко за пределами региона. Некоторые селения, специализировались на выпуске определенного вида изделий, как, например ку-

бачинцы, занимались ювелирным производством, андийцы выделкой бурок и т.п. Кустарным способом добывались различные полезные ископаемые, как-то свинец, медь, серебро и т.д.

Характеризуя горское хозяйство, можно говорить о наличии простого товарного производства, но в целом оно носило натуральный характер. Ни одно из вышеперечисленных занятий не было настолько выгодным, чтобы подменить собой набеговую систему, которая позволяла удачливому воину, в случае успеха, выделиться в среде соплеменников. Набеги выступали “в качестве компенсирующего экономического фактора” (31). Это предопределило причудливость русско-горских отношений, когда взаимные набеги (с целью грабежа, или в качестве карательной меры), сочетались с вполне мирными торговыми связями.

Хозяйственно-экономическое развитие России изучаемого периода характеризовалась дальнейшим ростом капиталистической мануфактуры, что требовало расширения рынка сбыта. Страна стояла на пороге промышленного переворота, для которого необходимо было создать соответствующую материально-техническую базу. Но этот процесс сдерживался узостью внутреннего рынка, на который отрицательно влияли крепостничество и послевоенная разруха. Выход из сложившейся ситуации видели в расширении внешней торговли, при этом ограниченный кавказский рынок не привлекал крупный капитал. Нестабильная ситуация в этом регионе также не способствовала заинтересованности русской буржуазии в освоении этих земель (32). Все это, по словам В.И. Ленина привело к тому, что: “Экономическое “завоевание” его (Кавказа – Авт.) Россией совершилось гораздо позднее...” (33).

Торговые контакты между русскими колонистами и местными народами имеют глубокие исторические корни, и к моменту появления на Кавказе А.П. Ермолова в этом направлении “был уже накоплен немалый опыт” (34). Еще во второй половине XVI в., когда на Тереке был основан Терский городок, начались регулярные обмены изделий русских мастеров, на товары предлагаемые горцами. По мере возрастания рос-

сийского присутствия на Северном Кавказе, увеличивался и объем торговли. “Главными товарами, которые выменивались черноморскими казаками у закубанских горцев в первой половине XIX века, оставались по прежнему хлеб, лес, сельскохозяйственные орудия и инвентарь. ... Горцы расположенные по границам с Кавказским линейным войском, напротив, сами искали возможность закупить хлеб у казаков и ставропольских крестьян” (35). С. Броневский перечислял следующие виды обмениваемых товаров: “К Черкесам отпускаются: холсты, набойки, выбойки бумажные, аладжи, бурмети, бязи, китайки, сукна в малых кусках и обрезках, юфти, обои черные и красные, канифасы, тик, чугунные котлы, сундуки, окованные жестью и простые, ларчики, жестяные кувшины, кружки, ковши, крашенные шелки, иголки, миски деревянные под лаком и простые, и еще некоторыя мелочи. В замен сих товаров получают от Черкесов: воловьи шкуры, овчинки, медвежьи кожи, волчьи, лисьи, заячьи, куньи, выдровыя, воск, мед, лошадей, рогатый скот, овечью шерсть, узкое сукно (чекмень) и шитые из онаго кафтаны под тем же именем чекменей, бурки, войлоки (кошмы), коровье масло, фрукты и другие съестные припасы” (36).

Правительство стремилось поставить этот процесс под свой контроль и с этой целью в 1811 г. за казенный счет, на Кавказской Линии открываются меновые дворы. Для чеченцев - в Науре и Лащурине, кабардинцев - в станице Прохладной, абазинцев, закубанцев и карачаевцев - в Константиногорске; для закубанцев открываются Прочноокопский и Усть-Лабинский меновые дворы (37). Помимо них, на линии действуют соляные магазины: Прохладненский (с 1809 г.), Прочноокопский, Усть-Лабинский и Константиногорский. В соседней Черномории, меновые дворы в Екатеринодаре и на Бугазе были открыты еще в 1794 г. (позднее их число увеличилось). Для поставки соли на меновые дворы в 1811, 1812 и 1813 гг. было ассигновано 251500 р. На февраль 1823 г. из этой суммы, было, реализовано соли на 245279 р. $\frac{1}{4}$ коп. Как писал Кавказский вице-губернатор на имя министра финансов: “Торговля в меновых

дворах солью производится до ныне сообразно вышесказанному проекту генерала Тормасова, чрез вымен соли на представляемые горцами и другими Азиатскими народами заграничные продукты, которые смотрители принимая в той цене, какая на продажу соли установлена, продают уже оные по таксе на сии произведения утверждаемой губернатором или начальником области...” Всего же за период с 1811 по 1823 гг. было выручено от продажи 348421 р. 4 $\frac{3}{4}$ коп. (38). Цену на продажу соли устанавливал Сенат, например в 1822 г. для магазинов местного продовольствия по Кавказской губернии, цена была следующая: в Георгиевске 1 руб. 60 коп. за пуд, Моздоке 1 руб. 70 коп., Кизляре 1 руб. 50 коп., Александрове 1 руб. 60 коп. и Ставрополе 1 руб. 70 коп. (39). Между тем, до открытия меновых дворов, горцы платили 1 руб. 50 коп не за пуд соли, а за целый воз (40). Торговый обмен проходил под наблюдением царского чиновника, в задачу которого входило следить за карантинным очищением товаров, а также не допускать, чтобы горцам поступало оружие, золотые и серебряные монеты, железо и т.п. Горские купцы заранее ставились в неравноправное положение, т.к. свой товар они могли только обменивать (в основном на соль, цена которой завывшалась), но не продавать за деньги. Подобная ситуация вызывала недовольство и желание разными способами уклониться от ведения торговли на меновых дворах (41).

Перед отправлением на Кавказ, Ермолов получил от Комитета министров проект умиротворения вверенного ему края, без применения военной силы. Он назывался “Мнение о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорять их силой оружия”. Автором данного плана был адмирал Н.С. Мордвинов, человек, известный своими умеренными либеральными взглядами (42). Замысел адмирала был положительно оценен Александром I, который ознакомился с ним 30-го июня 1816 г. и поручил переправить копию плана командующему Отдельным Грузинским корпусом. Одно из предложений Мордвинова было следующее: “Чтобы покорить народы, кои ближе к дикому, нежели образованному, состоянию, долж-

но приучить их к тому, что Россия производит и чем может их всегда снабжать. Должно увеличить число вещей, им потребных; должно возрадить в них новые желания, новые нужды, новые привычки; должно ознакомить их с нашими услаждениями, нашими увеселениями и умягчить суровую нравственность их нашим роскошеством, сблизить их к нам понятиями, вкусами, нуждами и требованиями от нас домашней утвари, одежды и всяких прихотливых изделий. Тогда соединенные нравственно с жителями гор Кавказских взаимными обменами введенной внутрь земли их торговли, обеспеченные на путях, лежащих чрез горы Кавказския, надежно возможем основать сообщения наши с сопредельными державами Азии“ (43).

Следует отметить, что подобный подход к присоединению Кавказа не был лишен здравого смысла, и генерал Ермолов признавал это и стремился использовать советы адмирала, когда это было возможно. “Свободный торг не только не воспрещу никому, напротив – буду всячески способствовать”- писал Ермолов 26 июня 1822 г. обращаясь к кабардинцам (44). В одном из посланий к Канкрину от 31-го августа 1824 г., он заявлял: “по собственным моим наблюдениям во время управления здешним краем наилучшим средством к сближению с полудикими горскими народами и к постепенному образованию их и умягчению их нравов должно признавать поощрение их к торговле, с представлением всех удобств к сбыту их собственных произведений. Не входя в пространное объяснение по сему предмету, я почитаю достаточным изложить, что при отправлении моем в 1816 году в Грузию сии самые правила (т.е. о поощрении торговли с горцами – авт.) преподаны мне в руководства в доставленном по Высочайшей воле мнению адмирала Мордвинова, с присовокуплением, что мнение сие и Г.И. изволил признать полезным; и как из сего следует, что правительство наше признало уже необходимым устранять все затруднения, по торговле с горцами представиться могущия, из коих главнейшими для сего необразованного народа должны казаться совершение таможенного обряда и взыскание пошлин с това-

ров...” (45). Еще раньше, в 1818 г., в одном из писем графу Гурьеву, Ермолов сообщал: “...торговля есть единственное средство сближения с горскими народами, - средство впоследствии времени могущее доставить величайшия выгоды, в пользу коих можно потерпеть некоторое отступление от принятых правил таможенных. Свободное обращение торговли, облегчение самого порядка, здешним народам весьма еще неизвестнаго, может приохотить к изделиям и к самому земледелию и выгодам от них снискиваемыми удовлетворять новыя нужды и потребности, с которыми также свободная торговля сделает их знакомыми. Теперь уже весьма приметно, при всем малом со стороны нашей внимании, что люди, улучшившие состояние свое торговыми сношениями и познав некоторые удобства для жизни, делаются привязанными к собственности и переменяют зверский нрав свой и обычай. Желательно было бы, чтобы правительство... могло на некоторое время ограничить, если не совсем уничтожить выгоды, таможенным сбором ему доставляемья, которыя впоследствии щедро вознаграждаются” (46).

Хотя согласно императорскому указу от 30-го мая 1817 г. торг с горскими народами должен был быть беспошлинным (47), этого не происходило и генералу пришлось на протяжении многих лет добиваться отмены таможенных сборов. Сменившему на посту министра финансов графа Гурьева, Е.Ф. Канкрину, Алексей Петрович приводил следующие доводы: “В отношении моем к предместнику в.пр. ... изъяснил я подробно причины побудившия меня дать предписание Дербентской и Кубинской заставам об очистке пошлинами товаров, привозимых туда горскими народами для местной распродажи, не отправляя оных для сего в Бакинскую Таможню.

Последствия сего распоряжения обнаружили ничтожность пошлиннаго сбора, от таковых товаров поступающаго...Принимая в соображение сии обстоятельства...с получением давно ожидаемого мною разрешения в.пр. ... об отмене пошлиннаго сбора с товаров произведе-ния наших провинций, должен уничтожиться совершенно, ибо и горские

народы, в Дагестане обитающие, состоящие в подданстве России и по большей части платящие дань, конечно, имеют на беспошлинную с нами внутреннюю торговлю равное с означенными провинциями право...” (48).

Лишь 24 апреля 1825 г. было, наконец, дано “согласие на установление свободного и беспошлинного торгога с горцами, живущими на северной и южной покатоности Кавказских гор...” (49). Это важное решение командующий предлагал дополнить следующим: “Если правительство убедилось единожды в пользе свободной и беспошлинной торговли с горскими народами, - писал он Канкрину – то, конечно, должно оно стараться устранить и все те меры, которыя, не принося особенной пользы и не быв по самому существу своему необходимыми, могут быть для таковой торговли стеснительными.

К числу подобных мер должно отнести определение для сей торговли особых пунктов, в особенности если пункты сии назначить в тех только местах, где учреждая карантинныя и карантинныя заставы, вообще расположенныя по Кавказской области, по крайней черте нашей границы, весьма естественно, что в сих местах вся торговля с нашей стороны будет производиться немногими только перекупщиками, которые стараюсь вынудить у горцев их товары за низкия цены, а свои продать по слишком высоким отвратят их совершенно от всякого торгога, чему очевидный пример подают уже нынешние меновые дворы, где как обмен, так и продажа горских изделий прекращались почти совершенно.

Итак, по моему мнению, удобнее всего, не назначая для торгога с горскими народами постоянных пунктов, позволять им по карантинном очищении на общих правилах, продавать свои продукты везде, где пожелают...” (50). Но данное предложение Ермолова не было поддержано правительством, и меновые дворы продолжали существовать. И, тем не менее, торговые связи, возникшие между русскими и горцами Центрального и Северо-Восточного Кавказа и отчасти поощряемые Ермоловым, дали свои плоды. Они затрудняли распространение воинственного

мюридизма среди жителей кавказских гор. В качестве примера можно привести слова Кази-Мухаммеда к населению аула Унцукуль, которое противилось принятию нового учения: “Я знаю, что многие из вас в душе не сочувствуют нам. Вам по-прежнему хотелось бы сбывать русским чабу и яблоки”(51).

Важное значение в развитии торговли имели российские города и укрепления на Северном Кавказе. Иностранцы путешественники, современники событий, замечали что: “...где бы русские не ставили форт, всюду сотни татар стягиваются к нему и располагаются кругом в маленьких селениях. Эта добровольная тяга, ставящая их в неподозрительный, и, следовательно, дружественный контакт с европейцами, значительно помогла цивилизации этой ветви татарской расы...” (52). Города “оказывали определенное воздействие на развитие окружающего населения, способствовали исчезновению первоначальной местной ограниченности, сохранению и дальнейшему развитию производительных сил” (53). Торговля в городах не прекращалась даже в разгар военных действий. Например, во время волнений в Чечне в 1825 г. оттуда было вывезено в Кизляр “фруктов на сумму 6387 рублей. В этом же году купцами из Чечни в Кизляр было доставлено 1015 пудов свежего винограда на сумму 2030 руб., дуль (груш) свежих 221 пуд, яблок свежих 209 пудов, гранатов свежих 3000 штук на сумму 90 руб., айвы 5 мешков стоимостью 22 рубля”(54).

Возникшая как средство военной блокады крепость Грозная, при поддержке Ермолова стала использоваться и как торговый центр, куда чеченцы привозили свои товары для мены. В секретном предписании генерал-майору Лаптеву, 1 мая 1826 г. Ермолов говорил: “Надобно стараться сблизить Чеченцев частым их обращением с Русскими. Начальнику войск на Линии предпишу я об учреждении торгов в кр. Грозной и для опыта учредить меновой двор. Распоряжение сие неприменно привлечет Чеченцев, коих некоторыя изделия, нужныя нашим Линейным казакам, будут вымениваемы... прикажите выстроить несколько не-

больших лавок, которые в пользу роты женатых солдат отдавать в наем желающим торговать мелочными товарами. Таковых отыщется немало число между Армянами. Дам я предписание о построении мечети, где богослужение могут отправлять поочередно в торговые дни муллы из деревень, расположенных по левому берегу Сунжи, более уже имеющих к нам привычки” (55). Данный пример является ярким свидетельством того, насколько эволюционировал А.П. Ермолов в своих замыслах по “изменению” чеченцев. События 1825 г. показали, что только угрозами и военными акциями достичь желаемого невозможно и генерал усиливает свое внимание к мирным методам. Но история уже не оставила ему времени для нового политического курса, который столь существенно отличался от его ранних взглядов.

Несколько отличался подход русского командования к торговым сношениям с закубанскими народами. В отличии от своих восточных соседей, юридически входивших в состав Российской империи, закубанцы считались подданными Турции. Впрочем, сами они, “...почитали султана своим духовным главою, но светской власти его не признавали, и отнюдь не позволяли ему вмешиваться в их внутренния дела“(56). Свободное передвижение их по российской территории, пусть и с торговыми целями, рассматривалось кавказским начальством, как угроза спокойствию на границе. Поэтому Ермолов стремился ограничить контакты живущих по обе стороны Кубани людей, тем самым, затрудняя горским лазутчикам возможность выяснять уязвимые места русской обороны. В своем приказе от 5 декабря 1822 г., он писал: “ ...вымен из Закубани хлеба и дров, пропуск за Кубань и оттоль на нашу сторону, промышленников, естли под сим разумеются торгующие со стороны нашей и живущие за Кубанью армяне, я разрешаю, но за последними иметь строгий надзор... Казаков же и вообще русских за Кубань и из Закубани тамошних жителей внутрь кордона, ни под каким видом первых не пропускать, а последних не принимать” (57).

Назначенный Ермоловым командовать в Черномории генерал-майор Власов, со своей стороны следил, чтобы контакты в приграничной зоне были сведены к минимуму. Так, на запрос Черноморской канцелярии о том, можно ли производить мену в местах предлагаемых закубанской стороной (58), Власов отвечал: "...меновых дворов и без учреждения новых довольно; но прибыли Войску от них совсем ничего нет. И как правила изложенныя мною нащот меновых дворов, которые предложены были от меня суждению и Войсковой канцелярии, я представил на благоразсмотрение Его Высокопревосходительству Господину Корпусному командиру...Ермолову и если для каждого аула из угождения их прихотей и корыстолюбивых видов князей и дворян, учреждать особые меновые дворы, можно не только покрыть ими весь правый берег, но даже придет во ослабление кордонная стража..." (59).

Подобные опасения русского командования были по-своему оправданы, т.к. официальная переписка того периода дает нам примеры, когда под личиной купцов, нередко в русские пределы проникали грабители. "Закубанцы...под видом мены хлеба на соль намериваются причинить нам злодеяние. Вчера на Екатеринодарском меновом дворе, виделся с приверженным к нам дворянином Чатагооком, который обещался представить к Великолагерному посту брата своего Ногая и с ним трех черкес и показать Вам их для того, чтобы они были известны и одни только доставляли для мены хлеб, в предупреждении неприятных для нас случаев. Почему, когда явится к Вам с оными Чатагоок, извольте хорошо заметить всех их как по виду так и по платью, дабы когда доставлять будут хлеб для мены Вы совершенно могли знать как и производили таковую мену с ними с строгою нашею воинскую осторожностью. Впрочем, кроме их отнюдь ни с какими черкесами таковой не иметь" (60). Данное предписание начальнику Великолагерного поста есаулу Белому, как нельзя лучше иллюстрирует тогдашнюю обстановку, царящую на границе. Эти, пусть вынужденные шаги по ограничению торговли, вели к монополизации ее в руках немногих закубанских владельцев и

сокращали возможность остальным, наладить взаимовыгодные экономические контакты с российской стороной. Впрочем, это не означало, что ермоловская администрация ни шла, ни на какие уступки просьбам со стороны горцев. Например, когда закубанский владелец Цахализ предложил “менять свои продукты на соль”, пообещав при этом “защищать одну треть границы в пределах его владений от набегов враждебных русским горцев и отвечать за все украденное хищниками на русской стороне по стоимости”, Ермолов пошел ему на встречу и 10 февраля 1820 г. “разрешил устроить...Александровский или Малолагерный меновой двор” в месте удобном для закубанцев (61).

Как писал один из современников, закубанцы “...приверженнее к России, нежели к Оттоманской Порте: ибо Россия снабжает их разными необходимыми произведениями, а особливо солью” (62). Следует отметить, что торговля с горцами порой выручала и русское командование из весьма сложных ситуаций. В самом начале 1822 г. Ермолов в письме к другу, говорил следующее: “Неурожай двухлетний, паче же нынешняго года, поставил нас в затруднительное положение и если бы не...горские жители (речь о закубанцах – Авт.)...дали нам хлеб, я не знал бы, что делать с войском” (63).

10 октября 1821 г. Александр I утвердил “Правила для торговых сношений с черкесами и абазинцами”. Таким образом, была предпринята попытка “смягчить суровость нравов” жителей Северо-Западного Кавказа “и положить конец неприязненным их действиям к нарушению тишины на Кубанских пределах наших” (64). Данный вопрос был поднят летом 1819 г. на заседаниях Комитета министров и после предварительного обсуждения подан на рассмотрение государю. Согласно “Правилам”, в Керчи и Бугазе открывались торговые пункты, где горцы могли произведения своей земли обменивать на российские товары. К числу горских товаров, допускаемых к беспошлинной мены, относились: “Само всякое, воск, мед, масло коровье, невыделанные сырые и сухие кожи, лошади и всякий другой скот, звери всякие, мягкая рухлядь, лес всякаго

рода: корабельный и строевой, дерево всякое, бурки, фрукты всякие, свежие и сушеные, овощи всякия, кукуруза, пшено всякое, хлеб всякий, птицы всякия, пух всякий, конский волос, шерсть овечья, коровья и верблюжья, лавровый лист, рогожи, всякий тростник, рога всех животных и табак курительный” (65). В §4 оговаривалось, что к вывозу из России не допускались золотые, серебряные, медные и бумажные деньги, а также холодное и огнестрельное оружие, порох и свинец. Наблюдать за исполнением правил назначался специальный чиновник “в звании попечителя торговли с Черкесами и Абазинцами, с нужным числом помощников...” (66). Этим попечителем стал Рафаэль Августинович Скасси, числившийся за Министерством иностранных дел.

Кандидатура Скасси была выбрана неслучайно. Этот российский коммерсант генуэзского происхождения, еще в 1811 г. начал налаживать торговые контакты с горцами северо-восточного побережья Черного моря. В этом он нашел поддержку у коменданта Анапы, генерал-майора Бухгольца и Херсонского военного губернатора Ришелье. Не прекратил он свою деятельность и когда Черноморское побережье, вновь, по условиям Бухарестского трактата 1812 г. отошло к Порте. В 1816 г. он обращается к Александру I с запиской, в которой излагает свое мнение на развитие торговых сношений с горцами и добивается признания у императора. У нового Херсонского военного губернатора, Ланжерона. Скасси тоже находит поддержку в своих начинаниях (67). К 1821 г. предприимчивый генуэзец, по словам министра иностранных дел Нессельроде, имел “...хотя небольшие, но удовлетворительные успехи...” (68).

С 1822 г. попечительство начинает работу. С ведома Скасси, флотские офицеры братья Огненовичи, а так же торговые агенты, хорунжий Касий и купец Карл Мольфино, действуют на Черноморском побережье и даже проникают вглубь горских земель (69). Однако надежды на то, что российские купцы поддержат новый государственный проект, не оправдались. “Русская буржуазия в Причерноморье и Приазовье была тогда очень слаба. К освоению кавказских рынков русские ма-

нуфактуристы центрального промышленного района приступили с другой стороны, используя старинный и более удобный торговый путь по Волге и Каспийскому морю...”. На зов Скасси откликнулись “...по преимуществу небогатые крымские торговцы, а то и вовсе случайные люди, мечтавшие о легкой наживе” (70). Но даже в такой ситуации были достигнуты определенные успехи. С 1823 г. и до начала русско-турецкой войны 1828-1829 гг., морем было ввезено в Черкесию и Абхазию товаров на сумму 51705 р., а вывезено на 93842 р. Прибрежные жители получили от России 159,3 тыс. пудов соли (71). Впрочем, для сравнения следует сказать, что на содержание штата чиновников, “...толмачей, канцелярские расходы, разъезды и на угощение приезжающих горских князей и старейшин...”, государство затрачивало 7100 р. ежегодно (72), а “общая ус. сумма расходов Скасси по устройению в Пшаде достигала суммы 157721 руб.” (73). При этом главная торговля с горцами производилась в Анапе но здесь господствовали турки, французы, голландцы и генуэзцы, а “Русские торговцы почти никогда не обращались в сие место” (74).

В своем отношении к генералу Ермолову, в феврале 1822 г. Нессельроде просил относительно Скасси, “...не оставлять его руководством вашим и всеми наставлениями, могущими споспешествовать вернейшему достижению предположенной цели...” (75). Со своей стороны Алексей Петрович обещал “содействовать ...Скасси всеми зависящими...средствами” (76), и отдал приказ генерал-майору Власову, командовавшему в этот период в Черномории, принять меры “дабы со стороны тамошняго Войска оказываемы были...Скасси во всех случаях...всевозможные содействия” (77). Это впрочем, не означало, что Ермолов разделял взгляды Скасси на его новое предприятие. В ответном послании к Нессельроде, генерал писал: “Нельзя не быть исполненным уважения к великодушному намерению правительства распространить торговья сношения с горскими Закубанскими народами и, смягчить суровость их; между тем, вразумив в выгоде связей с нами, уменьшить ис-

ключительное на них влияние Порты и, наконец, между полудикими сими народами ввести просвещение. Но превосходная сия теория чрезвычайно неудобна в приложении, если не совсем невозможна. Не под невежественным правительством мусульманским, враждующим всякому просвещению, может водвориться оное! Произведения земли горских народов ничтожны и торговли нашей обогащать не в состоянии...”. Действия агентов Скасси, Алексей Петрович также называл “ничтожными”, а о самом попечителе писал, что “...он едва поверхностный имеет сведения о здешней стране” (78). Разрекламированные Скасси его сношения с Абхазией и коммерческая деятельность там, по словам Ермолова “...состояли в одних хвастливых рассказах...” (79). На его складах, вместо пользующихся у горцев спросом товаров, не было ничего, кроме “съеденного ржавчиною железного лома” (80).

Следует отметить, что Ермолов, может быть из-за личной неприязни, несколько сгущает краски, недооценивая значение меновой торговли, ее влияние на горцев. Еще в 1816 г., тайный советник Италинский в письме к генерал-майору Дельпоццо писал: “На сих днях получил я от него письмо (от Анапского паши – Авт.), в котором он по глупости своей весьма ясно открыл мне, что успех трудов его в возмущении против нас тамошних горских народов крайне затрудняется производимою с нашей стороны дачею соли оным народам...” (81). Вполне вероятно, что Ермолова задевал сам подход Скасси по отношению к горцам. Если генерал во главу политики ставил угрозы и военные акции, то купец упор делал на торговлю. Он утверждал, что: “Причины настроенности черкесов, их ненависти против России таковы: 1. Дурное поведение запорожских казаков и других чиновников правительства против них. 2. Следствие внутренних войн. 3. Пророчество, существующее между ними, якобы они должны быть погублены Россией. 4. Подстрекательство турок. 5. Надежда захватить пленников... Одна лишь торговля может искоренить эти предрассудки” (82). Осознавая, что его план не срабатывает, Алексей Петрович с явным раздражением воспринимал генуэзца, который пере-

хватил у него идею по расширению мирных контактов с аборигенами на коммерческой основе. Ведь к этой мысли генерал постепенно приходил и сам. Но вместе с тем, командующий был прав, когда усомнился в возможности исполнения столь оторванного от суровых жизненных реалий плана. Остановить черкесские набеги только путем торговых операций и мирных уговоров не удавалось. “Черкесы, конечно, охотно торговали, еще охотнее ездили в гости к де Скасси, живали у него десятками по несколько дней, принимали подарки и охотно давали, пока были на правом берегу Кубани, всякие обещания... “Мирные” черкесы, пользуясь свободным доступом на русскую сторону, высматривали расположение кордонной стражи и с наступлением ночи отправлялись за добычей; в этих набегах принимали деятельное участие и недавние гости дипломата, и были случаи, что горца, которого утром угощал и одаривал де Скасси, вечером захватывали на хищничестве с его подарками” (83). К схожим выводам пришел и Ф.А. Щербина: “Мирные по названию черкесы всегда были сторонниками немирных единоплеменников и поддерживали их при набегах. Роль самого де-Скасси свелась к тому, что он, раздавши массу подарков горцам и истративши на это значительные суммы казенных денег, в замен не получил ничего реального, кроме обещаний горцев жить в мире с Черноморским войском, которых они забывали, как только переходили через Кубань. Единственное, что де-Скасси сделал для казаков – это выкуп пленных, но это черноморцы умело устраивали и без де-Скасси” (84). Кроме того, сам генуэзец, порой заботился не столько о государственном благе, сколько о пользе своего кошелька. Он выступал инициатором запрета армянским купцам быть посредниками в торговле между горцами и русскими. По его словам, армянские торговцы: “...суть главныя пружина сих (черкесских – Авт.) набегов и от того, что они всегда стараются, дабы Черкесы не показывались на границах наших, дабы выменять у них те произведения, которых они могли-бы на границе променять по ценам гораздо выгоднейшим...” (85). Таким образом, он стремился отделаться от конкурентов и стать

монополистом в торговом обмене. Но генерал Ермолов категорически отверг предложения Скасси и в письме к Нессельроде так объяснил свою позицию: "...горцы быв вообще недоверчивы, ленивы и без всякаго образования, надолго еще останутся в невежестве и сами собою без участия Армян не приступят ни к каким торговым сношениям с Русскими; Армяне-же, напротив, как умный и предприимчивый народ, причувши горцев с давних времен все произведения земли сбывать посредством их, не оставили и ныне употребить всех средств к удержанию за собой сей единственной их, можно сказать, промышленности. Успех их в том не подвержен никакому сомнению, ибо нет почти ни одного в горах селения, в котором не находились-бы несколько Армянских семей, занимающихся торговлею и чтобы владельцы тех мест не участвовали во всех с ними оборотах" (86). О том, насколько были связаны представители адыгейской военно-феодальной верхушки с армянскими торговцами, свидетельствует тот факт, что когда в 1819 г. бжедугский владелец Хан-Гирей переселялся на русскую сторону, он пригласил с собою купца Чентамирова, объясняя это необходимостью разобраться в его "коммерческой промышленности" (87). Министр иностранных дел согласился с доводами генерала (88). Между тем, в выводах Ермолова крылась та же ошибка, что и в выводах Скасси. Они оба недооценивали черкесов, как предпринимателей, которые в обход официальным меновым дворам и казенному попечительству, контрабандно, выменивали у российских поселенцев необходимые им вещи (89).

В конечном итоге, попечительство, возглавляемое Скасси, не оправдало тех затрат, которые были в него вложены и прекратило свое существование (практически еще до начала русско-турецкой войны 1828-1829 гг.). Торговля оказалась не в состоянии заставить горцев отказаться от набегов, ради чего в принципе и открывалось попечительство. Что касается экономической прибыли, то по словам А.В. Фадеева: "Русская торговля с горцами на Кубани и на Кавказском побережье не имела необходимых условий для своего развития не только из-за слабости рус-

ского капитала в южных районах, удаленных от центра империи, но и вследствие того, что царизм видел в ней не средство экономического прогресса, а один из рычагов своей завоевательной политики” (90).

Важное место в ермоловской политике занимала борьба с завозом на Кавказ импортных (в первую очередь турецких и персидских) товаров. Если торговля горцев их собственными изделиями и продуктами только приветствовалась, то на пути купцов из Европы, Ирана и Порты русская администрация ставила существенные преграды. “Османские и западноевропейские купцы доставляли в Адыгею в немалом количестве оружие, порох, свинец, серу, железо и сталь. Важное значение для адыгской экономики имел также импорт соли... Определенное место занимал ввоз бумажных и шелковых тканей, шерстяных материй, холста, сафьяна, одеял, ковров, простынь, покрывал, ниток. Из предметов домашнего обихода покупались адыгами кованые сундуки, медные котелки, различные резные вещи, железная и медная кухонная посуда, зеркала, гребенки, мыло. Зажиточные лица приобретали кофе, чай, сахар. Привозились в Адыгею также предметы роскоши, в основном удовлетворявшие потребности феодалов. Местная знать предъявляла спрос на пряности – перец, имбирь и др.” (91). (Подробные сведения о ввозимых в Черкессию товарах можно подчерпнуть в труде М. Пейсонеля (92)). Подобные товары поступали и на Северо-Восточный Кавказ и в Кабарду, но здесь, судя по отчету тифлисской таможни, через которую они отправлялись в российские пределы, преимущественно шли товары из Ирана. В основном это были предметы роскоши (93).

Горские товары российские власти налогом не облагали, считая, что это будет способствовать привлечению жителей Кавказа к мирной деятельности. Но при этом купцы, привозящие заграничные вещи, обязаны были заплатить пошлину, таким образом увеличив стоимость ввозимых изделий (94). Подобная протекционистская политика, по мнению М.В. Покровского, была вызвана недовольством русских купцов “столкнувшихся с серьезной конкуренцией” своих турецких коллег (95). Иран-

ские товары, из-за своей специфичности, были в основном доступны лишь зажиточной части горского общества, но тем не менее, этот вывод можно распространить и на них. Но как нам кажется, главной причиной, побуждавшей Ермолова ограничивать доступ ввозимых вещей, была причина политическая. Вот что писал Алексей Петрович генерал-лейтенанту Канкрину в 1824 г.: "...по политическим-же соображениям я полагал-бы полезным провоз из-за Кубани иностранных товаров, в числе коих по большей части бывают Турецкие изделия, даже запретить совершенно или по крайней мере затруднить сколько можно, дабы не допускать Закубанские народы до большого посредством торговли с Турками сближения" (96).

Среди товаров, с которыми русская администрация беспощадно боролась, были рабы. Как писал Р. Фадеев: "Весь Кавказ обращен был в один невольничий рынок" (97). Основным импортером рабов на Северном Кавказе была Турция (98). Из Анапы и Суджук-кале рабы непрерывным потоком уходили в Стамбул, Румелию, Анатолию. Ежегодный вывоз "живого товара" только из Анапы достигал от 1600 до 5000 человек в год (99). Русские, жители Закавказья, Северного Кавказа не были застрахованы от продажи в неволю. Центры работорговли имелись как на Северо-Западном Кавказе, так и на Северо-Восточном. В их числе особо выделялось селение Эндерей, куда рабов везли из Дагестана, Кабарды, Чечни и других мест. В 1804 г., русское правительство заявило о запрещении работорговли на Кавказе, но реализовать это было крайне сложно. К моменту появления здесь Ермолова, Черноморское побережье не контролировалось Россией. Таким образом, невольничьи рынки Северо-Западного Кавказа, были пока недостижимы для русских властей, но работорговцы центральных и северо-восточных регионов, сполна испытали на себе суровый нрав "проконсула Кавказа". "Даданиурт, Андреевская, окруженная лесом. Там, на базаре, прежде Ермолова выводили на продажу захваченных людей, - ныне самих продавцов вешают", - писал в своих путевых заметках в 1818 г. А.С. Грибоедов (100). Построение

крепости Внезапной, окончательно поставило на Эндерей крест, как на месте торго невольниками. “Недавно еще строгим настоянием моим и усердием определеннаго вновь старшаго владельца прекращен торг невольниками, которые свозились из гор и дорогою весьма ценою продавались в Константинополь. Большая часть таковых были жители Грузии, похищаемые Лезгинами и не мало солдат наших”, - писал в июле 1819 г. Ермолов князю Волконскому (101).

Однако, при всем при этом, Алексей Петрович, по словам знавшего его близко Давыдова Д.В.: “Захватив однажды большое количество пленных Чеченцев, ... выдал лучших пленниц замуж за Имеритян, а прочих продал в горы по рублю серебром” (102). Когда в 1825 г. часть кабардинцев, выступавшая против царских войск, попыталась уйти в Чечню, то Ермолов “разрешил ингушам и осетинам ловить беглецов, обращать их в рабов или продавать, как невольников” (103). Переадресуя и перефразируя известные слова В.И. Ленина о Петре I, можно сказать, что Командующий Отдельным Грузинским (Кавказским) корпусом адаптировавшись под местные условия, боролся с варварством, варварскими методами. Неудивительно поэтому, что ни современники, ни потомки так и не смогли прийти к общим взглядам на личность Ермолова.

Вместе с тем, следует отметить, что торговля играла в политике Ермолова лишь вспомогательную роль. Генерал видел в ней не средство получения прибыли и обогащения, а инструмент давления на горцев. Он приносил ее в жертву военно-политическим задачам. Проводя политику блокады, Алексей Петрович запрещал поддерживать с “немирными” горцами какие-либо торговые связи. 31 марта 1819 г. он отдает приказ захватывать всех жителей Аварского ханства прибывших в город Нуху по торговым делам. При этом их имущество должно было быть конфисковано в пользу казны. Делалось это с целью наказания Султан-Ахмед-хана Аварского, который, по словам Ермолова: “не перестает делать возмущения в Дагестане”. Тогда же аналогичный приказ получает генерал-майор Эристов, командовавший в Кахетии (104). Желая поддержать,

казавшегося Ермолову верным России, Сурхай-бека Аварского, генерал отдает приказ, согласно которому: "...во всех провинциях наших брать под стражу жителей Аварскаго ханства, приезжающих по торговым делам или другим надобностям, если не будут они иметь вида за печатью Сурхай-бека..." (105). Таким способом, писал генерал в рапорте Александру I, удалось привлечь на сторону российского ставленника "большую уже партию и даже людей значущих" (106). Эти шаги предпринимались "для подрыва власти неугодных ханов" и для поощрения лояльных владельцев (107). Подобных мер ермоловская администрация придерживалась весьма строго. Генерал-майор Вельяминов, начальник штаба у командующего, узнав, что аварцы проникают в российские города по торговым надобностям, пользуясь поддержкой акушинцев, пишет Зухум-кади Акушинскому письмо, в котором предупреждает, что: "Если кто-нибудь из непокорных аварцев будет найден в обществе с акушинцами, то как аварцы, так и акушинцы, с коими будут они находиться, будут арестованы и подвергнутся строгому по законам взысканию". Вскоре, (через два дня, 7 июня 1821 г.), управляющему гражданской частью на Кавказе генерал-лейтенанту Вельяминову, также отправляется рапорт, в котором ему предлагается арестовывать всех аварцев и акушинцев, которые не имели бы билетов разрешающих торговлю, скрепленных печатью Сурхай-хана (108). Аналогичные меры были предприняты против Сурхай-хана Казикумухского, которого Ермолов заменил на Аслан-хана Кюринского (109). Не только сами попавшие в немилость народы не могли производить торг с соседями, но и другим жителям Кавказа под страхом "строжайшей ответственности" запрещалось поддерживать с ними контакты (110). Все это весьма болезненно воспринималось горцами, несшими большие убытки (111).

В таких мерах Ермолов не был первооткрывателем. Незадолго до его появления на Кавказе, генерал-майор Дельпоццо приказывал гражданскому губернатору Малинскому: "Обязав всех Андреевских, Аксаевских и Костековских владельцев не иметь ни какого сношения с чечен-

цами, и поступать с ними во всех случаях как с самыми злейшими врагами, не выпуская к ним никаких вещей и продуктов, равно не принимая ничего от них, я покорнейши прошу Ваше превосходительство дать знать всем торгующим Армянам, и Грузинам, чтоб никто не осмеливался так же иметь какое либо с чеченцами сношение, а тем более не доставлять к ним и от них не покупать товаров, ни продуктов под опасением ответственности по законам, на основании коих наказываются имеющие не позволенные сношения с неприятелем. Сверх того я приказал всему Кумыкскому народу такового торговщика, который будет провозить, что либо в Чечню, разграбить все, что при нем будет находиться, а самого представить ко мне, дабы сими мерами принудить зверский чеченский народ к повиновению впредь...” (112). Ермолов взял на вооружение опыт предшественников и применил его в более широких масштабах.

Хотя это, наряду с военными акциями действительно приводило к смене одного владельца другим, но набеги горцев не прекращались, а казавшаяся верной “ханско-бекская и родоплеменная знать столь же легко принимала на себя обязательства о прекращении набегов, сколь и нарушала их” (113).

Какие бы суровые меры не предпринимал “проконсул Кавказа”, горцы в тех условиях не могли изменить свое мировоззрение, которое закономерно вытекало из уровня их социально-экономического развития (114). Кавказская война была неизбежной, и, казалось бы, логичные действия Ермолова по ее предотвращению, лишь приближали ее начало.

Ермоловская администрация несмотря на то, что рассматривала торговлю лишь как вспомогательное средство по умиротворению Кавказа, объективно сыграла положительную роль в ее налаживании и развитии. Торговые контакты выставлялись как альтернатива набегам и преподносились горцам в качестве награды за их лояльное поведение. Установлившаяся военная блокада не была постоянной и сразу же отменялась, как только горцы давали клятву не совершать хищничества, а их

неудобный русской власти владеец заменялся другим. Со временем приемники ермоловской политики, с помощью, в том числе и подобных мер, выбьют социальную опору у имама Шамиля и завершат т.н. “Кавказскую войну”.

§ 3. Хозяйственное освоение Северного Кавказа.

Прочность освоения северокавказских земель зависела от того, насколько успешно будет проходить экономическое развитие этой территории. Проекты изменения нравов воинственных горцев, только тогда переставали быть утопичными, когда подкреплялись реальной возможностью русских колонистов предложить своим соседям какой-либо нужный им товар. Да и сама колонизация имела шанс на успех только в том случае, если переселенцы обеспечивали себя необходимыми товарами, выгода от продажи которых, позволила бы им обеспечить себя нужными вещами. В изучаемый период истории Северного Кавказа основой экономического благополучия русского населения этого региона были земледелие, скотоводство, виноделие, рыболовство, сбор марены, шелководство, добыча нефти, садоводство и огородничество. Все это определило развитие и соответствующих отраслей обрабатывающей промышленности, таких как кожевенное, полотняное, спиртокурительное, суконное и т.п. производств. В Кизляре к моменту приезда Ермолова на Кавказ насчитывалось 40 различных заводов и фабрик, в Моздоке 16 (115). “Необходимость сбыта своей продукции и получения денег стала их естественной потребностью. И если крестьяне и горские народы еще могли в какой-то степени обходиться возможностями своего, подчас натурального хозяйства, то казаки Кавказского линейного и Черноморского войск вынуждены были все время изыскивать средства для покупки привозных товаров, обязательных для снаряжения казака на службу” (116). Ермоловская администрация, так или иначе, не могла не коснуться

проблемы развития данных отраслей, т.к. видела в их процветании залог будущего благополучия края. С этой точки зрения весьма показательны шаги генерала, направленные на улучшение ситуации в местном виноделии.

Главным поставщиком виноградного вина, водки и спирта во времена Ермолова оставался Кизлярский уезд. По свидетельству очевидцев Кизлярский уезд походил на огромный виноградный сад раскинувшийся “до самых песчаных бурунов” (117). Это и не удивительно, т.к. виноградарство и виноделие составляли основу экономики терского казачества (118). Еще в 1750-х годах вышедшие из Персии армяне “достали из Дербента, из гор и других мест лозы и кусты лучшаго винограда и насадили их в Кизляре. Успех оправдал ожидания. Вскоре последовали тому и другие жители, а в 1770-х годах выделка вина увеличилась до того, что начали его вывозить на распродажу в Астрахань и другия места” (119). Уже в начале XIX в. из Кавказской губернии вывозилось каждый год 80 тыс. ведер виноградного спирта, 40 тыс. ведер кизлярской водки (120). Как писал один из современников: “Виноградный Кизлярский спирт...ежегодно отправляется сухим путем и водою на Макарьевскую ярмонку, в обе столицы, в Ригу и во все города Российские” (121). Однако ситуация для местных виноделов существенно ухудшилась, после того, как 2 апреля 1817 г. был принят указ о питейном сборе, согласно которому каждое ведро водки облагалось акцизным налогом в размере 6 рублей. В своем рапорте в Сенат 31 января 1819 г. Ермолов писал, что от вновь принятых мер, конечно “казна в первый год получит несравненно большия выгоды противу тех, которыя имела она донныне от сей промышленности; но будет-ли сие продолжительно и столь усиленные меры не послужат-ли легчайшим способом к совершенному истреблению того, что в течении стольких лет с таким попечением, трудами и неимоверными издержками доведено было до настоящего положения?” Разведение винограда в кизлярских условиях было связано с массой сложностей. Заморозки, засуха, наводнения – все эти природные катак-

лизмы “в один раз могут лишить хозяина не только ожидаемых им выгод, но и совершенно уничтожить как многолетние его труды и весь капитал на сие им употребленный...” (122). И если в других винодельческих регионах природные условия не могли повлиять на изготовление спиртных напитков, т.к. они приготавливались из сухих фруктов зачастую ввозимых из-за границы, то благополучие кизлярцев полностью зависело от воли случая. Главнокомандующий подчеркивал, “что умножение Кизлярских водок, по мнению моему, нахожу для правительства гораздо выгоднейшим противу прочих, приготавливаемых из материалов выписываемых из-за границы, на покупку которых Россия обязана терять весьма значительные капиталы...” (123).

Прежде всего, благодаря заступничеству Ермолова, акцизный сбор был снижен до 2-х рублей. Значительно позднее, когда генерал покинет Кавказ, его хлопоты о льготах кизлярских винных производителей будут отчасти забыты, следствием чего, явиться заметный спад в развитии виноградарства в Кизляре к концу 30-х годов XIX в. (124).

Для торговцев кизлярской водкой, было весьма обременительно ограничение, согласно которому, они должны были “Назначить заблаговременно, в каком именно месте намереваются они продать принадлежащую им водку. После такового объявления дается им билет, где означено место, ими для продажи определенное...” В других местах вести торговлю воспрещалось, что приносило порой большие убытки. Главнокомандующий “исходатайствовал в 1818 году новый устав по сему предмету, и тем часть сих отягощений уничтожил...” (125).

Забота Ермолова о виноделах не ограничивалась лишь попытками смягчить налоговый сбор и облегчить реализацию товара. Много внимания он уделял мероприятиям, направленным на борьбу с разливами Терека, которые несли неисчислимые бедствия кизлярцам. Хотя средства на укрепления берегов выделялись еще с 1811 г., но проводимые мероприятия не носили систематического характера и потому не давали желаемых результатов. А между тем, только с 1816 по 1821 г. на

эти цели было затрачено 106938 рублей 6 копеек. Ермолов решает покончить с подобным неэффективным расходованием казенных сил и средств. В своем послании к министру финансов графу Гурьеву, 10 марта 1823 г. главнокомандующий изложил свой взгляд на решение кизлярской проблемы: “Первейшие и богатые из жителей по убеждению начальства приемлют на себя произвести несколько водоотводных крыльев или дамб, по распоряжению чиновника путей сообщения назначаемых...остальные затем места падают на закупку материалов; самыя-же гидравлическия работы производит бедный класс жителей натурою.

Из всех средств, какия могли быть придуманы для приведения повинности сей, стоящей всегда одним больших издержек, а другим чувствительных трудов, в обязанность уравнительную, так чтобы она, падая на избытки, не могла быть столько тягостною, наконец предложено им от меня составить денежный капитал, отделяя от сего в течение нескольких лет вместо акциза...определенную часть от количества выделываемых виноградных водок и вина и капитал сей, обращая в пользу самих-же садоводцев из выручаемых от того процентов, исправлять береговые укрепления наймом рабочих” (126). Кроме этого предлагалось открыть “в сем городе особенную контору на правах, коммерческому банку присвоенных” (127). В этой конторе находились бы деньги предназначенные для ремонтно-восстановительных работ, причем часть из этой суммы, как говорилось в “Записке о виноделии в Кизляре”, нужно было пустить на “ссуды, в нужных случаях делаемя за умеренные проценты”. Это позволило бы подкрепить “труды и промышленность наиболее небогатых граждан и наконец, самые закоснелые в Азиатских предразсудках скоро познают благодетельное попечение правительства об их пользах” (128). Для кизлярцев это было особенно важно, т.к. “здесь трудно иметь на заем денег: люди состоятельные оборачивают их в торговлю, либо потребляют в раздачу за полгода вперед бедным садоводцам под будущий урожай винограда и сим средством приобретают от 20-ти до 30-ти процентов и всегда без риска” (129).

О внимании к проблеме с разливами при Алексее Петровиче ярко свидетельствует рост трудозатрат на укрепление берегов Терека, когда сумма денежной повинности, которая в 1818 г. оценивалась в 1118 рублей, к 1825 г. увеличилась до 19117 рублей (130).

Но, увы, и эти замыслы командующего в конечном итоге не имели успеха. Разлив реки 1837 г. уничтожил все труды строителей, а созданный “специальный комитет по улучшению садоводства и укреплению берегов Терека...превратился в обычную ссудную контору для откупщиков-монополистов и также не сыграл заметной роли в развитии виноградарства” (131). Впрочем, винить генерала в этом нельзя, как управляющий краем он сделал все, что мог. И поэтому неудивительно, что “наивысшего уровня спиртокурение Кизляра и его округа достигло в 20-х гг.” (132). По данным 1828 г. в Кизлярском округе вырабатывалось 237686 ведер виноградной водки на сумму 2066316 рублей (133). Еще в 1805 г. в Кизляре было создано Кавказское казенное училище виноделия. Оно имело опытные участки, на которых выращивало различные сорта винограда, садовые, огороднические культуры, образцами которых снабжало желающих (134). Это было особенно важно, потому что кизлярцы не уделяли должного внимания выращиванию высокосортных виноградных лоз, а это снижало качество производимого ими вина. Между тем, в ермоловский период складываются предпосылки для быстрого развития виноградарства в Ставропольском уезде, которое вскоре начинает успешно конкурировать с кизлярскими виноделами. В этом заслуга одного из сподвижников и подчиненных Ермолова – А.Ф. Реброва (135), которого Алексей Петрович характеризовал, как человека “весьма умного” (136).

Показательным является отношение Ермолова к замыслу разрешить “кизлярским Армянам, имеющим садоводство и шелководство...покупать к сим заведениям крестьян и владеть ими...” Он категорически заявляет о своем несогласии, а вместо этого предлагает “выкупать от Чеченцев и других горских народов пленных и употреблять их к об-

рабатыванию своих садов и шелководства с заслугою положенных лет... Таким образом участь сих несчастных весьма облегчена, а между тем и Кизлярское Армянское общество, судя по невероятной теперь дороговизне в найме для обрабатывания садов вольнорабочих, найдет для себя важныя выгоды в употреблении выкупленных ими пленных для своих хозяйственных заведений” (137). Решалось сразу несколько важных задач: освобождались пленники без затраты для казны, владельцы садов получали временную рабочую силу на выгодных для себя условиях, причем работники не попадали под крепостную зависимость.

Проявляя себя рачительным хозяином, Ермолов выступал против непродуманных решений, которые могли, по его мнению, привести к неоправданным финансовым затратам. Так, поддерживая кизлярцев, он резко выступил против строительства винокуренного завода по производству хлебной водки под Ставрополем. “В губернии, подобной Кавказской, которая не в состоянии собственным производением хлеба про довольствовать войск, расположенных для защиты оной от хищных соседей...где не только строевой, но и дровяной лес, столь необходимый для удовлетворения крайних нужд как обывателей, так и войск, находится в безмерном оскудении...винокуренный завод, в коем хлеб и дрова составляют первейшия надобности, едва-ли может приносить существенную государственную пользу...” писал Ермолов в 1818 г. графу Гурьеву (138). Действительно, ситуация с зерном на Кавказской линии, пока не позволяла заниматься казалось бы выгодным алкогольным промыслом (139). Несмотря на то, что посеы зерновых культур из года в год увеличивались (140), площадь освоенных земель, даже к середине XIX в. составляла лишь 1/13 от всей территории края (141). И хотя Ермолов, скорее всего, сгущает краски, занижая количество зерна, которое могли предоставить хлеборобы на продажу, в отношении винокуренного завода он прав, тем более что соседняя Черномория в этот период была в основном потребителем хлеба, который закупала даже у горцев (142). По словам И.Д. Попко, “хлебопашество Черноморского края составляет

для народа предмет насущного только труда, а не богатства и даже не довольства. Оно чуждо всякаго полеводнаго порядка и не всегда достаточно для пропитания местного народонаселения. Привоз хлеба из Ставропольской губернии обратился в существенную потребность.... Для продовольствия казаков на линии и в войсковом гарнизоне, хлеб закупается за пределами войсковой земли, чаще всего в Воронеже” (143). Да и на линии посевы зерновых культур были незначительны, и местное русское население нуждалось в покупном хлебе (144). Ситуация осложнялась невысоким уровнем агрокультуры терских казаков, считавших к примеру, что унавоживание почвы пагубно влияет на урожай и применявших переложную систему земледелия (145). Настораживал генерала и предыдущий 1817 г., который был крайне неблагоприятным для хлеборобов (146). И хотя постепенно, по мере колонизации края, ситуация нормализовывалась, расширялись посевы различных культур, в том числе и сорочинского пшена (риса), тем не менее, можно прийти к выводу, что русское население края в ермоловский период управления Кавказом, не могло обеспечить необходимым количеством зерна даже себя, не говоря уже о горцах, а это делало планы умиротворения с помощью торговли нереальными.

Уже с конца XVIII-начала XIX вв., Северный Кавказ был местом развитого экстенсивного скотоводства, которое играло важную роль в жизни местных народов. “Скот являлся главным товаром, поступавшим во внутренние губернии империи из предкавказских степей” (147). Для ногайцев, калмыков, туркменов скотоводство было основой экономического благополучия. Русское население приграничной линии, также уделяло много внимания развитию данной отрасли, используя при этом опыт своих кавказских земляков и соседей. Недаром сенатор Д. Мертвый, ревизовавший в 1818 г. Кавказскую губернию, назвал ее “хутором России, где плодятся и возвращаются лошади, быки и овцы для потребности ее...” (148).

Вместе с тем, следует отметить, что развитие животноводства тормозил целый ряд факторов. Практически не строились укрытия для скота, отсутствовала ветеринарная служба, не было практики заготовки кормов на зиму. Все это приводило к эпизоотии и массовому падежу (149).

Большое внимание уделялось коневодству, которое носило табунный характер. Потребность местного населения в лошадях, большой спрос со стороны армейских ремонтеров, делало их разведение необычайно выгодным. Поэтому северокавказские помещики, казачья верхушка стремились содержать собственные конные заводы. К моменту появления Ермолова на Кавказе только у дворян Кизлярского уезда было 17 конных заводов, в которых содержалось 2665 лошадей (150). Для улучшения породы скота практиковалось приобретение у горцев их лошадей, считавшихся пригодными для местных условий (151).

Пытались заниматься разведением лошадей и казенные учреждения, впрочем, не всегда удачно. На этот счет показательно распоряжение командующего относительно воинского конского завода в Черномории, который, по словам Ермолова, был в “ничтожном состоянии”, из которого “вывести его невозможно” (152). Согласно предписанию генерала от 4 ноября 1821 г. атаману Матвееву, директор завода был смещен, количество служащих на нем сокращалось и отныне офицер, который должен был управлять им, получал жалованье от выручки “за продаваемых лошадей”, что, безусловно, должно было сделать его отношение к выполняемому труду, более ответственным (153). В качестве альтернативы казенному учреждению, Ермолов похвально отзывался о заводах “у многих чиновников и даже козаков”, чье хозяйство было “гораздо в лучшем содержании” (154). Позднее, приказом от 7 февраля 1822 г., войсковой конский завод был окончательно упразднен, хотя и продолжал существовать еще некоторое время (155).

Довольно широкое распространение в Предкавказье, получило овцеводство. Однако выращивались в основном овцы простых пород,

например “трушнянской”, бывшей “довольно крупной, горбоносой и с курдюком” (156). Тонкорунных же овец-мериносов, брали на себя труд разводить лишь отдельные помещики-энтузиасты, такие как упоминавшийся выше А.Ф. Ребров. Связано это было с огромными трудностями и риском, возникавшим при выращивании этой породы. Ермолов, к примеру, так же считал, что открытый в Черномории овчарный завод, по выращиванию мериносов, себя оправдывать не будет, т.к. овцы этой породы “стоят дорого и присмотр за ним требует особого тщания, паче-же чувствительны убытки в земле, где овцеводство подвержено большим от болезни опустошениям”. Он предлагал со временем “войсковой овчарный завод уничтожить и производить работу сукна из простой шерсти, покупаемой в самой земле Черноморской, а если-бы могло таковой быть недостаточно, то в ближайших местах, где вообще овцеводство во множестве” (157). Таким образом, в данном случае генерал признавал эффективность частных производителей по сравнению с государственным предприятием. Вместе с тем, Ермолов ратовал за сохранение казенной суконной фабрики, которая, по его мнению, обеспечивала Войско Черноморское собственным дешевым сукном. Следует заметить, что если в случае с конным заводом генерал был прав, то относительно овчарного завода и суконной фабрики, он допустил грубый просчет и их дальнейшая судьба, яркое тому свидетельство. В 40-х годах фабрику все-таки закрыли. “Так – по словам Ф.А. Щербины – рухнуло большое войсковое предприятие плохо задуманное и еще плоше выполненное” (158). Вместе с ней прекратил свое существование и овчарный завод, но если фабрика была убыточной, то “овчарный завод сам по себе, без фабрики, был неубыточным предприятием для войска. Для войска...выгоднее было бы...расширить овчарный завод. Который, с малыми расходами на него, давал очень много овечьей шерсти, сбываемой по хорошим ценам, и значительный приплод” (159).

Характеризуя экономическое развитие Северного Кавказа этого периода, следует сказать, что помимо развития земледелия и скотовод-

ства, местное население преимущественно на Тереке, продолжало активно заниматься производством шелка. Хотя его количество по сравнению с привозным, в общегосударственном масштабе, было незначительным, тем не менее, был достигнут определенный успех, шелководство имело перспективу (160). Согласно ведомости за 1815 г. из канцелярии гражданского губернатора Кавказской губернии, в Кизлярском уезде было 269217 шелковичных деревьев и 41600 саженцев. Всего же выделано 26 пудов 99,5 фунтов шелка сырца и 3 пуда 29 фунтов хлопчатого шелка (161).

После перенесения пограничной линии с Терека на Сунжу увеличилось количество добываемой нефти. Рядом с крепостью Грозной были вырыты новые нефтяные колодцы, а добываемая нефть начала развиваться в различные города Предкавказья. В 1823 г. крепостным графини Паниной Василием Дубининым, находящимся в Моздоке, строится аппарат для перегонки нефти, и полученный с его помощью продукт начинает вывозиться на Нижегородскую ярмарку, сбываться горцам (162). Имелись нефтяные колодцы и в Черномории (163).

По-прежнему Северный Кавказ являлся крупным поставщиком корня марены, который в то время был незаменимым красителем для текстильной промышленности (164).

“Освоение природных ресурсов края, развитие земледелия и животноводства, шелководства и виноделия, рост населения, городское и курортное строительство – все это способствовало возникновению в Предкавказье обрабатывающей промышленности...” (165) и ермоловская администрация со своей стороны, по мере возможности, поддерживала данный процесс, хотя и не всегда удачно. Но говорить об экономическом благополучии края в первой трети XIX в. еще не приходилось, ибо основы его только закладывались.

§4. Освоение Кавказских Минеральных вод (КМВ).

Важное значение в ермоловской деятельности имело освоение природных богатств Пятигорья, Кавказских Минеральных вод. Кавказские Минеральные воды известны благодаря своим курортам. Хотя официально курорты были основаны по указу Александра I от 24 апреля 1803 г., но по существу развиваться они начали лишь в годы управления Кавказом А.П. Ермолова. Перед генералом, оценившим значение благодатных мест, стояло множество задач: как обеспечить безопасность приезжающих на лечение, создать им хотя бы некоторые удобства, решить проблему с продовольствием. “Кажется, что отдаление места не столько тому препятствует, как недостаток в жизненных потребностях, в покое и других выгодах, которые для больных составляют первый шаг к выздоровлению”, - сокрушался один из современников тому, что на водах почти не было приезжих (166). Побывавший на водах в 1803 г. писатель и архитектор Н.А. Львов оставил в своем дневнике записи рассказов местных жителей о непростой ситуации в Пятигорье. “Черкес... Такие воры – только бы где лошадь аль корову завидели, то хозяина-то и уходят... мужиков графа В. в куски изрубили... Заехали в деревню, отгоняли уже стада и табуны, но не успели...” (167). Ко времени назначения Ермолова на Кавказ ничего не изменилось. Генерал со свойственной ему решительностью, принялся за преобразования.

В 1818 г. “за укрывательство разбойников Трамова аул неподалеку от Константиногорска отстоявший... разрушен до основания... жителям оного позволено было вывести своих жен и детей” (168). “На этот раз, - писал Ермолов кабардинцам, - ограничиваюсь этим, на будущее же время не дам никакой пощады уличенным разбойникам...” (169). Для непосредственной охраны курортов, по приказу Ермолова, были отобраны все женатые солдаты, из которых сформировали батальон и разместили в Кисловодске. Помимо этого “они были наделены землей, завели огороды, все свои произрастания продавали дорогою ценой посетителям... солдаты развели табуны лошадей, рогатого скота также было до-

вольно. Масло, молоко, все потреблялось посетителями, а главное успокаивало их то, что они могли нанимать у солдат квартиры...” (170). Этим решалось сразу несколько задач, а что немаловажно, не было издержек для казны. “Смотрителем “кислых минеральных вод” до 1824 года состоял воинский начальник кисловодскаго укрепления, командир 3-го баталиона Тенгинского полка... По наступлении курса лечения на минеральных водах, находившаяся здесь рота нашего полка (Тенгинского – Авт.) укомплектовывалась почти вдвое. От нея наряжались нижние чины для исправления полицейских обязанностей, для наблюдения за гостинницею и чистотою ванн и т.п. Когда же больные переезжали из Кисловодска в Железноводск, то рота... конвоировала их в пути и охраняла во время курса лечения” (171).

По ермоловскому приказу казаки Волгского казачьего полка для безопасности курортов основывают, начиная с 1825 г., станции Кисловодскую, Горячеводскую, Ессентукскую, Боргустанскую (172), а казаки Хоперского полка Бекешевскую и Карантинную (позднее Суворовскую) (173). С этой целью в 1823 г. от Волгского полка были назначены депутат и рабочие люди “для нахождения при отряжаемом от оной Комиссии (Комиссия для наделения поселенных на Кавказской Линии казачьих войск землями – Авт.) землемера Смирнова во время нарезок им земли к предполагаемому начальством водворению казачьих станиц: при крепости Константиногорской до 15000 десятин, в таких же количествах при посту Есентуцком, при укреплении Кисловодском, равно и при посту Карантинном на Куме” (174). На протяжении дороги от Горячих вод к Кислым установлены казачьи пикеты. Вот как описал дорогу на Кислые воды побывавший в 1827 г. в этих местах очевидец: “Дорога сюда, идущая вверх течения Подкумка по левому берегу между высоких гор, года за два пред сим подвержена была большой опасности со стороны Горцев, и приезжающие сопровождалась сильным конвоем пехоты при одной пушке; но ныне благодаря действию Российскаго оружия, нет уже надобности в подобных мерах осторожности, и вместо того в назначен-

ные для переездов с одних вод на другие два дни в неделю, выставляется по тракту цепь козаков. Стража сия располагается на высоких и острых, разсеянных возле дороги курганах, в таком разстоянии, что имеет в виду все дистанции от пикета до пикета. Солнечные лучи играют по холмам на светлом оружии и далеко приметный блеск удостоверяет хищников, что здесь готовы для них перуны.

В 10 верстах от Горячеводска недавно поселена большая козачья станица, называемая Исетуцкою, где при переезде чрез речку каждый следующий в Кисловодск обязан предъявить на козачьем посту билет свой” (175).

До Алексея Петровича говорить о каком-то благоустройстве курортов не приходилось. “Приезжающие на Горячие воды должны были квартировать в крепости и каждый день два раза ездить на воды, а за продовольствием посылать в Георгиевск, за тридцать верст. Кто же, за неимением лошадей, ездить на воды не мог, а все-таки хотел пользоваться водами, тот должен был привозить с собой палатку, или строить сарай подле воды и помещаться в оном” (176). Не лучше дела были и на Кислых водах. “Больные приезжавшие пользоваться нарзаном, занимали долину подле источника, оплетенного полусгнившим плетнем, а купались в выкопанной яме, жили же, кто в своих экипажах, кто в сделанных наскоро шалашах” (177).

По указанию Ермолова, уже приблизительно с 1816 г., жители Константиногорской крепости начинают переселяться ближе к водам, положив начало основанию Пятигорска. После лишения Георгиевска в 1822 г. статуса губернского оттуда “большая часть торгового класса переселилась в Пятигорск, находя существенную выгоду в распродаже своих товаров, во время курса, посетителям. Для поддержания возникающего города, из Сарепты вызваны колонисты и расселены в недалеком разстоянии от города” (178). Так же для увеличения населения на водах указом от 15 июня 1819 г. здесь формируется инвалидная команда,

и солдаты, которые уже не могли активно использоваться в строю, своим трудом и охраной курортов продолжали служить Отечеству (179).

Пока не были выстроены первые помещения для приезжающих на воды, широко использовались калмыцкие кибитки, которые, конечно же, были удобнее простых шалашей (180). Будучи в июле 1822 г. в Константиногорске, генерал “осматривал в подробности все источники минеральных вод. Назначил места для казенных строений...” (181). Желая видеть новые курорты благоустроенными, Ермолов стремился привлечь для работ в их обустройстве архитекторов-специалистов, что в условиях тогдашнего Кавказа было довольно трудной задачей. В своем письме к П.А. Кикину от 28 июля 1822 г. он пишет: “...утверждены проекты зданий и для минеральных здешних вод и даже отпущены уже на строение деньги. Но не достает архитектора... возьми на себя труд, пришли с хорошими способностями молодого с академии архитектора и склони г. Кочубея, чтобы его прислали сюда... Вы сами небогаты архитекторами, но здесь не изобретать, а уже предложенное приводить в исполнение нужно. У меня же и таковых нет на Кавказской Линии, а из Грузии, по множеству работ отделить невозможно” (182). Архитекторами И.Ф. Руска, И.Ф. Вильстером, О.И. Шарлеманем были составлены сметы и проекты будущих казенных зданий. При этом Ермолов, досконально вникая в суть предлагаемых строительных проектов, всячески стремился улучшить их, сделать дешевле. Так, архитектору Вильстеру, он писал, что хотел бы “некоторых перемен, соображаясь с теми способами, которые я имею, и желаю, сколько можно, уменьшить издержки из казны” (183). Действовавший по приказу Ермолова генерал-лейтенант Вельяминов, со своей стороны торопил архитекторов, призывая их по возможности убыстрить процесс проектировки и строительства зданий на курортах. Вот что писал он И.Ф. Руско 6 июля 1819 г.: “Во исполнение предписания господина Корпуснаго командира...при коем препровождены план проектированного вами и уже производимаго при Кавказских минеральных водах строений, и смета составленная артиллерии полковником Шевы-

ревым, знающим тамошние цены материалам, я поручаю вам составление проекта прочим строениям, необходимым при Минеральных водах, о которых Его Высокопревосходительство (Ермолов – Авт.) несколько раз с вами объяснялся, и смету оным сделать сообразно ценам, означенным в смете г. полковника Шевырева...

Все сие нужно составить в скорейшем времени, дабы не упускать онаго в заготовлении в нынешнем году материалов и чтобы в будущем году начать производство работ.

Предупреждаю вас что проекты удостоятся Высочайшаго рассмотрения Государя Императора, следовательно должны они быть сделаны с тщанием и точностию.

Прошу вас сколько возможно скорее окончить поручение, ибо необходимо еще пройдет времени пока проекты рассмотрены и утверждены будут, а между тем посетители вод не видя никаких начал, справедливо ропщат, что начальство не обращает ни малейшего на них внимания” (184).

Но по существу архитектурный облик курортов определила деятельность приглашенных в 1822 г. на Кавказские Минеральные воды братьев Бернардацци, швейцарцев на русской службе (185). Их рекомендовал Ермолову министр внутренних дел В.П. Кочубей как людей, имеющих опыт и разбирающихся в архитектуре. Еще в мае 1822 г. Алексей Петрович предлагал “составить комитет”, который бы осуществлял контроль за строительством и расходом средств на курортах (186), и в 1823 г. утверждается “Строительная комиссия при Кавказских Минеральных водах с обязанностями составления проектов и руководства сооружением зданий” (187). Бернардацци входят в состав комиссии, в распоряжение которой из Москвы направляется «военно-рабочая рота из 250 солдат» (188). В 1819 г. на Горячих водах по указанию командующего начинает строиться “деревянное здание на каменном фундаменте о 6-ти ваннах, с двумя каменными бассейнами для накопления и охлаждения минеральной воды” получившее название Ермоловских

ванн (189) (просуществовало до 1877 г.), а к нему Бернардацци добавили ресторацию (1824-1826 гг.) и здание Николаевских ванн (1826-1831 гг.). На Кислых водах по проекту братьев в 1823-1825 гг. построили дом для благородного собрания, а также ресторацию с гротом внизу (190). Была проведена дорога до Горячих вод. Становятся доступны посетителям Железные воды. Западнее открытого Ф.И. Гаазом в 1810 г. источника в 1819 г. по приказу генерала строится дом для приезжающих. Рядом с выходом для минеральной воды устраивается купальня и “несколько деревянных балаганов для солдат, составляющих военное прикрытие...” (191). (По данным Ю.А. Прокопенко строительство было начато не в 1819 г., а в 1821 г., что на наш взгляд более соответствует действительности) (192). Для безопасности основан также казачий кордон, который был расположен у западной подошвы Железной горы. В 1823 г. начато строительство дороги до Горячих вод через шотландскую колонию Каррас, что позволило существенно сократить расстояние. В 1823-1824 гг. выстроена новая гостиница и сооружены купальни при источниках № 1 и № 2.

В будущих городах-курортах Ермолов требовал проводить регулярную застройку. Так, при строительстве Пятигорска он просил Кавказского губернатора М.Л. Малинского, чтобы “места для казенных...предполагаемых строений” не занимались частной (партикулярной) застройкой (193). “На плане местоположения Горячих Вод назначить линии улиц и места для строений казенных и частных,...означа каждое №№ и приложка к тому ведомость домам по ныне устроенным с означением количества под каждым квадратных сажен, а чтобы хозяева домов лучше знали линии улиц и по неведению их не застраивали, поставить вехи, кварталы же разбив для признаков вместо кольев положить по углам большие камни” (194).

В целях сбережения строительного леса Ермолов издает следующий приказ: “Для произведения при Кавказских Минеральных водах...казенных зданий, возтребуется надобность в достаточном количе-

стве лесных материалов и дров для выжежки извести и кирпича, кои всегда удобнее получать из лесов оставшихся около Бештовых гор. Ваше высочородие (Кавказский гражданский губернатор – Авт.) прикажите пресечь отпуска из сего леса на дрова и прочее не токмо частным людям, но и командам военным, пока удовлетворена будет главная потребность для зданий при водах.

Мелкий лес растущий около горы Машухи надлежит так же для будущего времени сберечь от изстребления, как равно и по речке Есентуку и Киркилям” (195).

В 1823 г. на отведенном по указанию Ермолова участке земли помещик А.Ф. Ребров разводит сад, тем самым, положив начало Кисловодскому парку (196). В 1825 г. разбивается лечебный парк у Железной горы. Все это делается с учетом садово-паркового искусства того времени.

Нелегко давались эти успехи. В своих мемуарах А.П. Ермолов вспоминал ситуацию, сложившуюся в 1824 г. на водах: “В непродолжительное пребывание мое сего года на кавказской линии осмотрел я строящиеся казенные здания на Минеральных водах. Нет ни малейшего хозяйства в приуготовлении нужных материалов, ничто не доставляется в потребное время”(197).

В 1823 г. на воды приехал профессор медико-хирургической академии А.П. Нелюбин, который провел исследование местных, уже известных источников и открыл ряд новых (198). В это же время здесь плодотворно работал Ф.П. Конради, которого ермоловским приказом от 28 октября 1824 г. назначают главным доктором на курортах (199). Нехватка врачей на Кавказе требовала от находящихся на водах медиков напряженного ритма работы. Им приходилось не только лечить приезжающих на курорты, но и помогать местным жителям области. Об этом свидетельствует предписание генерала Ермолова Кавказскому областному вице-губернатору от 28 октября 1824 г.: “...определенные к Кавказским Минеральным водам врачи по окончании курса лечения были

препоручены распоряжениям Кавказской врачебной Управы, которая одного из них назначит для пособия жителям селений находящихся в окрестностях вод и посетителям которые будут там оставаться на зиму, а другого будет употреблять для могущих встретиться по области надобностей” (200). Следует отметить, что медицинская сторона дела оставляла желать лучшего. Вот что писали о состоянии аптек на водах: “аптеки сии не только не имеют приличного вида, но даже и лекарства находятся там разбросаны полу в кульках и бумажках без всякого порядка...” (201). Со своей стороны генерал старался исправить сложившуюся ситуацию. Учитывая нехватку лекарств, он предлагал: “иметь при аптеке если не лабораторию, то по крайней мере очаг для варения декоктов...” (202).

Новые лечебные места корпусный командир рассматривал не просто как место отдыха для российской элиты, им задумывался госпитальный комплекс, где “израненный солдат, возобновивший силы на продолжение верной Отечеству службы, благодарить будет за попечение о нем” (203). И действительно в дальнейшем, курорты долгое время играли роль “лечебницы Кавказской армии” (204). Генерал одним из первых понял, “что эти воды имеют не только местное значение, но громадное общественное для всей России, а не для одного лишь Кавказа” (205). Ермолову удалось добиться в 1822 г. ассигнования на развитие Минеральных вод в размере 550 тысяч рублей, но этих денег было слишком мало, и генерал жертвовал на строительство собственные скромные средства (206).

О популярности курортов свидетельствуют слова А.Ф. Конради, который утверждал, говоря о приезжающих на лечение, что “никогда нет недостатка в оных” (207). Лечебницы Пятигорья рекомендовались служащими на Кавказе офицерами своим друзьям в России (208). Даже императрица Елизавета Алексеевна собиралась приехать “к минеральным здешним водам” (209).

“С возрастанием государственного значения КМВ Ермолов возбуждал в марте 1827 г. вопрос о преобразовании Горячеводского селения в город окружного значения и предложил составить план и сметы для будущего города на указанном месте” (210). Но в этом же месяце, генерал вынужден был подать в отставку и навсегда покинул Кавказ. А 14 мая 1830 г. возникший, благодаря его заботам город, получил статус окружного и наименование Пятигорск (211).

Курорты при Кавказских Минеральных водах со временем превратились в одни из лучших в России. Вложенные в их развитие средства вернулись в казну сторицей, а здоровье тысяч людей, поправленное здесь, нельзя измерить никакими деньгами. И во многом это заслуга, как показано выше, А.П. Ермолова.

Подводя краткий итог хозяйственной деятельности генерала Ермолова и его администрации, приведем слова Д.В. Давыдова, в которых он высказывает свое мнение об административной деятельности Алексея Петровича в целом: “Не имея ни опытности, ни специальных по этой части сведений, Ермолов, не взирая на замечательную заботливость о благоденствии вверенного ему края, не мог однако быть ему полезен в той мере, как бы он того желал. Алексей Петрович, вполне сознававший в себе недостаток сведений и опытности...скромно относил все сделанное в гражданском отношении во время своего правления краем лишь советам и деятельности некоторых отличных чиновников, коими он успел себя окружить. Хотя беспокойства в Дагестане, Чечне и других областях отрывали часто Ермолова от гражданских занятий, но нельзя, без явного нарушения справедливости, не сказать, что его девятилетняя административная деятельность, при всех ее несовершенствах и больших недостатках, была благотворна для Кавказского края...” (212). Эти слова, как нам кажется, можно отнести и к экономической политике генерала.

Глава 3. АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЕРМОЛОВСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.

§1. Преобразования в Кавказской губернии.

Активизация российской политики на Северном Кавказе при Ермолове не могла не коснуться и судебно-административных преобразований, которые явственно показали возросшее влияние империи в этом регионе. Все проводимые мероприятия были направлены на упрочение здесь позиций России и на скорейшее вращение этой окраины в общегосударственный организм.

Кавказская губерния, которая была подчинена Ермолову, своим появлением обязана указу Екатерины II от 5 мая 1785 г. об образовании Кавказского наместничества (губернии). В состав наместничества входили Кавказская и Астраханская области с центром в Екатеринограде (1). При этом Кавказская губерния подразделялась на 6 уездов. Власть в губернии находилась в руках гражданской и военной администрации, причем при обострении обстановки власть последней возрастала. После вступления на престол Павла I, Кавказская губерния переименовывается в Астраханскую, а ее центром становится город Астрахань, но ненадолго. В ноябре 1802 г., по указу Александра I возникают Астраханская и Кавказская губернии подчинявшиеся главнокомандующему в Грузии и Главному инспектору Кавказской линии. Обе губернии разделяли русла Кумы и Маньча. На западе Кавказская губерния граничила с Черноморией, на востоке доходила до Каспийского моря, на северо-западе примыкала к землям донских казаков, а южная граница шла по кордонной линии. Центром губернии стал город Георгиевск. Она подразделялась на пять уездов: Кизлярский, Моздокский, Георгиевский, Александровский

и Ставропольский. К моменту основания губернии в ней насчитывалось 31579 человек мужского пола (2).

В 1816 г. в “Записке” на имя Александра 1, Ермолов высказался за необходимость изменений в управлении Кавказом (3). В ней он подверг анализу инструкции данные в свое время генералу Кноррингу и князю Цицианову и пришел к выводу о необходимости увеличить права главноуправляющего на Кавказе с целью сделать его работу более эффективной. “Им был даже составлен проект этой реорганизации, который предусматривал, главным образом, расширение его собственных прав, а также изменение в системе соподчинения кавказских институтов управления центральным правительственным органам” (4). Все кадровые перемещения, “все новые постановления и законоположения, касавшиеся территорий, попадавших в сферу его административной деятельности”, должны были, согласно проекта, предварительно с ним согласовываться. Контроль за действиями генерала могли осуществлять лишь император, Правительствующий Сенат и министры. Ограничивалась возможность проведения ревизий, а сам Ермолов получал известную финансовую самостоятельность. Он мог заключать сделки превышающие 10 тыс. рублей (5). Однако в Петербурге предложения А.П. Ермолова были отвергнуты. Это мотивировалось возможностью “снизить ответственность главноуправляющего перед правительством”. Согласно императорскому указу от 20 июля 1816 г. Ермолову запрещалось “самостоятельно предпринимать какие-либо меры, направленные на изменение административной системы, сложившейся к этому времени на Кавказе”, но позволялось вносить предложения по этому поводу правительству, если он считал, что такие изменения необходимы (6).

В 1818 г. с целью ревизии Кавказскую губернию посетили сенаторы Гермес и Мертвый. Последний, в своем аналитическом отчете пришел к выводу, что необходимо: “Переименовать губернию в звание области. Учредя все судебныя и правительственныя места в Ставрополе, яко единственном месте, на город похожем, и который всегда будет цен-

тром торговли и лучшим для жительства людей” (7). В этой связи по императорскому указу Ермолову было предложено составить проект административного переустройства губернии. В своем отношении от 21 марта 1821 г. к графу Кочубею он высказывался за преобразование губернии в область, т.к. количество жителей не позволяло считать ее таковой. Как и сенатор Мертвый, А.П. Ермолов в качестве областного города предпочел Ставрополь Георгиевску, который “по неудобности и нездоровому климату” должен был остаться уездным центром. Да и то лишь до того времени, “как достаточно умножится население при Кавказских минеральных водах”. Учитывая особое положение новой области, ее приграничный характер, а следовательно “безпрерывной почти связи дел гражданских с военными”, предполагалось руководство ею отдать в руки командиру Кавказской Линии, который в свою очередь должен был подчиняться главноуправляющему в Грузии и губернии Астраханской. Правительство области должно было делиться на три департамента: исполнительный, казенный и судный.

В рассматриваемый период на территории губернии существовало пять городов: Ставрополь, Георгиевск, Моздок, Кизляр и Александров. Последний, “по невыгодности его положения вообще и по уважению малаго числа в оном жителей, к гражданскому ведомству принадлежащих”, было предложено ликвидировать, присоединя земли этого уезда к Ставропольскому и Георгиевскому.

Учитывая, “что нравы и образ жизни людей в Кавказской губернии обитающих, имеют более нужды в простом полицейском надзоре, нежели в судебных установлениях”, Ермолов высказывался за уничтожение существующих в уездах земских судов и предлагал вместо них образовать окружные управы “под непосредственною зависимостью в Ставрополе и Георгиевске особенных окружных начальников, а в Кизляре и Моздоке тамошних комендантов”, которые должны были управлять “городом на праве земскаго исправника”(8).

Проект Ермолова был передан в Сибирский комитет уже накопивший опыт при составлении “Учреждения для управления Сибирью” и знакомый “со спецификой управления национальными окраинами России” (9). Учитывая ермоловские предложения и внося некоторые дополнения, 24 июля 1822 г. вышел указ Александра I Правительствующему Сенату о преобразовании Кавказской губернии в область (10). Сенат указом от 10 августа 1822 г. поручил генералу привести данный план в исполнение. 29 августа 1822 г., в своем предписании генерал-майору Сталю, Ермолов отдал приказ выполнить постановление правительства (11). К моменту основания области численность населения достигла 122500 человек (12).

Перевод административных учреждений из Георгиевска в Ставрополь затруднялся вследствие неподготовленности последнего разместить у себя областные структуры. Окончательное перемещение центра области произошло лишь в октябре 1824 г. (13). Да и то, возможно это стало лишь после личного письма Ермолова императору, в котором он описал бедственное положение государственных чиновников в Георгиевске, которых буквально косили болезни (14). В Ставрополе, временные областные присутственные места вынуждены были размещаться в наемных домах, пока не были выстроены специальные здания. Что касается Георгиевска, то он, по словам очевидца, и позднее никак не вписывался в представление об административном центре. Вот, что писал один из путешественников в 1827 г.: “Напрасно я искал здесь чегонибудь похожего на Губернские города России! Ветхие небольшие домики, соломенные кровли, плетневые заборы и пустота на улицах стараются казаться уверить, что это деревня; но проезжий знает, что он в Георгиевске, ищет городских признаков и находит в одной стороне площадь с деревянною церковью и несколько казенных каменных флигелей, а в другой цейхгауз, казармы и земляную с глубоким рвом крепость” (15). Указом Николая I от 6 февраля 1827 г. и окружной центр также планировалось перенести из Георгиевска в город “при Минеральных Водах” (16),

что позднее и произошло. Тогда же вышли в свет специальные правила по управлению Кавказской областью, которые гласили: “1. Кавказская область учреждается в пределах бывшей Кавказской Губернии. Все земли, в сих пределах содержащиеся, делятся на четыре округа. 2. К Кавказской области причисляются земли войска Черноморскаго. 3. Местное Управление Области имеет четыре степени: 1) Управление Главное, 2) Управление Областное, 3) Управление Окружное, 4) Управление волостное. 4. Кавказская область состоит под одним Главным Управлением с Грузиею. 5. Областное управление учреждается в городе Ставрополе. 6. Окружные Управления учреждаются в городах: Ставрополе, Георгиевске, Моздоке и Кизляре. Земли войска Черноморскаго управляются по особым правилам, для них существующим. 7. Волостное Управление учреждается по особому росписанию, утвержденному Главным Управлением” (17).

Среди обязанностей начальника области, являвшегося одновременно командиром войск на Кавказской Линии, “находились дела, касавшиеся благоустройства живших на Линии казаков и представителей кавказских народов и учреждение карантинных. Часть “залинейных инородцев” (“по усмотрению главноуправляющего”) была определена в его управление. В их числе оказались народы Центрального Кавказа: осетины, кабардинцы, ингуши и чеченцы” (18). Для их управления назначались специальные представители от царской администрации.

Проведенные изменения более соответствовали сложившейся ситуации и отражали специфику северокавказского региона. Они свидетельствовали, что Кавказская Линия “перестала играть роль границы между Кавказской областью и территориями, занимаемыми горским населением” (19), постепенно вставляемыми в единый общегосударственный организм.

§2. Административно-судебные преобразования горских народов.

“Общая реорганизация административного аппарата на Северном Кавказе после указа 1822 года захватила и народы Центрального Кавказа, управление которым осуществлялось с Кавказской Линии” (20). В цитируемом уже послании к графу Кочубею от 26 марта 1821 г. Ермолов писал, “что Кабардинцы и других наименований горцы, за Терекон живущие”, до сих пор оказывают сопротивление русским войскам и их “усмирение...доселе составляет главнейшую заботливость местного начальства”. Естественно, что в таких условиях “никакое гражданское управление не сильно будет удерживать их в пределах надлежащего повиновения и тишины”, а потому он предлагал оставить их в ведомстве военном и в случае совершения уголовных преступлений подвергать “суду военному”. Что касается разбора всех остальных дел, то они должны были “разбираться на основе древних их обычаев и законов”. Для живущих по левую сторону Терека и Малки, как “Азиятцев всякого рода...равно как и для русских”, планировалось вместо Верхнего Пограничного суда и уездных судов учредить в каждом областном городе суд окружной “под председательством окружных судей как из чиновников от короны, так и от каждого сословия, Русских и Азиятцев” (21). В императорском указе от 10 августа 1822 г. по этому поводу говорилось: “Залинейным народам, оставляя их под управлением военным, предоставить в делах тяжёбных разбираться на основании прежних их обычаев, и где удобно, под наблюдением особенно определяемых чиновников; в уголовных же преступлениях подвергать военному суду” (22). Следует отметить, что подобная практика для Ермолова была не нова. Он уже имел опыт реорганизации при управлении горскими народами, в частности в Осетии.

СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ. В начале XIX в. российскому управлению по существу подчинялись лишь моздокские осетины. Царские власти, контролируя новые ингушские и осетинские селения, находящиеся на Владикавказской равнине и по реке Сунже, а так же тагаурцев, вместе с тем не вмешивались во внутреннее их управление, а ограничивались лишь надзором за ними. При этом местные жители, переселявшиеся на равнину, сами просили прислать к ним русского офицера с казаками для их защиты от возможных притеснений. Как равнинные, так и горные районы Осетии находились в ведении владикавказского коменданта (23). Приступая к административному переустройству Осетии, Ермолов прекрасно осознавал ее стратегическое значение для российской власти на Кавказе и хотел таким образом осуществить “план политического освоения этого района” (24). Проезжая в 1816 г. через станицу Екатериноградскую, генерал получил от местных жителей жалобу “на разныя обиды делаемяя им от осетинцов вблизи живущих”. Разобравшись в ситуации, 4 ноября того же года он предложил “учредить у них род волостнаго правления из старшин и других людей пользующихся от народа уважением”. В задачу правления входило разбирать ссоры между осетинами, распределять между ними повинности, а так же “наблюдать за точным исполнением всего, что от правительства будет предписано”. К осетинам предполагалось приставить военного чиновника, находящегося в подчинении командующему на Кавказской Линии. В круг его обязанностей входило “неослабное наблюдение, как затем, чтоб осетины жили спокойно, не делали никаких обид и грабежей своим соседям, так и затем, чтоб старшины при разбирательствах осетин не делали того, что могло бы быть противно общему устройству”. Гражданское правительство обязано было во всех случаях действовать через него, и не могло “приступать ни к удовлетворению обид наносимых осетинами окрестным жителям, ни к производству следствий по делам даже уголовным. Во всяком случае земская полиция должна относиться к нему, а он уж сам должен делать надлежащее разбирательство и удовлетворение, из-

ключая важнейших преступлений”. Вводя такое управление, генерал рассчитывал, что осетины получат навыки повиновения властям “и достигнут нечувствительным образом давно желаемого ограничения в их своевольствах” (25). Знаменателен тот факт, что избираемые на должность старшины, не обязательно должны были принадлежать к “знатым” фамилиям. “Можно сказать, что эта мера была вызвана стремлением Ермолова приобрести поддержку возможно более широких масс осетин и ограничить права и власть феодальной прослойки” (26). Генералу Дельпоццо было предложено назначить для выполнения задания офицера, снабдив его соответствующей инструкцией (27). Как доносил 6 марта 1817 г. Дельпоццо в Кавказское губернское правление “к заведыванию осетинами жительствовавшими в Черноярском и Новоосетинском селении, назначен мною Волгскаго казачьего полка есаул Нырков, который и снабжен от меня надлежащею к руководствованию инструкциею” (28). Ермолов замыслил так же привлечь со временем осетин к военной службе. “Прошу не упустить из виду приуготовить Осетин самым осторожным образом к тому, чтобы со временем составить из них некоторое ополчение первоначально для внутренней стражи, дабы испытать их способность, а потом для охранения кордона”, - писал командующий Дельпоццо 4 ноября 1816 г. (29).

Таким образом, генералом был сделан первый шаг на пути административного подчинения Осетии, который пока не предполагал “активного вмешательства администрации во внутренние дела населения” (30). Характерным не только для Осетии, но и для всей российской политики на Северном Кавказе этого периода было то, что русский военный чиновник не вмешивался в дела местного самоуправления, если они не затрагивали интересов империи. “На Северном Кавказе с его многоязычным составом населения, натуральным хозяйством, различиями в религии требовалась большая постепенность при введении новой административной системы” и ермоловская администрация это отлично осознавала (31).

В 1818 г. осетины начинают нести дорожную и подводную повинность, что являлось новшеством для местного населения, которое раньше выполняло их лишь в качестве наказания. Отсутствие четко определенных границ повинности создавало широкие возможности для злоупотреблений, ложилось тяжелым бременем на плечи осетинского крестьянства (32).

По мере выселения осетин с гор на плоскость, назрела необходимость их административного устройства на равнине. По указанию генерала, как временную меру их причислили: выходцев из Дигорского ущелья – начальнику в Кабарде, а тагаурцев, куртатинцев и пришедших из Алагирского ущелья, к владикавказскому коменданту. Используя опыт Временного кабардинского суда, во Владикавказе в 1828 г. для осетин и ингушей открылся Владикавказский инородный суд (33), но к этому времени Ермолов уже выехал с Кавказа и участия в его создании не принимал.

ЧЕЧНЯ и ИНГУШЕТИЯ. В 1818 г. в чеченские деревни, расположенные по правобережью Терека, был назначен пристав. Тогда же, приставское правление вводилось у “назрановских ингушей” (34) к которым был назначен майор Циклауров. Первым приставом у чеченцев стал есаул Артамон Лазаревич Чернов, личность незаурядная и противоречивая. Он был известен тем, что вызволил из плена множество русских людей, подвергая “себя очевидной опасности в потере жизни”. В 1810 г. Чернов выселил 300 осетин на плоскость и сумел отразить прорыв крупной чеченской партии. За свою бурную жизнь успел повоевать и “на Кавказе и за Кавказом”, за что имел несколько наград. При этом не прочь был поучаствовать в хищничествах и имел широкие связи среди горцев. Когда стал вопрос кого назначить на должность пристава, полковник Греков и гребенской атаман Зачетов стали ходатайствовать за Артамона Лазаревича. Ермолов первоначально высказал сомнение в пригодности есаула на эту роль и даже назвал его “мошенником”. Инте-

ресны доводы, которыми переубеждали генерала: “для укрощения таких мошенников, как сами Чеченцы, именно и нужен Чернов, как человек, изведавший их проделки”. Став приставом, Чернов весьма жестоко начал наводить среди горцев порядок, накладывая за малейшую провинность огромные штрафы и по слухам, даже зарывая непокорных живыми в землю. Как пристав, он следил за настроением в чеченском обществе, участвовал в разборе вместе с кадием различных бытовых ссор и вербовал среди горцев сторонников русской власти. После назначения пристава, сразу же стало очевидно, что российская система судопроизводства, обращение по инстанциям, неприемлемы для чеченцев привыкшим к быстрому словесному суду. Все это, в не последнюю очередь привело к вооруженному выступлению горцев Чечни против царской власти в 1825 г. Сам Чернов не дожил до этих событий, скоропостижно скончавшись в начале этого года (35).

Встал вопрос о назначении нового пристава, на должность которого первоначально наметили кандидатуру подпоручика Медведева, до того бывшего приставом у едисанских ногайцев (36). Медведев уже сдал дела (37), когда пришло известие, что вместо Чернова чеченцами будет управлять моздокского казачьего полка сотник Золотарев (38). Для него генерал-майором Грековым, 26 марта 1825 г. были присланы специальные наставления, обговаривающие его права и обязанности. Согласно им, пристав обязан был “через преданных ему людей и переводчиков” собирать сведения “обо всем что происходит в народе”. Таких преданных людей следовало привязывать к себе “ласками и поощрениями”. Регулярно проезжать по деревням и разбирать “жалобы народа и распри их”, не забывая агитировать при этом “о прекращении воровства, о повинности начальству, и об охранении от хищников своих земель”. Золотарев должен был наблюдать за назначением деревенской администрации, избираемой народом, и участвовать в судебных разбирательствах. Внимательно следить и даже “знать лично избранных в деревнях муллов, и о их поведении”, т.к. те имели огромное влияние на народ.

Строго учитывалось число домов, а также количество “конных и с арбами, равно не имеющих ни того, ни другого”. Проводя политику привлечения горцев к военной службе, царская администрация ставила в обязанность своему приставу “Наблюдать, чтобы все зажиточные чеченцы имели непременно лошадей ибо, чтобы избежать сей службы многие с намерением збывают лошадей и потом не покупают их”, а “ежели кто при вызове конницы или других нарядов отстанет умышленно от своих товарищей, такового наказывать плетью, или наряжать без очереди в караул на определенное время”. Должна была проводиться через родственников агитация по переселению “деревень по Сунже и за Сунжею лежащих на Терек”. Лиц склонных к воровству следовало отдавать благонадежным родственникам на поруки, а за кражи и незначительные проступки наказывать плетью. В случае серьезного правонарушения виновного следовало отсылать в Наур. Где его судьба должна была решаться вышестоящим начальством (39).

В 1826 г. Ермолов огласит специальные правила для “чеченского народа” в которых будут указаны права и обязанности, как чеченцев, так и кавказской администрации (40).

Позднее, в 1828 г. грековские наставления приставу будут несколько дополнены и переработаны (41), а 16 января 1828 г. откроется Чеченский суд, правила для которого впитают в себя опыт, наработанный ермоловской администрацией (42).

ДАГЕСТАН. Своеобразна политика Ермолова в отношении административно-судебного переустройства Дагестана. Здесь вмешательство генерала и его администрации ограничивалось в основном сменой неугодных ханов, беков и кадиев на более лояльных и присоединением одних территориальных единиц к другим. Кроме того, практиковалось назначение в то или иное владение представителя от военной власти в качестве высшей инстанции, которая играла впрочем, в основном роль

наблюдателя и лишь, в крайнем случае, вмешивалась во внутренние дела дагестанцев.

Сохранившему верность царской власти во время волнений в Дагестане в 1818 г. Мегди-шамхалу тарковскому, Ермолов 21 ноября того же года писал: “присоединяя к владениям вашим, в полное ваше управление, имения изгнанных мною изменников: Султан-Ахмед-хана Аварского, брата его Джунгутайского бека Гасан-хана, и Гирея, состоящее в селениях: Параул, Кака-Шура, Дургели и Казанищи с окрестными деревнями. ... Селения сии отдаются вашему превосходительству за верность, собственно лицом вашим оказанную, а потому наследникам вашим могут принадлежать не иначе, разве Государь Император соизволит дать на то подтверждение” (43). Тогда же, из селений Большой Дженгутай, Малый Дженгутай, Дуранги было образовано “особое приставство, над которым поставлен был сперва один из шамхальских чиновников, а потом русский офицер, - войсковой старшина Яков Батырев; но как изгнанные владетель мехтулинский и хан аварский постоянно подстрекали жителей к беспорядкам и, наконец...пристав Батырев был убит...а восстановление на прочных основаниях нашего управления в этой части края представляло много затруднений, то по ходатайству Мехти-Шамхала за детей Гасан-Хана, умершего в изгнании, вскоре после умерщвления пристава Батырева, генерал Ермолов дозволил детям Гасан-Хана, Ахмед-Хану и Али-Султану, явиться с повинною” (44).

В Табасаране, делившемся на северный, управлявшийся кадием, и южный – майсумом, в 1815 г. прежние владельцы за антирусские выступления были отстранены от власти и управление перешло в руки коменданта (45). В 1819 г. Мадатов действовавший в Табасаране и изгнавший оттуда Абдул-бека эрсинского, взял с местных жителей клятву, что они обязуются “быть верными, преданными и покорными подданными...Российскаго Падишаха... повиноваться Его главнокомандующему, генералам, начальникам и комендантам... В случае, если кто либо покусится на вред владениям, принадлежащим Г.И. ...и захочет пройти чрез

нашу землю, мы должны собраться и общими силами вступить с ним в борьбу... Если через нас произойдет какой ущерб в отношении подданных Русского правительства, то мы подвергаемся штрафу” (46). После 1823 г. командование передало управление Табасараном в руки местных беков (47).

В уцмийстве Кайтагском усилиями русских властей в январе 1820 г. прежний владелец Адиль-хан был отстранен от власти и его владения стали управляться беками, “которые находились под наблюдением пристава, имевшего резиденцию в сел. Великент” (48). Подробно обо всех правах и обязанностях бывших подданных Адиль-хана говорилось в обвещении генерала Ермолова от 26 января 1820 г.: “Та часть Каракайтага, которой даровано... покровительство Российского Императора, не может зависеть ни от кого более. Никто из соседственных владельцев и народов не имеет никакого права требовать чего-либо от общества... Если бы кто-нибудь из соседей покусился нарушить чем-нибудь спокойствие народа или обидеть кого-нибудь из частных людей, в таком случае должно искать защиты у Российского в Дагестане начальника... Беспрекословное повиновение установленным властям... поставляется общим правилом...” Что касается доходов ранее принадлежащих уцмию, то они теперь должны были поступать в казну. Если через территорию Кайтага проходили царские войска, то местные жители обязаны были предоставить им квартиры, обеспечить дровами и подводами и помочь в случае необходимости в перевозке тяжестей. Запрещалось давать приют беглым, причем отдельно обговаривалось, что обычай куначества “в сем случае не будет принят в оправдание”. Не разрешалось продавать или покупать российских подданных. Особый интерес вызывает пункт, обговаривающий защиту купцов: “Запрещается грабить на дорогах и в деревнях людей, занимающихся торговлею... Напротив того, общество должно доставлять им возможное со своей стороны пособие”. Такое заострение внимания на данной проблеме не случайно, т.к. царская администрация видела в торговле один из существенных методов взаимоот-

ношений с горцами. (Подробнее см. гл. “Хозяйственно-экономическая деятельность ермоловской администрации на Северном Кавказе”). Лиц, которые выступали против российской власти, само общество должно было выдать “Российскому в Дагестане начальнику”. Управление, как и прежде, осуществляли избираемые народом старшины-кевхи, но их отныне утверждало российское начальство. “Кевхи должны разбирать каждый в своей деревне ссоры и тяжёбые дела, не подлежащие духовному суду. Недовольный решением кевхи предлагает жалобу свою обществу на разсуждение. Недовольный же определением общества жалуется на решение онаго Российскому в Дагестане начальнику”. Полицейские обязанности выполняли чауши, также выбираемые местным населением. Все духовные дела подлежали разбирательству кадием, но касаться других вопросов он не имел права. Запрещалось совершение убийства и воровство, за что предусматривался штраф. “В случаях непредвидимых общество просит разсмотрения Российского в Дагестане начальника...” (49). Похожие правила были учреждены и для Гамри-Юзенского общества (50), которое ранее входило в состав Кайтага, но еще 2 ноября 1818 г. было объявлено “вольным” (51).

1 февраля 1824 г. Ермолов обратился с наставлением к жителям главного селения уцмийства Башлы. В нем говорилось, что “Эмир-Гамза-бек назначается Российским начальством наибом. Он обязан исполнять следующее: наблюдать за спокойствием жителей и верностью их... Чтобы между жителями производились в суде предписанном порядком; в суде избирались старейшины из почтеннейших; доносить, если избранные будут люди неблагонадежные”. Наиб следил, чтобы в Башлах без его ведома и разрешения не селились новые жители. В случае сбора войск он обязан был явиться во главе их на службу. “Наиб в решение дел не входит, штрафов никаких на них налагать не может; доносит если заметит несправедливое действие судей. Людей, изменяющих данной на верность присяге, берет под стражу и доставляет их начальству”. В обязанности наива входило собирать в пользу казны с каж-

дого дома подати. За свой труд он собирал с жителей подать за сбор ма- рены. Ранее, эти средства шли уцмию и население, таким образом, ника- ких новых тягот не испытывало. При этом наibu запрещалось вводить какой-либо новый налог или подать в свою пользу, или налагать на на- селение повинности (52). А вот жители деревень Уцари, Дурья, Шарьи, Чагри, Абдашка, Сана-кара подчинялись непосредственно каракайтаг- скому приставу, хотя “могущие случаться между жителями споры и тяжбы разбирать старшинам деревень и почетным по обычаю; а дела ду- ховные предлагать на разбирательство кадиев”. Т.е. и в этом случае вла- сти стремились не вмешиваться во внутренние дела сельских обществ, а пристав подключался лишь тогда, когда участники тяжбы оставались “недовольные решением старшин или кадиев”. В целом и это постанов- ление вышедшее в сентябре 1824 г. походило на правила разработанные для всех каракайтагцев в 1820 г. (53).

Кюринское ханство, возникшее усилиями царской власти в конце 1811-начале 1812 гг., управлялось Аслан-ханом, обещавшем при вступ- лении на эту должность, что не будет “признавать над собою ни чьей власти, кроме власти русского императора” (54). Эта территория Южно- го Дагестана некогда входила в состав Казикумухского ханства, где пра- вил давний противник России – Сурхай-хан. После его разгрома Мада- товым летом 1820 г., Казикумухское и Кюринское ханства вновь объе- диняются, а поставленный во главе их Аслан-хан дал клятву, что будет не только охранять свои границы, но и придет с войсками на службу по первому требованию российской администрации. Он давал обязательст- ва всячески помогать российским войскам при строительстве дорог и укреплений. Все дела, кроме уголовных, хан должен был разбирать со- гласно местным законам и обычаям, а уголовные преступления перехо- дили в ведение военного коменданта. Оба ханства должны были управ- ляться отдельно и во главе Кюринского Аслан-хан мог поставить либо своего сына, либо любое доверенное лицо. Количество собираемой дани должно было определяться возможностями жителей, что естественно

открывало широкий путь для злоупотреблений (55). Фактически несмотря на декларированную зависимость от российских военных властей, хан оставался бесконтрольным деспотом в своих владениях и мог “увечить” и казнить подданных по собственному усмотрению (56). Тем не менее, царская администрация выиграла от подобного нововведения, т.к. “лакцы во время Кавказской войны почти всегда действовали на стороне России” (57).

Что касается Аварии, то здесь указом Ермолова в 1819 г. власть передавалась Сурхай-хану, но он не имел никакого авторитета в народе и по существу ханством управляла вдова Султан-Ахмет-хана, Баху-бике. Она выставила своего сына, как подлинного владельца, не признавая власти Сурхай-хана (58).

Покоренное вольное Акушинское общество получило вместо прежнего кадия Магомед-кади, отстраненного от власти – Зухум-кадия. Но сколько-нибудь серьезного вмешательства во внутреннее управление обществом не произошло. Вот, что потребовал Ермолов в письме к Зухум-кадию: “сохранить прежний образ управления и прежние обычаи, без всякой перемены. В нуждах Даргинского народа относиться к главнокомандующему в здешнем крае...” Запрещалось иметь связи и давать пристанища врагам России и напротив, бралось обязательство поддерживать дружбу со всеми народами являющимися “подданными Российскому императору”. Вооруженные силы должны были собираться лишь для охраны собственных границ. Строжайше запрещалось участие “в распрях соседственных народов”. Чтобы была гарантия выполнения данных требований, Ермолов обязывал предоставить аманатов. В качестве знака подданства, акушинцы должны были “каждый год в сентябре месяце представлять 2000 баранов” (59).

Таким образом, налицо гибкий подход русских властей в отношении местного самоуправления, когда применялась косвенная система вмешательства в жизнь горцев. Требования ермоловской администрации сводились в основном к запрету антирусских выступлений, а в осталь-

ном сохранялись прежние порядки. Лишь уголовные преступления должны были отныне разбираться царскими чиновниками, но зачастую и это соблюдалось только на бумаге. По существу власть феодальной знати ничем не ограничивалась, что способствовало сохранению произвола в судебных разбирательствах. Накладывались на горцев и довольно обременительные повинности. Это были лишь первые шаги, во время которых осуществлялось подстраивание местных обычаев под российскую законодательную базу. По справедливому замечанию Х.М. Хашаева: “Для политики царизма была характерна поддержка феодального класса и ограничение в правах мусульманского духовенства” (60). Ермолов усматривал опасность в усилении роли кадия, который мог более эффективно, нежели старая родовая знать объединять вокруг себя горцев для борьбы с царской администрацией. Но его разумные на первый взгляд меры по нейтрализации их влияния, не могли иметь успеха, т.к. кадий, а не старейшина был “идеологом классового общества” (61), которое в этот период интенсивно формировалось в некоторых обществах Северного Кавказа. Остановить этот процесс было так же невозможно, как остановить горную лавину сметающую все на своем пути. Кроме того, как писал видный исследователь Кавказа М.М. Ковалевский: “шариатское право является значительным шагом вперед по отношению к праву адатному, а следовательно, и отмена его едва ли может быть признана желательной. То начало родового возмездия в частности, в котором нельзя не видеть ближайший источник междуусобий и постоянную опасность для поддерживаемого нами порядка, находит оправдание себе в адате и, наоборот, обставляется известными условиями и терпит ограничения в шариате. Как ни отлично юридическое сознание шариата от нашего, оно все же стоит к нам ближе адатного” (62).

КАБАРДА и БАЛКАРИЯ. В ермоловский период “происходит активное вмешательство кавказской администрации во внутреннюю жизнь кабардинского общества” (63) и зависимых от кабардинцев бал-

карских обществ. Попытки распространить контроль над Кабардой со стороны российских властей были предприняты еще во второй половине XVIII в. В 1769 г. здесь была введена должность пристава, в обязанность которого входило наблюдать за ситуацией в крае. По мере усиления влияния России на Северном Кавказе, устанавливаются первые административно-судебные институты, такие как родовые суды и расправы в Кабарде и Верхний пограничный суд в Моздоке, открывшиеся в 1793 г. по предложению графа Гудовича. Царские власти забирали в свои руки ведение всех уголовных дел, которые разбирались в Верхнем пограничном суде. В состав судей входили как представители кавказской администрации, так и представители местной верхушки. Что касается разбора гражданских дел, то они находились в ведении судов и расправ. Здесь законодательство базировалось на местных обычаях, и приговор выносился согласно адата. Этот термин являлся «общим названием народных обычаев у всех кавказских горцев... Другое значение адата возводится к суду, или лучше – способам разбирательства судебных дел. В этом смысле адат – “суд по обычаям и обрядам”, противопоставляется по источникам шариату – суду по мусульманским законам” (64). Пограничный суд был высшей инстанцией, куда могло обратиться “все нерусское население Моздока и его окрестностей” (65). Феодалная верхушка видела в этих новшествах покушение на свои права и привилегии. В этом их поддерживало мусульманское духовенство, лишившееся возможности участвовать в суде который отныне не подчинялся шариату. Таким образом, они теряли существенный источник дохода. Не удивительно поэтому, что и знать и духовенство начали активную борьбу за ликвидацию новой судебной системы. Их борьба, а так же войны с Ираном и Турцией, требовавшие обеспечить лояльность Кабарды на время военных действий, заставило царское правительство пойти на ликвидацию родовых судов и расправ. Вместо них открывался духовный суд – мехкеме, где разбор дел проводился согласно шариата. Лишь с началом военной и политической активизации России на Кавказе, выпавшей на

время нахождения здесь А.П. Ермолова, царские власти вновь смогли приступить к распространению на данный регион своих административных институтов.

По приказу генерала вводился пост начальника Кабарды. Им становится полковник Кацарев возглавивший войска, расположенные на только что учрежденной летом 1822 г. Кабардинской Линии. А 29 августа 1822 г., Ермолов в обращении к кабардинскому народу объявляет о создании Временного суда, который должен заменить мехкеме. Отныне: “Все дела гражданския и спорныя между Кабардинцами, равно и претензии на них от людей инородный разбираются и решаются по их древним обычаям и обрядам, приспособляя оные, поколику важность случаев дозволит, к правам Российским”. В то же время, “дела уголовныя разбирательству Суда сего не принадлежат и подвергаются вообще законам и строгости военной. Уголовными преступлениями Кабардинцев почитаются: а) Убийство. б) Измена. в) Возмущение в народе. г) Побег за пределы Линии, с злым намерением. д) Подвод хищников к злодействам и сношениям с ними. е) Набеги в границы Линии, нападения и хищничества в оной. ж) Обнажения оружия в ссорах с причинением ран”. Духовенство лишалось возможности вмешиваться “в разбор дел гражданских” (66). В предписании генерал-майору Сталю от 30 августа 1822 г. Ермолов писал, “что предоставляя весьма в редких случаях разбирательство духовным особам, удаляю я сильное влияние невежественного и большею частью глупаго духовенства, которое доселе, присваивая власть суда единственному своему произволу, было причиною всех в Кабарде неустройств и по озлоблению против христиан не только не воспрещало делаемя ко вреду нашему злодейства, но изощряло на оныя Кабардинцев” (67). Новый суд должен был находиться под контролем начальника Кабарды и располагаться на р. Нальчик. В отличие от ранее существовавших судебных учреждений, его члены не избирались, а назначались российской администрацией. Это впрочем, не делало состав Суда более профессиональным. “В составе суда почти ни одного не

нашлось способного человека. Никто почти из князей, и лучшие непременно, ни читать ни писать не умеют”, - констатировал генерал на страницах своих мемуаров (68). На суд возлагались помимо юридических, еще и административные обязанности. В частности он должен был заниматься сбором информации о повинностях и податях отбываемых в пользу духовенства и владельцев их подвластными, а так же выдавать жителям Кабарды билеты, дающие право выезжать в Кавказскую область (69). Таким образом, “действуя под контролем начальствовавших в Кабарде царских офицеров, Кабардинский временный суд стал фактически в их руках важнейшим исполнительным органом по всем отраслям внутреннего управления Кабардой” (70). С введением Временного кабардинского суда устанавливается военно-административный аппарат управления и происходит окончательное присоединение этих мест к России (71).

Адыгейский историк и этнограф Хан-Гирей (72) в “Записках о Черкессии” оставил подробное описание деятельности суда. “В крепости Нальчике... построен дом, где суд имеет свое заседание, смотря по стечению дел. Здесь производятся дела следующим образом: вовремя заседания имеющие тяжбы допускаются к судьям, по их повелению, глашатаям, находящимся в то время у дверей.

Судьи, выслушав словесные жалобы просителей, их удаляют. Потом приступают к рассмотрению дела, которое решают большинством голосов. Такое решение, по записании письмоводителем в журнал, объявляется надлежащем образом.

Когда же встречаются дела, которых решение требует духовного разбирательства по шариату, то эти дела представляются Кадию, который имеет значительный, во всяком случае, голос в суде.

Для неперемного исполнения со стороны судимых лиц определения суда установлены штрафы, коих взыскание поручается трем младшим князьям, которых должность есть исполнение приказаний, так сказать, распорядительной власти.

Людей, совершивших уголовные преступления, выдают кордонному начальнику в Кабарде... Начальник этот имеет влияние на действие Временного суда. Когда один из двух, имеющих тяжбу, не является к суду, то другой, объявляющий о том Велию, получает печать от сего последнего и с этой печатью он является к противнику от имени Велия, требуя его к суду. Если и тогда тот окажет неповиновение, то подвергается штрафованию 20 рублями серебром.

Телесному наказанию никто не подвергается. Обличенный в воровстве вносит в пеню 30 штук рогатого скота или за каждую (штуку, т.е. голову рогатого скота) по 10 рублей серебром; сверх того удовлетворяет хозяина, у которого учинил воровство.

Мелочные дела часто решаются и дома, представив рассмотрению оных двум или несколькими человеком, которых решение бывает окончательною резолюциею” (73).

Ермоловские реформы встретили серьезное сопротивление со стороны духовенства и знати. Оно выразилось в саботаже членами суда своих обязанностей, в неоднократных просьбах отменить судебные новшества, в побегах за Кубань, нападениях на русские поселения. Обращаясь к кабардинским владельцам и узденям, которые просили вернуть им старые порядки, т.е. суд по шариату, командующий шел на завуалированную угрозу лишить их прав над зависимым сословием, объясняя это тем, что: “Если-же начальство и могло-бы находить выгодным допустить обширнейшее действие шариата, то справедливо было-бы распространить оное на все вообще состояние, т.е. на простолюдинов, из коих не исключаются и собственно владельцам принадлежащие люди.

Одно загрубелое в невежестве духовенство... могло в угождение владельцев и узденей, не заботясь о защите простаго народа, переменять настоящий смысл закона.

Благосостояние всех вообще служит всегдашним попечением правительства и потому, прежде нежели согласиться на исполнение представленного мне прошения, хочу я знать, известно-ли было об оном

простому народу, который по точному смыслу шариата должен был быть свободным и, как все прочие состояния, иметь равное право на справедливость и силу законов”. Уговаривая князей и дворянство, Ермолов говорил, что “Уравнения состояния не может обещать Кабарде спокойствия и порядка. Не желает правительство отнять выгоды у владельцев и узденей, им справедливо принадлежащая, а потому войду я в обстоятельнейшее рассмотрение, как, не допуская решительно излишнего действия шариата, совершенно бесполезного, согласить выгоды владельцев с выгодами простаго народа” (74). Между тем ранее, генерал лишал владельцев их подвластных, если они оказывали сопротивление царским властям. “Владельцы и уздени, остающиеся в горах, лишаются достоинства своего, равно и дети их; лишаются также земель, которыя, без разрешения моего, никем занимаемы быть не могут. Рабы их, которые выбежали, получают вольности” – писал Ермолов 26 июня 1822 г. в обращении к кабардинцам. Это же он подтвердил в новом послании от 1 августа 1822 г.: “Я объявляю всем кабардинцам, и в особенности простому народу, что всех владельцев и узденей, бежавших за Кубань или укрывающихся в горах, как явных изменников своему...Государю... лишаю всех прав и достоинств” (75). Таким образом, Ермолов выступая на стороне то одних, то других социальных слоев кабардинского общества, добивался укрепления здесь российской власти. “Объявив кабардинские земли собственностью царского правительства и определив права и обязанности кабардинцев, царизм закрепил за собой право раздавать по своему усмотрению земли в Кабарде, лишать или, наоборот, присваивать кабардинцам дворянство, регулировать взаимоотношения между владельцами и крепостными” (76).

На протяжении всей своей деятельности на Кавказе вплоть до отставки, генерал следил за деятельностью суда, стремясь то угрозами, то различными льготами заставить его членов выполнять свои обязанности. Замысел суда был настолько удачен, что подобные учреждения стали позднее возникать в Осетии, Ингушетии, Чечне (77). Был найден “ком-

промисс между традиционными правовыми институтами и русским военным судом” (78). Один из преемников А.П. Ермолова, Н.Н. Муравьев, писал ему в феврале 1855 г. из Грозной: “Уже здесь учреждено пять наместов, есть пристава и суд, установленный в подражание вашего кабардинского суда. Я был в Нальчике, где устав ваш и прокламация служат единственным руководством для дел, встречающихся не только между кабардинцами, но даже и между племенами, живущими в горах” (79). Среди его крупных недостатков можно выделить то, что “кабардинские законы и обычаи, как того хотел сам Ермолов, никогда собраны не были. Это давало известный произвол решениям суда” (80). Но вместе с тем, неограниченной власти князей и узденей в Кабарде был положен конец и это, по словам С.Н. Бейтуганова, могло “искупить грехи законодательства Ермолова перед кабардинцами, жизнь и смерть которых всецело зависели от деспотических владельцев” (81). В связи с этим, хотелось бы подвергнуть сомнению вывод Ж.А. Калмыкова гласящий, что введенная А.П. Ермоловым судебная система имела “очень важные отрицательные политические последствия”, т.к. она завершила “процесс ликвидации государственности Кабарды” (82). Возникает вопрос, а была ли эта государственность, в раздираемой феодальными распрями Кабарде? На наш взгляд, меры Ермолова наоборот способствовали консолидации кабардинского общества в рамках Российской империи, т.к. подавляли феодальную раздробленность и произвол. Временный Кабардинский суд “укреплял феодальный порядок, тогда как в Кабарде до этого царил феодальный беспорядок” (83). Временный Кабардинский суд просуществовал до 1858 г., когда он был заменен окружным народным судом.

КАРАЧАЙ. 25 июня 1826 г. была принята присяга карачаевского народа, в которой обговаривались обязанности обеих сторон друг перед другом. Так карачаевцы должны были отказаться от неприязненных действий не только против русских войск, но и “противу замиренных народов” присягнувших российскому императору. Отныне они не долж-

ны были принимать у себя “никого из беглых”, а так же оказывать им какую-либо помощь. Следствием доверия к русской власти, карачаевцы должны были “пасти стада своего скота на низменных местах”, а за это им позволялось производить “покупку в границах России всех необходимых для них припасов и свободную продажу своих изделий” (84).

Таким образом, из текста присяги согласующего взаимоотношения между двумя сторонами видно, что российская администрация, заручившись обещанием карачаевцев не делать враждебных нападений на своих подданных, ни в коей мере не стремилась к вмешательству во внутреннее управление этого народа, и даже не поднимала этого вопроса.

§ 3. Реформа в управлении кочевыми народами (ногайцами).

Будучи, управляющим по гражданской части А.П. Ермолов коснулся и реформирования управления ногайцами, которые обитали в пределах Кавказской области. Здесь, “для деятельности Ермолова, поддерживаемого правительством на Кавказе характерны были два направления: во-первых, попытки искоренить административные злоупотребления, получившие столь широкое распространение; во-вторых, реорганизация управления с целью активного приобщения к Российской империи народов, населяющих этот край” (85). Русская администрация и ранее вносила изменения в управление кочевниками. По словам И. Дебу: “По их переселению внутрь Кордона, народ сей не имел никакого постоянного правления: ибо воля мурз служила единственным законом, котораго опровергнуть невозможно было. Крайность, терпимая сим народом, принудила местное начальство, для собственных его выгод, предпринять нужные к благоденствию онаго меры: и потому учреждены суд и расправа, составленные из одинаковаго числа мурз и народа. Каждая сторона, имея равные голоса, наблюдала свои выгоды; в случае же несогласия

призывались в посредство духовные, как одни из грамотных; они, помня, что по прихоти мурз удалены были от принадлежащей им должности, удерживали перевес над обеими сими сторонами. ... Для уменьшения наглости мурз и облегчения бедности подвластных, избраны были лучшие судьи, коих число против прежняго удвоено; им дано больше уважения и разныя преимущества...” (86). Ермолов решил внести изменения следующим образом. Учитывая, что ногайцы были разделены на две части “из коих одна состоит под управлением ген.-м. Султан-Менгли-Гирея, а другая главного Караногайскаго пристава”, то от этого происходили постоянные злоупотребления, т.к. не имелось четко регламентированных правил в “отправлении повинностей” и одна из частей была отягощена больше другой. Генерал предлагал соединить обе части под одним управлением, с чем и обратился к царю (87). 24 июля 1822 г. последовал императорский рескрипт гласящий: “правление ногайцами соединить в лице одного главного пристава, коего выбор и определение вам предоставляется. Сложить все по сему предмету обязанности с Султан-Менгли-Гирея и нынешняго главного пристава. ... Определить к Ногайцам...потребное число частных приставов по распоряжению вашему. Предоставляется вам снабдить главного и частных приставов для отправления их должностей временным наказом. Об отправлении Ногайцами повинностей возложить на областного начальника при содействии главного пристава составить особеннаго устава и внести оный к вам на утверждение” (88). На основании этого указа Ермолов обратился к министру иностранных дел с просьбой сделать необходимые поручения о передаче всех дел по управлению ногайцами со стороны Азиатского департамента в руки местной администрации (89). На должность главного магометанских народов пристава был назначен надворный советник Балугев. Султан Менгли-гирею за верную службу, помимо уже получаемого пенсионна в 4800 руб., было поручено выделить 5000 десятин земли (90).

Ермоловым были разработаны новые правила управления ногайцами, которые он представил на рассмотрение Николаю I (91). По этим правилам: “Все Магометане разных наименований, в пределах Области кочующие...подчиняются одному Главному Приставу. ...для ближайшего за ними надзора и удобства управления...назначаются пять частных Приставов, состоящих в точной подчиненности Главного. Иностранцы сии могут, буде пожелают для присутствия в Окружных Судах по делам уголовным и тяжёлым между Нагайцами и с посторонними людьми, избирать от каждого ведомства Заседателя... В Каждом Нагайском роде...для наблюдения благочиния и порядка, и для действий по части Полиции, находится один Голова, два Старшины и Казначей... Каждому аулу предоставляется иметь аульного старосту и десятского...”. Для более гибкого учета местной специфики в обязанность Главного пристава входило помимо прочего “собрание сведений о законах и обычаях сих степных народов, расположение оных в приличном порядке, обнародование и охранение”. Администрация в отношении кочевников так же стремилась не вмешиваться без нужды в их самоуправление, но уголовные дела забирала в свое ведение. Неизменной оставалась ермоловская позиция к духовенству, которому запрещалось касаться разбора гражданских дел (92). “Организация приставств объективно имела положительное значение для дальнейшего развития ногайского общества. Она ввела административную определенность, способствовала искоренению родовых и феодальных междоусобиц, постепенно изнутри ломала остатки родовых институтов и представлений” (93).

6 февраля 1827 г. император повелел: “Правила, начертанные вами для...Ногайцев,...должны служить предварительным руководством до того времени, как, удостоверясь опытом в действительной их местной удобности, можно будет по представлению вашему приступить к окончательному их утверждению” (94). Но на это у генерала уже не оставалось времени, ибо 27 марта 1827 г. он был смещен со своего поста. Между тем выработанный на основании ермоловского “Наказа”, “Устав для

управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области”, с небольшими изменениями просуществовал вплоть до 1917 г. (95).

Проводимые административно-судебные реформы ясно показали, что российская власть осознавала специфику северокавказского региона, необходимость иметь здесь особое управление. Определялось это наличием военной обстановки, требовавшей слияния военной и гражданской администрации (96). Как отмечала З.М. Блиева: “Административные мероприятия осуществляемые Ермоловым... были вызваны не только политикой царизма, проводимой на Северном Кавказе. Известное влияние оказало и обострение международной обстановки, в первую очередь противоречия между Россией и Турцией, Россией и Ираном” (97). Следует отметить, что действия властей были довольно корректны и гибки. В этой связи трудно согласиться с С. Эсадзе пришедшим к следующему выводу: “Крупная историческая личность Ермолова омрачается патристическими его предубеждениями. Он поставил себе за правило уничтожать в крае всякую нерусскую национальность и, попирая древние установления, сроднившиеся с чувствами и верою народа, заменять их новыми, поверхностно обдуманнами, чтобы иметь в себе залог прочной будущности. С такими предвзятыми взглядами Ермолов не обращал внимания на то, что собственно он уничтожает и с невероятною легкостью касался предметов, к которым правительство должно приступать всегда с чрезвычайною осторожностью” (98). Напротив, как показано выше, проводимые Ермоловым реформы насколько это возможно учитывали коренные обычаи и традиции северокавказских народов и старались включить их во внедряемую административно-судебную систему.

Глава IV. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЕРМОЛОВСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ.

§1. Переселение на Кавказской Линии.

Проблема заселения северокавказских территорий выходцами из Российской империи была не нова, и ермоловская администрация не первая, кто с ней столкнулся. С самого начала основания Азово-Моздокской кордонной Линии правительство стремилось переселить сюда как казаков, так и крестьян и с их помощью не только укрепить этот стратегический рубеж, но и колонизовать данную территорию. Учитывая беспокойность ситуации на границе, конечно, наиболее подходящим вариантом считались казаки на которых и выпала первая, наиболее трудная задача обоснования на новых землях.

К 1801 г. на Кавказской Линии располагалось “служащих старшин и казаков – 3775, отставных не служащих и малолетков – 3773, а всего – 7548 человек” (1). Учитывая большую протяженность охраняемой границы, от Каспия до Усть-Лабинской крепости, этого было явно недостаточно. Меры, направленные на пополнение их рядов за счет привлечения горских народов в их состав, не могли выправить ситуацию. Необходимо было переводить на линию новые станицы (2).

Ревизовавший Кавказскую губернию в 1818 г. сенатор Д. Мертвый высказывался следующим образом: “Но поелику край сей граничит с народами, хищнически воинственными и находится непрерывно больше или меньше, как то по обстоятельствам случается, в войне оборонительной, то надлежит границу укрепить людьми военными”. При этом он подчеркивал, что если расположить здесь регулярные части, то это дорого обойдется для казны, да и приведенные из северных губерний рекруты зачастую не выдерживают местного климата. Потери в этом случае достигали до половины числа вновь прибывших. Однако, если

они все же принаравнивались к новым условиям, то по истечении около 30 лет оказывались людьми, “суть другой женерации”. Из таких старожилов сенатор и предлагал “составить оплот охранительный, обратя их в состояние казаков”. Они должны были иметь по возможности четкое деление на полки и вообще в плане устройства напоминать регулярные части. В этом случае управлять ими было бы легче, чем просто гражданским населением и “когда-бы таким образом край сей был устроен, то, вероятно, мало-бы понадобилось пехотных полков. Казаки, по древним Российским установлениям, не далее ста верст от домов своих служащие, получают содержание от своих собратий, - следовательно, казна весьма уменьшила-бы расходы” (3).

Еще 6 марта 1817 г. вышел рескрипт императора, повелевающий создать особую комиссию под непосредственным руководством Ермолова. В обязанность этой комиссии входило наделение казаков землей в расчете “для полков, расположенных по правому флангу Линии...на каждую наличную душу...по 30 десятин; чиновникам же их штаб-офицерам по 300, а прочим старшинам по 60 десятин. Что же касается до тех, которые жительствоуют на левом фланге по Тереку...назначить каждому казаку...по 50 десятин, штаб-офицерам их по 400, а прочим старшинам по 100 десятин. Сверх сего количества, для каждого селения тех и других полков, отвесь особю по 30 десятин для разведения лесу, и особю для церквей, где оные имеются, узаконенную пропорцию”. При этом подчеркивалось, чтобы комиссия должна была: “Иметь всевозможное сохранение выгод казенных поселян и азиатских народов, ведущих оседлую и кочевую жизнь, и чтобы те и другие не почувствовали при том никакого стеснения” (4).

6 марта 1819 г. был издан соответствующий указ о наделении линейного казачества землей. В свете этого указа, а так же стремясь укрепить кордонную линию, 11 марта 1821 г. Ермолов обратился к Александру I с рядом конкретных предложений. Он говорил, что хотя граница по Кубани на первый взгляд и кажется прикрытой “военными постами и

9-ю станицами козачьих полков Кавказского и Кубанского до границы Черноморской, но все еще не может считаться совершенно безопасною от покушений хищных соседей на безоружных поселян”. С целью более эффективного противостояния набегам генерал предлагал дополнительно разместить в приграничных районах еще 3 или 4 станицы, начиная “от бывшей кр. св. Николая вниз по Кубани”. Для того чтобы переселение произошло безболезненно для казаков, предполагалось для начала “отделить третью часть из станиц Хоперского полка, Московской и Донской, сделавшихся внутри Линии в расстоянии от 40 до 70-ти верст от границы”. Из станиц Ставропольской, которая страдала от перенаселения, предполагалось “столько семейств переселить на другое место, сколько возможность дозволит”. По мнению Ермолова выходцы из этой станицы должны были разместиться на Кислых водах. В станицу Воронсколесскую, для ее усиления предполагалось переместить часть жителей из станицы Северной, а вблизи соединения рек Танлык и Кума следовало основать новое поселение. В промежутке между Кислыми и Горячими водами намечалось водворение сразу двух станиц, “одной при poste и речке Есентуки, а другой у кр. Константиногорской”. За счет выходцев из станицы Георгиевской следовало основать станицу при Лысогорском посту, а так же выслать до 70 семейств к Бабукову аулу.

В случае принятия его предложений генерал просил “переселяемым на другия места семействам, коих число по времени будет приведено до 1500 домов, делать вспоможения для новаго обзаведения домоводством, где нет близко леса, от 100 до 120-ти р. на каждый двор” (5).

Алексей Петрович, учитывая протяженность кордонной Линии занимаемой Волжским казачьим полком, посчитал целесообразным образовать дополнительную казачью линию от Моздока до станиц Волжского полка, под названием Горский казачий полк (6). Для этого “Волжского полка станицу Екатериноградскую, ...равно станицу Луковскую при Моздоке и Моздокскую горскую команду соединить под одно управление...К сему привосокупить...две Осетинские деревни”. К Гре-

бенскому войску предлагалось “причислить 70 душ Грузин, более 40 лет водворившихся в станице Новогладковской... Кизлярское Терское Войско...быв составлено большею частью из выкращенных Окоченских Татар и других Азиятцев, по разным местным неудобностям также полезнее выселить из Кизляра особою станицею на земли сего Войска, в смежности с казенным селением Александриею”. Ермолов не скрывал своего отрицательного отношения к “водворению народов горских в здешнем крае”, считая что это “доставляет им всегдашний случай продолжать вредныя для жителей здешних связи с границами, кои для своих хищничеств находят тут пристанище и нередко способствование”. Бороться с этим можно было по мнению генерала за счет введения между ними строгой военной дисциплины, т.е. наложением на них казачьих обязанностей. А если они выражали несогласие “принять звание казаков, полезнее для края вовсе не терпеть их здесь на жительстве”.

Ермолов также предлагал зачислить в казачье звание часть казенных селений среди которых называл “селение Ставропольского уезда Николаевское,...подобно сему в уезде Моздокском: село Павлодольское..., равно селения: Солдатское..., Прохладное..., Приближное...в Кизлярском-же дер. Александрию”.

Таким образом по подсчету командующего “чрез присоединение в состояние поселян военного ведомства до 2244 душ крестьян казенных и до 1651 разных Азиятских племен, от 20-ти до 80-ти лет на линии живущих и ни к какому классу людей не причисленных, число казачьих войск...возрастет до 28405 душ” (7).

Однако данные ермоловские предложения вызвали несогласия, в частности министра финансов. Он заявлял, что плодородные земли Кавказской губернии до сих пор остаются невозделанными “единственно по недостатку рук”. Несмотря на все меры предпринимаемые правительством для увеличения числа желающих здесь поселиться “число казенных крестьян составляет не более 46000 душ, а всех вообще жителей, платящих подати, не более 50000 душ”. Поэтому, считал министр, причисле-

ние в число казаков более 2000 душ приведет к потере казной до 30000 руб. годового дохода, а так же отпугнет желающих переселиться на Кавказ в дальнейшем. “Сверх того, при селениях, кои назначаются к обращению в казачьи, находится с лишком 110000 десятин земли. По присокуплении коих с лесами и излишними по обмежеванию участками к землям казачьим, составитя сих последних крайне большое количество, которое едва ли не обратится к стеснению прочих жителей Губерний” (8).

Комитет министров выразил свое согласие с данными возражениями министра финансов и уведомил о том генерала. На это Ермолов писал в отношении к управляющему Военным министерством 31 июля 1823 г.: “Не буду я... настаивать об утверждении тех предположений моих, на которыя последовали возражения; но обязательным себя считаю возобновить мое ходатайство о поспешнейшем разрешении на приведение в исполнение по крайней мере тех, которыя одобрены Комитетом министров, ибо в числе оных заключается переселение казаков, которое необходимо нужно привести в действие без дальнейшего отлагательства” (9). Однако выполняя волю императора, осведомлявшегося о его мнении, он высказал следующие доводы в защиту своей точки зрения: “В Кавказской области удобных к возделыванию земель остается не заселенных весьма мало; хотя же некоторыя земли и называются удобными, но по недостатку хороших вод, или по совершенному оных неимению, никогда заселены не будут. Равным образом и те земли, кои по близкому их к границе положению угрожаются набегами, не будут избраны безоружными поселянами для водворения своего”. Что касается навязывания крестьянам казачьего образа жизни, то на линии этот процесс происходил и без указки сверху, т.к. поселяне “не редко и теперь находятся под ружьем для охранения своей собственности, и разорениями от неприятеля причиняемыми, ознакомлены с опасностями”. Генерал писал, “что если ни во что считать умножение средств обороны, то потеря 30000 руб., дохода конечно будет напрасная”. Но учитывая, что

“страна при Кавказе окружена народами мятежными, и расчеты Государственного хозяйства должны уступать мерам охранения, особливо когда пожертвование сие столь ничтожно”.

После того, как Комитет министров ознакомился с отзывом, решено было “представление его о сем утвердить” и 11 декабря 1823 г. вышел правительственный указ узаконивавший предложения Ермолова (10).

Следить за переселением казаков на новые места жительства должен был начальник штаба Кавказского корпуса генерал-майор Вельяминов. Ермолов писал ему: “По расширении... границ кавказской Линии... признается полезным... основать поселения казаков на местах пограничных. Поэтому, все казачьи станицы, состоящие ныне в середине гражданских поселений, перенести на новыя места к границе, произведя сие переселение, в видах казачьяго хозяйства, исподволь, отделением каждый раз не более третьей части семейств и определяя им нужныя при сем случае пособия и льготы” (11). Вельяминов должен был “обозреть обще с коллежским советником Ребровым места, на коих удобно будет основать станицы, приспособляя поелику возможно к выгодам в отношении хозяйства. При сем случае весьма бы нужно, при обозрении и назначении мест под усадьбы для станиц, быть самим полковым, переселяемых станиц начальникам; в случае-же невозможности отлучиться, назначить из первых и благонамереннейших чиновников не менее двух. С несколькими хорошими стариками, кои-бы, в случае усмотренной в чем-либо невыгоды, могли сообщить свои замечания”. В своем предписании от 25 июня 1824 г. генерал-майору Сталю-2, бывшему начальником Кавказской области, Ермолов обязывал его “преподать для исполнения сего поручения возможные пособия”. Кроме того он, совместно с казенной палатой, должен был представить списки причисленных в казачье сословие людей, “и таковые-же о семействах казачьих тех станиц, кои поступают в состав других полков” (12). Делалось это в соответствии вышеназванного Положения от 11 декабря 1823 г. Устанавливалась

численность отдельных станиц и определялись их штаты, чего до этого в линейных казачьих полках не имелось.

Переселению подлежало 8093 душ (2647 дворов), составляющих 11 станиц (13). Казаки Хоперского полка к примеру, решили переселяться “в две очереди”, при этом сначала “приказано было начать переселение с зажиточных казаков, а также не имеющих обширного хозяйства, но во всяком случае соображаясь с удобствами и выгодами на новых местах” (14). В целом переселение продолжалось с 1825 по 1827 гг. и в конечном итоге были основаны следующие станицы: казаками Волжского полка – Ново-Марьинская, Ново-Полтавская, Ново-Георгиевская, Ессентукская, Кисловодская, Бургустанская и Бабуковская. Казаками Кубанского полка – Темнолесская, Николаевская, а казаками Хоперского полка Барсуковская, Баталпашинская, Невиномысская, Беломечетинская, Карантинная, Бекешевская.

Показательно, что новые станицы располагались в наиболее уязвимых местах границы. Так, станицы хоперцев Беломечетинская, Барсуковская, Баталпашинская и Невиномысская были устроены вблизи удобных переправ на Кубани (15).

Достаток на новых землях давался тяжело. Судя по данным 1830 г. в станицах Хоперского полка “никакой торговли не имеется по нахождению казаков на черте границы на коей более заняты службою и хлебопашеством не имеет свободнаго времени к занятиям в торговле равно и потребных на сие капиталов” (16). В станицах Волгского полка, “ярмонка собирается один раз в году при станице Горячеводской, 24-го июня. Из других губерний посещаемых людей не бывает, кроме жителей Георгиевскаго округа, и торгующих по оному с разными обыкновенными товарами. Продолжается она не более двух дней” (17). Но вместе с тем, рождаемость превышала смертность, а это являлось важным показателем свидетельствующим о перспективности новых поселений (18).

Помимо переселения казаков, генерал Ермолов просил императора с целью увеличения русского населения на Северном Кавказе назна-

чать во вверенный ему корпус “рекрут женатых и сколько можно более, и вместе с ними доставить туда и жен, коих мужья находятся уже на службе”. Эта просьба Алексея Петровича была удовлетворена предписанием от 9 февраля 1821 г. (19).

Наряду с казачьей и солдатской колонизацией продолжалось переселение на Северный Кавказ и крестьян. Хотя с 1812 по 1824 гг. действовали запреты на переселения, этот процесс продолжался и “чтобы ослабить крестьянское движение и разрешить аграрный вопрос, правительство организовало переселение государственных крестьян на окраины” (20). Согласно “Правилам о переселении казенных крестьян и наделении их землей”, вышедшим в 1824 г., предусматривалось переселить на Кавказ часть крестьян из центральных губерний которые особенно страдали от безземелья. При этом предпочтение отдавалось зажиточным крестьянам, т.к. царская администрация “стремилась с минимальными затратами заселить почтовые и военные тракты и создать на Кавказе продовольственную базу для войск” (21). И.В. Бетковский приводит следующие цифры: в 1816 г. переселилось 5 душ мужского пола, 1820 – 500, 1821 – 3902, 1823 – 313, 1824 – 374, 1825 – 5673, 1826 – 3440, 1827 – 8850. И это только данные на официально “зачисленных казенною палатою крестьян в разныя селения области”. За это время были основаны в “1816 г. селение Журавка, в 1817 г. с.Кугульта, в 1822 г. селение Константиновское и Елисаветинское, в 1825 г. хутор Березовский, в 1827 г. с.Новогеоргиевское” (22). Число колонистов было гораздо больше чем официально зарегистрировано, т.к. “в 20-х годах с широким распространением слухов, что на новых местах казенные крестьяне будут освобождены от платежа податей, а помещичьи от повиновения своим господам”, усиливались массовые побеги на Кавказ (23). Хотя переселенцев старались разместить в соответствии с возможностями и местной необходимостью, учитывая при этом их желание и не оказывая давления (24), но это удавалось не всегда. В следствии чего “кавказское начальство не мало имело хлопот с переселенцами. Пока тянулась переписка об

их причислении, переселенцы расходились по целой губернии и кто где хотел проживал, переменяя желание быть зачисленным то в то, то в другое селение. Не мало также приходило на переселение с фальшивыми документами, что еще более затрудняло начальство и увеличивало потребность средств народного продовольствия” (25). Ситуация осложнялась массовыми заболеваниями и отсутствием необходимых запасов продовольствия. И это не смотря на то, что вывоз хлеба за границу был строжайше запрещен.

Казачья и крестьянская колонизация, порой плохо организованная (26), обременительная, как для переселенцев, так и для правительства, вместе с тем имела положительное значение в деле освоения новых территорий и усиления позиции России в этом регионе.

§2. Переселение в Черноморию.

В 1808 г. начальник Главного штаба 2-й армии генерал-майор П.Д. Киселев, служивший некоторое время на Кавказе, после обозрения Черноморского войска пришел к выводу о необходимости заселить его земли 25-ю тысячами малороссийских казаков. Мотивировалось это следующим образом: “1. Что Черноморские земли при великом своем пространстве не имеют довольнаго населения. 2. Что Черноморские казаки, быв с учреждения своего в непрестанном действии с соседними народами, приобвыкли к воинскому состоянию, но не смогли привести себя в цветущее положение, и скудость в войске весьма ощутительна. 3. Что главные доходы войска состояли до ныне в скотоводстве и рыбных ловлях, но и оных казаки по непрерывному оборонительному своему положению распространить не имеют возможности. 4. Что хлебопашество по тем же причинам так мало соответствует плодородию земли, войску принадлежащей, что войсковое управление принуждено покупать провиант по большей части в соседственных губерниях для содержания

кордонных полков; и 5. Что таким образом постепенное оскудение войска со временем не дозволит казакам собственными способами охранять границу, и тем поставит Правительство в необходимость возобновить прежняя на сей предмет важныя денежные издержки” (27).

19 апреля 1820 г. в своем докладе одобренном Александром I, министр внутренних дел граф Кочубей подтвердил необходимость заселить земли Черномории дополнительным количеством переселенцев из Полтавской и Черниговской губерний. Для этого были сделаны следующие распоряжения: “1. Все производство переселения поручить попечению Малороссийского Военного Губернатора с тем, чтобы он применяясь к правилам, в 1808 г. на сей случай данным, снабдил гражданских Губернаторов Полтавскаго и Черниговскаго надлежащими наставлениями... 2. Для изъявления желаний со стороны переселяющихся семейств и для полного в Черноморския земли переселения назначить трехлетний срок, со времени объявления в том в каждом повете. 3. Малороссийскому Военному Губернатору поставить в обязанность доносить об успехе переселения... 4. Черноморскому войсковому начальству поставить в обязанность новым поселенцам отводить земли и размещать их во всем наравне с старожилыми казаками, предоставляя оному распорядиться по лучшему его соображению о размежевании земель, кои им отводиться будут. 5. Малороссийскому Военному Губернатору и войска Черноморскаго атаману предоставить иметь надлежащее сношение с Министром Внутренних дел во всех случаях, кои по операции сей встретят затруднения...” (28).

Согласно распоряжению генерала Ермолова от 19 октября 1820 г., Черноморская войсковая канцелярия начала предварительное распределение земель для будущих колонистов учитывая при этом, чтобы “таковые земли не были в близи к границам, ибо переселенные казаки отвыкнув уже от службы, не могут поставить надежную защиту, в случае неприятельских покушений” (29). Сам же генерал был отозван в Петербург (30), оставив вместо себя генерала Вельяминова, а для наблюдения

за Черноморским войском генерал-майора Власова, дав ему большие полномочия (31). Но и находясь вдали от Кавказа, Ермолов продолжал заботиться о переселенцах. 6 мая 1821 г., находясь в Вене, Алексей Петрович пишет на имя атамана Матвеева следующее предписание: “Управляющий министерством внутренних дел уведомил меня, что в числе назначенных на земли войска Черноморскаго 25000 малороссийских казаков, объявили желание переселиться из губерний Черниговской 4937 и Полтавской 12384 мужеска пола душ.

Малороссийские казаки, по мере прибытия их, должны быть поселяемы, или особенными селениями, или быть присоединяемыми к теперешним селениям.

В первых из сих случаев должны они быть непременно удалены от границы. Дабы не быть жертвою хищничества Закубанцев”. Но на всех желающих таких земель могло не хватить и в этом случае “необходимо надлежит теперешние курени или станицы присоединением новых жителей, смотря по количеству удобной земли, но отнюдь не располагать их особенными селениями, где без охранения старых и к войне обывкших казаков, были бы они совершенно беззащитными. Надлежит сообразить с строгою справедливостию, чтобы присоединяемые к теперешним куреням новые переселенцы не получали земли для возделывания самые отдаленныя, что необходимо умедлит их в заведении хозяйства.

Старому поселянину мало приумножиться труда пахать землю несколько далее прежняго, новому же кроме неудобства грозит и самая опасность. Не разумею я однако же, чтобы непременно новым переселенцам все отдать земли вокруг селений лежащая, но справедливо разделить с разборчивостью выгоды и таковыя зажиточный казак может, не разоряясь, уступить в пользу беднаго”.

Воспользовавшись тем, что многие казаки-старожилы изъявили желание переселиться ближе к Кубани, “привлекаемы будучи лучшим качеством земель и выгодами рыбной ловли, таковым сего не возбра-

нять, напротив при теперешним умножении населения может сие быть весьма полезным, с ними непременно соединять новых” (32).

Весьма показательна позиция Ермолова по отношению к хуторскому хозяйству. В том же предписании он говорил: “По близости к куреням найдутся хутора чиновникам принадлежащие. Не каждый из таковых употребляет в пользу свою количество земли умеренное и, захватив излишнее, отъемлет у поселянина необходимое. Вы, атаман, поручите войсковой канцелярии войти в ближайшее рассмотрение сего обстоятельства и, как большая часть подобных хуторов, не имеет не только издержек стоящих заведений, ниже сколько нибудь прочных, то польза частная не должна быть предпочитаема пользе общей, и паче еще, когда удаление хуторов, распространяя выгоды куреней, доставит средство умножить жителей в оных и тем утвердить безопасность границы” (33). При этом Ермолов пытался по возможности уменьшить издержки переселяемых хуторян, предлагая в частности: “В пользу переселяющегося чиновника склонить казаков сделать перевозку из прежняго хутора принадлежащаго ему...хозяйственных вещей. До устройства хозяйства можно чиновнику пропустить одну очередь наряда на службу” (34).

Согласно этому предписанию, решено было размещать вновь прибывших казаков по малолюдным селениям, а для этого составить выписку в которой указывалось бы “в какия селения можно поместить новых переселенцев и до коликаго душ и в каком разстоянии эти селения от р.Кубани и от границы Кавказской губернии” (35).

7 июля 1821 г. на имя Ермолова был издан царский рескрипт решавший еще одну важную проблему. Он гласил: “При утверждении... в прошлом 1820 г. ... положения о переселении... обращено было внимание на открывшееся... обстоятельство, что некоторые из чиновников войска Черноморскаго учредили из земель онаго частныя владения и поселили на оных крестьян.

Предусматривая, что из сего произойти могут стеснения казаков в землях их и другия злоупотребления, предположено сие несообразное

с существованием войска Черноморскаго... уничтожить, крестьян же на землях войсковых поселенных, коих чиновники ими владеющие не пожелают перевести на земли, в других губерниях им принадлежащая, обратить в казаки, сделав им надлежащее за них удовлетворение” (36).

Иногда действия начальства лишь затрудняли и путали процесс переселения. “Войсковая канцелярия получала нередко одновременно распоряжения из Петербурга от Ермолова, из Тифлиса от Вельяминова и от командующаго кардоном генерала Власова. В одних и тех же предложениях делались распределения переселенцев по старым куренным селениям и проектировались новые селения; то дозволялось переселенцам селиться там, где сами пожелают” (37).

2 ноября 1821 г. Ермолов прислал Власову “ведомость с означением, по сколько новых переселенцев и к которому из прежних куреней присоединены быть должны. На карте у сего прилагаемой, изволите увидеть места, в которых предполагаю вновь учредить селения и некоторые по близости к границе для утверждения оной”. Особенно следовало наблюдать за тем, чтобы “личные выгоды знатнейших в войске чиновников и взаимныя между ними послуги” не отражались на переселении. В основу всех действий должно было быть положено “правило...иметь в виду общую пользу и таковой должна уступить польза частная”, т.е. то, о чем Ермолов уже писал атаману Матвееву.

“Старожилы,... приглашенные переселиться на Кубань, коих до 1300 сем. и изъявили свое желание, должны основать новые курени при постах: Александровом, Мариинском, Ново-Екатерининском, Ольгинском, при Черной Протоке... и наконец при Мышастовской почте. Сим добровольно переселяющемся старожилам войсковой атаман должен объявить 2-х годовую льготу от всех повинностей.

Новым из Малороссии переселенцам дать льготу 3-х летнюю, но самобеднейшим из них, по точном в том удостоверении начальства, может несколько и продолжить оную” (38).

Для приема переселенцев по инициативе Вельяминова приказом от 6 сентября 1821 г. был учрежден особый Комитет, куда входили помимо атамана, член войсковой канцелярии, три ассесора, секретарь, четыре чиновника особых поручений (39). “Этим путем Вельяминов хотел облегчить деятельность войсковой канцелярии, заваленной письменными работами; но, в сущности, от этого дело мало менялось – в комитете были те же лица, которые состояли и в войсковой канцелярии и, также, как канцелярия, он был мало самостоятелен и во всех своих действиях, часто очень мелочных, зависел и от Ермолова, и от Вельяминова, и от Власова” (40).

В конечном итоге, переселенцы, число которых достигло 48382 человека, разместились в 17 новых и 37 старых селениях, а весь процесс перемещения занял 5 лет, вместо 3 запланированных (41). В 1825 г. в Черномории насчитывалось уже два города, 59 станиц, 5 поселков и 2262 хутора (42).

Среди переселенцев были и те, кто стремился на новых землях скрыться от выплаты податей или имеющихся частных долгов, числившихся за ними на прежнем месте жительства. В этой связи интересна история Филипа Чухна, который переселился в Черноморию имея за собой “в недоимке казенные подати и частные неуплаченные долги” (43). Его по приказу Ермолова исключили из казачьего сословия и отправили “на прежнее его жительство” (44). Власти старались держать под контролем переселенческий процесс и не допустить самовольных переездов и выдавали для этого колонистам специальные пропуска, т.н. “письменные виды”, без которых вновь прибывший мог подвергнуться аресту с целью дознания как он появился на Кубани.

Переселение жителей Малороссии в Черноморию проходило в ужасных условиях. Сам Ермолов писал в своих записках об этом следующее: “В Черномории нашел я переселяемые из Малороссии семейства в ужаснейшей бедности. Войска без всяких средств вспомоществовать им по истощении своих доходов. В одно время выслано из Мало-

россии вдвое большее число, нежели распорядилось было правительством. На прежних жилищах своих продавали они имущество за бесценок, ограблены были земской полицией чиновниками, отправлены в путь в самое позднее осеннее время, и многие, весьма лишившись по дороге скота своего, без средства идти далее, остались зимовать по разным губерниям, выпрашивая для существования милостыню. В такой нищете нашел я их разбросанных по дороге, возвращаясь из Петербурга”. При этом он добавлял не без сарказма: “Сии несчастные должны умножить силу войска Черноморского против многочисленного, угрожающего ему, неприятеля. Правительства же распоряжения были и полезны и благоразумны” (45). Пытаясь помочь бедствующим, генерал обратился к кубанцам-старожилам с призывом оказать содействие колонистам. В итоге черноморцы, сами нуждающиеся в следствии неурожая в 1819, 1820 и 1821 гг. тем не менее сумели собрать на 27 декабря 1821 г. “до 10 тысяч рублей ассигнациями денег, до 64 четвертей хлеба, 317 штук рогатого скота, 16 лошадей и 1044 овцы; между тем подписка еще не прекращена...” – писал генерал 4 мая 1822 г. (46).

Первые переселенцы прибыли в с.Кущевское уже 30 августа 1821 г. Всего же число прибывших за этот год превысило 30 тыс. человек и Черноморская войсковая Канцелярия конечно же не могла обеспечить их необходимым продовольствием, в следствии чего люди становились жертвою болезней. Как доносил медик Прохорович Матвееву: “при объезде им в декабре месяце селений Черноморскаго войска он нашел довольное число заболевающих лихорадкою, нервною горячкою и поносом, и умирающих переселенцев, преимущественно в Ейском округе и частью в Бейсугском” (47). Для продовольствования новых жителей, Черноморская войсковая канцелярия командировала в феврале 1822 г. есаула Звягинцева закупать в соседней Кавказской губернии ржаную и пшеничную муку (48). Снабжением продуктами новоселов занимались и в последующие годы. Всего же от недоедания и болезней с 1821 по 1824 гг. умерло 17268 человек (49).

“В 1826 г. были окончательно ликвидированы переселенческие дела. В январе этого года истек трехлетний льготный срок переселенцев и они должны были нести военную службу на кордонной линии и в строю. Но Власов распорядился, чтобы переселенцы, обзаведшиеся хозяйством, назначались на одну внутреннюю службу и ни в коем случае не на кордонную и в отряд для военных действий. Этим путем имелось в виду поддержать хозяйство новоселов. Сироты были избавлены от всяких повинностей и малолетняя из них отдавались на воспитание опекунам, на что ассигновано было 6000 руб. К этому времени переселенцам было построено и куплено 6263 дома и, кроме того, 411 домов в местах, где поселение не было разрешено переселенцам. Всего, следовательно, обзавелись хозяйством 6674 семьи, а 2011 семейств не смогли построить или купить домов. Это были или одиночки, или осиротевшие семьи” (50). К 1826 г. Комитет по переселению выполнил свою функцию и Власов 29 июля в рапорте к Ермолову писал следующее: “Я... ни нахожу теперь никакой нужды в дальнейшем существовании комитета. Почему и имею честь испрашивать на закрытие онаго кому следует начальничьего Вашего разрешения” (51). 25 сентября 1826 г. Комитет по водворению переселенцев был закрыт сменившим Власова генералом Сысоевым по распоряжению Ермолова (52).

Помимо организованного переселения санкционированного правительством, в Черноморию перебиралось множество беглых, которые тайком пребывали на вольные земли и здесь получали статус казака, а с ним долгожданную свободу. Когда возник вопрос об их водворении обратно, оказалось что подобный шаг пагубно отразится на ситуации в крае, а потому Черноморское начальство обратилось с предложением оставить этих колонистов проживающих на Кубани издавна, в их нынешнем состоянии, что нашло поддержку у Ермолова. Алексей Петрович выступил со следующей инициативой: “1. Из числа записанных в Черноморском войске по переписи 1816 года, не принадлежащих к словию онаго людей, оставить в казачьем звании тех, которые имеют

семейство, обзавелись хозяйством и состоят на действительной службе. 2. Тех, которые зашли в войско хотя и прежде 1816 года, но не имеют ни семейств, ни хозяйств, обратить в прежнее звание, поступив равным образом и с теми, которые хотя и имеют семейства и хозяйство, но не отправляют... действительной казачьей службы... 3. За помещичьих крестьян, которые на сем основании будут оставляемы в войске, выдавать рекрутские квитанции... 4. Сверх того предоставить право помещикам отыскивать за сих людей положенные по закону за передержательство беглых деньги с тех лиц, коими они приняты в казачье сословие, и 5. Прочих всех зашедших в войско после 1816 года... обратить в прежнее состояние; а на будущее время иметь строжайшее наблюдение, дабы люди посторонняго ведомства отнюдь не были принимаемы в войско...” С ним согласились и даже решили не взыскивать “за передержательство” списав все за давностию лет. Данное решение было принято 15 февраля 1827 г. (53).

Заселение Черномории имело далеко идущие последствия и способствовало экономическому подъему в этом регионе, до которого впрочем, было еще очень далеко.

Подводя итог, приведем слова С.А. Чекменева: “Кавказское казачество служило для русского царизма не только военной силой в борьбе против беспокойных горцев во время длительной Кавказской войны, но и надежным колонизационным материалом в освоении предкавказских земель. Рост казачества удешевлял расходы государства на военные нужды”(54).

§3. Переселения горцев.

Рассматривая переселенческий процесс, столь широко развернувшийся в ермоловский период, коснемся и мер генерала направленных на перемещение части осетин из горных районов на равнины предгорья. “Поселение осетинских аулов между двумя хребтами, было бы чрезвычайно важно в общем политическом и военном отношении для укрепления всего края”, писал главнокомандующий (55). Безусловно, генерал, прежде всего, преследовал цель обеспечить безопасность на столь важной коммуникации, которой являлась Военно-Грузинская дорога, но вместе с тем, это мероприятие отвечало и коренным интересам осетин, которые страдали в горах от чрезмерной скученности. Размещать новые поселения планировалось рядом с русскими укреплениями, что с одной стороны, позволяло лучше следить за переселенцами, нежели это было в “их крепких местах” (56), - а с другой защищать их от посягательств со стороны кабардинских феодалов, ибо “равнина оставалась беспокойным местом” (57). Кабардинцы считали осетин своими подданными, которые обязаны, были платить им за право пользования землей предгорья. По мнению М.М. Блиева, “русские укрепления рассматривались как гарантия безопасности” (58). Осетины при переселении сами просили, чтобы они были выстроены “для охранения их” (59). В этой связи спорным выглядит вывод С.Н. Бейтуганова, что “земельный (территориальный) вопрос между кабардинцами и горцами неизбежно должен был возникнуть и существовать в тех или иных формах”, но “его искусственное обострение до затяжного конфликта есть результат кавказской политики России первой четверти прошлого столетия” и что это обострение “в значительной степени навязано Ермоловым” (60). Ермолов лишь воспользовался сложившейся ситуацией в своих целях, а обострение конфликта было неизбежно и без вмешательства российской стороны, т.к. кабардинцы были ослаблены эпидемиями, их численность, а, следовательно, военная мощь уменьшилась, чем не могли не восполь-

зоваться соседние народы которых политика кабардинских князей вынуждала жить в горных теснинах.

Ермолов обратился с призывом к осетинскому населению переселяться на постоянное жительство на равнины и выбирать себе там места, где кому заблагорассудится (61). 8 июня 1822 г. он писал владикавказскому коменданту полковнику Скворцову: “Старшины дигорские приезжали ко мне и по желанию их, позволяю я им выделиться из гор на равнину, лежащую от вершины речки Тизуюнь или Белой до устья оной вверх по левому берегу Терека”. Вновь переселяющиеся фамилии должны были заселять строго определенные места, что позволяло бы избежать “между ними споров, и каждый будет границу свою по Тереку охранять от хищников, партий их не пропуская”. С этой целью Скворцов должен “составить отряд обозреть равнину от Владикавказа до Белой речки и назначить места каждым из них”. Действуя весьма гибко и преследуя, прежде всего российские интересы, Ермолов становился на сторону то одних, то других социальных сил. В частности он писал: “Нетрудно было приметить, что старшины дигорские опасаются, чтобы народ простой, вышедши на плоскость, не отказался от повиновения им, паче тем из них, которые управляют ими не будучи сами христианами, но вы внушите им, что правительство не лишит принадлежащих им прав и простой народ вразумите, что он должен быть им послушен и исправлять свои повинности...” Процесс перехода на равнины должен был проходить на добровольных началах и поэтому Ермолов указывал: “Вообще ласкайте их и уверьте, что, переселившись на плоскость, под защитою нашею, не будут они платить за землю кабардинцам” (62).

Полковник Скворцов, выполнив приказ главнокомандующего, 7 июля 1822 г. рапортовал ему следующее: “Во исполнение предписания вашего высокопревосходительства...составил отряд из вверенной мне дистанции в числе 400 человек пехоты и 120 казаков при двух орудиях, пригласив всех тагаурских старшин и выступил из Владикавказа к Белой речке или Урух-Дон называемой...” Проведя тщательный обзор местно-

сти, Скворцов “признал за необходимое сделать назначение земель следующим порядком:

1. Для Дигорского народа Тугановой фамилии от хребтов гор по речке Разбин, впадающей в Дур-Дур и по левой стороне оной вниз до хребта Татартупа, чем все Тугановы остались довольными, как в рассуждении достаточного количества земли, так и прочих угодьев, ибо вся их деревня с подвластными, по объявлению, простирается до 80 дворов.

2. А от оной до Белой речки, как она земля была занимаемая и ныне занята хлебопашеством и сенокосом деревнею Кокая Кубатиева, предоставил ему от устья Белой речки до Крупса впадающего в онаю близь Татартупа.

3. Алагирскому народу от речки Крупс до р. Ардон, а с правой стороны по речке Суадань, впадающую в Ардон и вниз по течению оно-го до устья где впадает оной в Терек.

4. Куртатинскому народу от реки Ардон до Терека, и вниз по течению где соединяются оной с Ардоном и вверх по Тереку до Владикавказа.

Каковым назначением все четыре народа остались довольными, как для каждого из них весьма преизобильно земли. Лесов и прочих угодьев на равнинах находящихся, тем более, что всякий из жителей каждого народа, видя особый свой участок земли означаящийся живыми и твердыми урочищами не могут впоследствии иметь никаких споров”. Но подобные настроения испытывали не все. Так в частности, “из жителей живущих на Урухе фамилии Кубатиевой старшина Бек Мурза Кубатиев с давних времен не доброжелательствующий нам по связи и преданности с кабардинцами и ныне скрывающиеся в лесах, не желает переселиться на новое место, и имеет намерение бежать в горы, живущие же с ним его родственники подвластные, хотя и изъявили желание, оставя его присоединиться к переселяющимся с Уруха на правую сторону Белой речки, но удовлетворительного обещания не дали...”(63).

4 сентября 1822 г. Ермолов утвердил все распоряжения Скворцова касавшиеся переселения осетин. Стремясь предстать перед ними в качестве благодетеля и тем завоевать их преданность, генерал писал владикавказскому коменданту: “В будущем году намерен я приступить к устройению некоторых укреплений и вы, известя о чем выселяющихся осетин, сообщите, что это делаю я для охранения их, и что они обязаны за сие оказывать правительству усердие и верность”. Что же касается Бек-Мурзы Кубатиева, то здесь Ермолов в отличие от своей первоначальной позиции по поддержанию интересов старшин, становится на противоположную сторону и в связи с этим приказывает, что если Кубатиев “не выселится на равнину, то всем прочим осетинам объявить, чтобы прекратили с ним сношения, а собственным людям его и подвластным приказать внушить, что если оставят и выбегут из гор, всем им объявляется свобода и они никому принадлежать не будут”. Чтобы переселенцы оценили все преимущества жизни под защитой русского оружия, Ермолов говорил: “Выселяющиеся из гор осетины равномерно должны быть, как подданные российские, ограждены от всяких утеснений со стороны прочих народов” (64).

“Получив официальный доступ на равнину, осетины, словно горная лавина, хлынули на плоскость. С поразительной быстротой начали возникать новые аулы на берегах Гизельдона, Ардона, Фиагдона, Суадага, Урсдона, Терека. Как и до этого, поселяне располагались вблизи русских военных укреплений Верхне-Джулатского (Минаретского), Ардонского, Архонского, Дур-Дурского и особенно Владикавказского» (65).

Проведенное по инициативе русских властей переселение, “имело выдающееся значение в истории осетинского народа. Переселение на плодородную равнину спасло осетин от физического вымирания, на некоторое время значительно улучшилось экономическое положение, как крестьян-переселенцев, так и оставшегося в горах населения” (66). В то же время и планы русского командования стремящегося обеспечить лояльность со стороны осетинского народа, оправдались. Согласно воен-

но-топографического описания Осетии проведенного в 1826 г. большинство простого народа и часть старшин преданны российскому правительству и в случае начала боевых действий не выступят против него (67).

Можно с уверенностью предположить, что в ермоловское время помимо осетин, с гор продолжали переселяться и ингуши. По мнению М.О. Цицкиевой: “В осуществлении общенациональной для Ингушетии задачи освоения равнинных земель решающую роль играли дружественные отношения с Россией и поддержка со стороны российской военной администрации” (68).

Но не для всех кавказских народов деятельность ермоловской администрации была настолько благотворной. В ряде случаев действия Алексея Петровича наоборот приводили к потере удобной для горцев территории, как это было, например, с некоторыми кабардинскими поселениями. По свидетельству Н.Г. Волковой: “Закубанские поселения кабардинцев, по сведениям 20-х годов XIX в., располагались по Большому и Малому Зеленчукам и Урупу, откуда отдельные группы кабардинцев в течение нескольких последующих десятилетий продвинулись в более западные районы Черкесии. Так, в 1822 г. с верховьев р.Урупа ушли два кабардинских селения: Бек-Мурзы и Изиго, поселившиеся в ущелье Малой Лабы.

Переселение кабардинцев за Кубань продолжались и в 1822-1825 гг. В 1825 г. опустело селение на р.Аргудан князя Мурзабека Хамурзина, ушедшего со своими подданными к абадзехам. Вслед за ним ушли частью туда же, частью в Чечню князя Магомет Адилгиреев, Хамурза Эльбуздухи, Джамбот и Джанхот Кайтукины, Измаил Касаев и др.” (69). Этих переселенцев называли “беглыми” кабардинцами, а вынуждали их к перемещению действия царских войск обрушившихся с репрессалиями на непокорных. В 1822 г. с Баксана на Кубань ушел Таусултан Атажуккин, после того как был разорен его аул (70). В связи с подобными событиями на правом берегу Кубани запретили переселиться абазинскому

владельцу Уруспилову мотивировав это тем, что “есть у него родные, есть за Кубанью связи” (71). Но переселения происходили и из-за Кубани. Еще 15 декабря 1816 г. в приказе к Кавказскому гражданскому губернатору Малинскому Ермолов писал, что “Султан Кубель-Карашев с семейством и подданными ногайцами обоего пола 50-ти душами живущими за кордоном, желает перейти на жительство в Кавказскую губернию... В следствии чего я поручаю вашему превосходительству помянутому Султану назначить землю и по строгом всех без изъятия карантинном очищении позволить переселиться...” (72). В предписании направленном Ермоловым на имя Войска Донского полковника Победнова от 30 июля 1822 г. говорилось, что тот обязывается защищать “живущих на правом берегу Кубани Ногайских аулов владельцев, коих извольте иметь под своим покровительством и в особенности желающего переселиться с той стороны реки Муса Таганова, которому на случай переселения дайте вспомоществования” (73). Летом 1823 г. закубанскому владельцу Мамат Гирею, чей отец Бей Султан Петисов за верность России был убит, разрешили переселиться на русскую сторону (74). Начиная с весны 1822 г. в русские пределы происходили массовые побеги кабардинских крестьян стремящихся освободиться от своих владельцев. Впоследствии у крепости Нальчик они составили население Вольного аула (75).

Зачастую политика “проконсула Кавказа” по отношению к горцам сводилась к “выселению их аулов на равнины и очищения подножья гор от скопища грабителей, производивших набеги на русские границы, чтобы там прекратить беспорядки...” (76).

Исходя из своего первоначального стратегического замысла, Ермолов вытеснял в горы чеченцев обитающих в междуречье Терека и Сунжи, лишая их плодородной равнинной земли (Подробнее смотреть главу “Военно-политическая деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе”). Вместе с тем, следует заметить, что это выселение касалось лишь тех обществ, которые не желали идти на мирный диалог с русской стороной. Тех же, кто готов был “по надлежащему повиноваться”,

власть оставляла на прежнем месте. Более того, проводилась агитация по переселению с Сунжи на Терек, т.к. российские власти считали, что “умножение на Тереке чеченцев для нас весьма полезно” (77).

В разработанном Сибирским комитетом и принятом в 1827 г. “Учреждение для управления Кавказской областью” предусматривались меры по переселению “всех желающих” горцев “на внутреннюю сторону Кавказской Линии, в пределы области” (78).

В целом следует отметить, что выселение горцев производилось главным образом для того, чтобы пресечь их набеги, изрядно досаждавшие российским властям и мешавшие нормальному налаживанию хозяйственной жизни. Так было, например с абазинским Трамовым аулом, бывшем гнездом разбоя и постоянным бичом для зарождающихся курортов (Подробнее смотреть главу “Хозяйственно-экономическая деятельность ермоловской администрации на Северном Кавказе”). Вместе с тем, выселив в 1818 г. жителей этого аула, царская администрация сохранила на прежнем месте Хаджи-аул расположенный на юго-восточном склоне Бештау и Карма-Кабак, находящийся левее Хаджи-аула (79). В 1822 г. в Хаджи-ауле поселился известный просветитель адыгского народа Шора Ногмов, который служил в первом Волгском казачьем полку писарем (80). Это является ярким свидетельством того, что ермоловская администрация не ставила перед собой цели проводить геноцид кавказских народов, а лишь стремилась обеспечить их лояльность.

Проводившаяся Ермоловым переселенческая политика была направлена на укрепление позиций России на Кавказе. По словам В.Л. Величко, Ермолов “понял значение русскаго народного элемента, как начала, сближающаго инородцев с Россией и серьезно упрочивающаго русскую власть в крае” (81). Усиливая линию как выходцами из центральных губерний, так и местными казаками и лояльно настроенными горцами, ермоловская администрация таким образом обеспечивала себе надежные тылы на случай военных действий в Закавказье, либо выступлений со стороны враждебной части северокавказских народов. Увели-

чившаяся численность населения позволяла быстрее разрядить ситуацию с безземельем во внутренних регионах Российской империи. Поэтому “освоение новых земель...носило объективно положительный характер” (82).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

На основании проведенного исследования по теме “Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827 гг.)”, автор пришел к следующим выводам:

1. Практика проводимая генералом Ермоловым А.П. объясняется теми внутри- и внешнеполитическими факторами, которые влияли на ситуацию в изучаемом регионе. Так, часть горских народов в этот период находилась на стадии перехода к феодальному обществу, что обеспечивало их повышенную социальную активность и как следствие этого военную экспансию на равнину, направленную, прежде всего против Кавказской Линии и Черномории. Кроме того, экономика горцев не обеспечивала население необходимым количеством продуктов и вещей, что также заставляло их пускаться в набеги. Горский менталитет оправдывал подобные действия, считая это удачью и молодчеством, для российских же поселян данные набеги были хищничеством, которое следовало пресекать и карать.

Официальный Петербург, занятый решением европейских проблем, еще не до конца уяснил для себя всю тяжесть кавказского вопроса. В столице складывалось впечатление, что на Кавказе все можно решить в короткий промежуток времени и, не привлекая сколько-нибудь существенных военных сил и экономических средств, которых к тому же в стране не было. После разгрома Наполеона казалось возможным одержать победу и здесь, тем более противник имперских замыслов – горцы, не казались серьезным препятствием для европейской сверхдержавы. Утопичная, но осторожная политика Павла I была отброшена и верх одержали более решительные настроения, чему способствовала ситуация в отношениях с сопредельными странами.

Иран и Турция не оставляли идеи вернуть потерянные на Кавказе владения. В этих государствах усилилось влияние Великобритании, чья подстрекательская политика способствовала разжиганию реваншизма. Англия сама стремящаяся к контролю над данным регионом предпочитала действовать чужими руками, подталкивая Оттоманскую Порту и

Персию к войне. Для России, кровно заинтересованной в безопасности своих коммуникаций на случай конфликта в Закавказье, необходимо было быстрое решение северокавказской проблемы, что мирными методами, предполагавшими постепенные шаги, добиться было невозможно.

Генерал Ермолов прибывший на Кавказ с “комплексом победителя” стремился путем военных и мирных средств развязать затянувшийся узел местных проблем, однако сложившаяся ситуация и его личные качества, как то честолюбие, презрительное отношение к горцам, определили преимущественно военный характер его деятельности.

2. Военная деятельность А.П. Ермолова сводилась к переносу линии укреплений ближе к горам и нанесению превентивных ударов и ответных репрессалий против горцев. Стратегический замысел генерала заключался в стеснении противника тисками крепостей, постов и просек, лишению его в случае неповиновения всех средств существования и таким образом принуждения к мирному образу жизни, такому, каким его понимала российская сторона. С этой целью строятся новые укрепления на Сунже и в Кабарде. Против закубанцев, которые юридически считались подданными Оттоманской Порты, широко практиковались упреждающие набеги. Много внимания уделялось охране кордонной Линии, что позволяло ослабить эффективность горских хищничеств.

Однако подобные действия не дали ожидаемого результата, т.к. быстрого замирения, как на то рассчитывал А.П. Ермолов, не произошло. Фактически постоянно вспыхивали волнения среди местных народов, и все время своего пребывания на Кавказе Ермолов то и дело вынужден был заниматься их подавлением. На усилившуюся эффективность обороны “немирные” горцы ответили повышением организованности набегов, которые получили свою идеологию в виде мюридизма и газавата. “Освящение” набегов мы видим уже в ходе восстания в Чечне в 1825 г., а главный взрыв недовольства возникнет уже после отъезда А.П. Ермолова с Кавказа при Кази-Мулле и его приемниках.

И все же следует признать, что сам военный замысел генерала (если не считать просчета в сроках исполнения), был правильным, и это подтвердил опыт Кавказской войны, а отказ от ермоловской стратегии лишь затягивал кровопролитие и приводил к ненужным жертвам.

3. Хозяйственно-экономическая деятельность ермоловской администрации была направлена на развитие в северокавказском регионе промышленности, сельского хозяйства, городского строительства. Огромное значение придавалось торговле с горскими народами. Она рассматривалась, как один из инструментов по умиротворению Кавказа без применения военных сил, путем изменения менталитета местных народов. Подобный подход имел сторонников, как в высших правительственных кругах, так и среди прогрессивных слоев русского общества (1). С этой целью на линии открывались меновые дворы, купцы брались под защиту российской администрации, в 1822 г. открылось “Попечительство для торговых сношений с черкесами и абазинами” и т.п. Впрочем, сам Ермолов довольно скептически (и не без оснований) относился к подобной идее, хотя и не отвергал ее, стараясь по возможности воплотить в жизнь. В политике генерала такой подход носил вспомогательный по отношению к силовым акциям характер.

Большое внимание уделялось борьбе с заразными заболеваниями. С этой целью была задумана и начата реконструкция карантинных пунктов, что позволило по сравнению с соседними государствами, избежать разрастания эпидемии.

Лишь при Ермолове фактически начинают развиваться курорты Пятигорья, до этого пребывавшие в плачевном состоянии. Следствием этого явилось возрастание количества посетителей на водах, что со временем обещало увеличение прибыли для региона. В основном благодаря заботам Ермолова селение Горячеводское в 1830 г. было преобразовано в город Пятигорск, что также привело к повышению статуса курортных мест.

4. Административно-судебные преобразования, проводимые российской властью при А.П. Ермолове, показывают, что правительство осознавало специфичность Северного Кавказа по сравнению с другими регионами. Исходя из количественного состава населения, Кавказская губерния переименовывается в область, т.к. ее состояние на изучаемый период, более соответствовало этому статусу. Областное управление переносилось в Ставрополь, а Георгиевск со временем окончательно должен был лишиться звания административного центра. Вся власть сосредотачивалась в руках командира Кавказской линии, в чье ведение передавалась область.

Во взаимоотношениях с горцами применялся весьма гибкий подход, когда российская сторона предпочитала мелочно не вмешиваться во внутреннее самоуправление кавказских народов, ограничиваясь, в основном, запретом антирусских выступлений и забирая в свое ведение разбор уголовных дел. Это было “долговременным политическим компромиссом, конечной целью которого являлось постепенное гражданское приобщение” кавказцев к Российской империи (2). Налицо была попытка ограничить возрастающее значение среди горцев религиозной исламской верхушки, т.к. в ней справедливо виделась реальная угроза российским порядкам.

5. Проводимая Ермоловым переселенческая политика была направлена, прежде всего, на усиление кордонной линии и на улучшение экономического благосостояния Северного Кавказа. Предпочтение отдавалось казачьей колонизации, т.к. казаки более всего подходили для этой задачи, ибо в отличие от крестьян, не нуждались в военной опеке со стороны командования. Кроме того, они активно использовались не только при охране границ, но и в наступательных операциях против горцев. Ермолов был сторонником причисления части казенных крестьян в казачье сословие, считая эту меру необходимой и выгодной для края. По его просьбе на Кавказ начинают присылать женатых солдат, которых

распределяют в основном в городские гарнизоны, увеличивая, таким образом, число городского населения.

При Ермолове продолжался процесс переселения на Северный Кавказ казенных крестьян, что не только было на благо этому региону, но еще и способствовало ослаблению аграрного кризиса в центральных районах страны.

Несмотря на то, что процесс колонизации проходил достаточно трудно, он, тем не менее, благотворно, хотя и не сразу, сказался на развитии края. Это позволило одному из дореволюционных авторов заявить, что: “Кавказ с его величественными, в небо уходящими вершинами, - вот достойный памятник Ермолову, и обруселый Кавказ – вот его вечная историческая слава” (3).

В ермоловское время происходят значительные перемещения горского населения Северного Кавказа. Стремясь обеспечить безопасность стратегической Военно-Грузинской дороги, проходящей по местам расселения осетин, генерал начинает переселять их на плоскость, под защиту и одновременно контроль русских укреплений. В данном случае интересы, как русского командования, так и горцев, совпадали, что позволило избежать конфликтных ситуаций. Помимо осетин выход на плоскость получили и ингуши, что имело важные положительные последствия для этих народов. Но не для всех этот процесс носил добровольный характер. В ряде случаев имел место насильственный способ принуждения переселяться на равнины. Ряд кабардинских, чеченских, закубанских и др. поселений были оставлены своими жителями, которые искали спасения от нападений царских войск.

6. При Ермолове был разработан и стал воплощаться в жизнь план по фактическому присоединению к России Северного Кавказа, но довести его до конца пришлось уже другим. Чуда и мгновенного успеха не получилось. Россия завязла в войне на Кавказе, но винить в этом Ермолова, на наш взгляд неправомерно, т.к. такой ход событий был исторически предопределен. Впрочем, в любом случае следует согласиться с

тем, что деятельность А.П. Ермолова имела положительные (с рядом оговорок), последствия для развития народов населяющих Северный Кавказ.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1. ПРИМЕЧАНИЯ.

ВВЕДЕНИЕ.

1. Касаев А.Ч. А.П. Ермолов и Кавказ: некоторые проблемы историографии // Роль России в истории Осетии. Сборник научных трудов. Орджоникидзе, 1989. С.68.
2. История народов Северного Кавказа (конец XVIII-1917 г.). М., 1988. С.49. (В дальнейшем: ИНСК); Перевернутый мир бесконечной войны (“круглый стол”) // Родина. 1994. № 3-4. С.22; Ваचाгаев М.М. Чечня в годы Кавказской войны (1816-1859). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1995. С.5; и др.
3. Фадеев Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. С.19.
4. Эйдельман Н.Я. “Быть может за хребтом Кавказа...” (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М.: “Наука”, 1990. С.41.
5. Цит. по: Хашегульгов Б.М. К вопросу о роли исторических исследований в формировании психологии национальной исключительности // Из практики кавказоведческих изысканий (1986-1996 годы). Армавир-Грозный, 1996. С.38.
6. Цит. по: Кузьмин А. Мародеры на дорогах истории // Родина. 1994. № 7. С.26.
7. Неборский М. Иван Грозный был женщиной! Как рождаются исторические мифы // Родина. 1996. № 5. С.10.
8. Аджиев М. Мы – из рода половецкого! Из истории кумыков, карачаевцев, казаков, балкарцев, гагаузов, крымских татар, а также части русских и украинцев. Рыбинск, 1992.; Джургаев О. Пожавший бурю... Грозный, 1989; Куадже Р.З. Некоторые вопросы колониальной экспансии царского самодержавия против Адыгеи (Черкесии) (Истина бескомпромисна) // Черкесия в XIX веке (материалы 1 Кошехабль-

ского форума “История – достояние народа”). Майкоп, 1991. С.197-216.

9. Куадже Р.З. Указ. соч. С.202.

10. Газиева А. Трудная дорога к себе // Республика. 1994. № 4.

11. Цит. по: Басханов А.К., Басханов М.К., Егоров Н.Д. Линейцы. Очерки по истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области. Никосия, 1996. С.12.

12. Дударев С.Л. Школа В.Б. Виноградова: истоки, этапы, идеи // Материалы заседания посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы академика В.Б. Виноградова (1964-1994). Армавир, 1994. Ч.1. С.14.

13. Матвеев О.В. Имперское мышление в исторических судьбах народов Северного Кавказа // Вопросы северокавказской истории (сборник научных статей аспирантов и соискателей). Армавир, 1996. Вып. 1. С.49. (В дальнейшем: ВСИ).

14. Цит. по: Матвеев О.В. Проблемы Кавказской войны в творческой лаборатории В.Б. Виноградова // Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы академика В.Б. Виноградова. Армавир, 1994. Ч.2. С.38.

15. Оновприенко А.М., Пятигорский Э.И., Салов Г.Н., Сныткин М.М., Яковлев С.Ю. Российским флотом рожденный. Историческая хроника. Туапсе: Черноморский региональный научно-практический Центр школьного краеведения, 1996. С.22.

16. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1874. Т.6. Ч.1. (В дальнейшем: АКАК); АКАК. Тифлис, 1875. Т.6. Ч.1.

17. АКАК. Тифлис, 1873. Т.5.

18. АКАК. Тифлис, 1881. Т.8. Ч.2.

19. Полное собрание законов Российской империи СПб., 1830. (В дальнейшем: ПСЗ); ПСЗ. Собрание второе. (В дальнейшем: 2ПСЗ). СПб., 1830. (В дальнейшем: ПСЗ).

- 20.Погодин М.Н. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М.,1863.
- 21.Приказа А.П. Ермолова на Кавказе и в Грузии // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М.,1862. Кн.4. Октябрь-декабрь. (В дальнейшем: ЧИОИДР).
- 22.Ходнев И. Кавказские материалы для биографии А.П. Ермолова // Русский вестник. 1865. Июнь. (В дальнейшем: РВ).
- 23.Ермолов А.П. Записки. Приложение. М.,1861.
- 24.Из архива князей Бековичей-Черкасских // Кавказский сборник. Тифлис,1910. Т.XXX. (В дальнейшем: КС).
- 25.Бриммер Э.В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1-м кадетском корпусе, выпущенного в 1815 году //КС. Тифлис,1894. Т.XV.
- 26.Белозерская Н.А. Записки Ван-Галлена // Исторический вестник. 1884. Июнь. (В дальнейшем: ИВ).
- 27.Н...Н... Записки во времени поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году. М.,1829.
- 28.Гниловской В.Г. Мемуары А.Стрелковой “Путешествие на Горячие и Кислые воды” в 1819 году, как историко-географический документ // Северный Кавказ. Ставрополь,1974. Вып. 3. (В дальнейшем: СК).
- 29.Гераков Г. Путешествие к Кавказским Водам, по Кубанской линии и в Тамань // Северный архив. 1823. Ч.5. (В дальнейшем: СА).
- 30.Сочинения Дениса Васильевича Давыдов. М.1860. Ч.2.
- 31.Алексей Петрович Ермолов. Письма его к князю В.О. Бебутову. // Русская старина. 1872. Т.3. Январь. (В дальнейшем: РС); Письма А.П. Ермолова к П.А. Кикину (1817-1832) // РС. 1872. Т.VI. Ноябрь; Письма с Кавказа к Павлу Петровичу Свиньину Ильи Радожицкаго // ЧИОИДР. М.,1874. Кн.2. Апрель-июнь; Письма А.П. Ермолова к Р.И. Ховену // РС. 1876. Октябрь; А.П. Ермолов в его письмах к кн. М.С. Воронцову // РС. 1885. Декабрь; Письма Алексея Петровича Ермоло-

ва к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому // Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1890. Т. 73. (В дальнейшем: СИРИО); Ермолов А. П. Письма // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. М., 1926. Вып. 45. (В дальнейшем: СМОМПК); Грибоедов А. С. Горе от ума, письма и записки. Баку, 1989.

32. Бентковский И. В. Материалы для истории образования бывшего Кавказского линейного, ныне Терского казачьего войска // Ставропольские губернские ведомости. 1880. № 2. (В дальнейшем: СГВ); Он же. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа // СГВ. 1883. № 37.
33. Материалы по истории Дагестана и Чечни. 1801-1839. Махачкала, 1940. Т. 3. Ч. 1. (В дальнейшем: МИДЧ).
34. Материалы по истории осетинского народа. Сборник документов по истории завоевания Осетии русским царизмом. Орджоникидзе, 1942. (В дальнейшем: МИОН).
35. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. Сборник документов. Махачкала, 1959. (В дальнейшем: ДГСВК).
36. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы. М., 1958. (В дальнейшем: ИГЭД).
37. Русско-адыгейские торговые связи 1793-1860. Сборник документов. Майкоп, 1957. (В дальнейшем: РАТС).
38. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Т. 1.
39. Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX века. Собрал и подготовил Гарданов Б. А.: Нальчик, 1956. (В дальнейшем: МОПК).
40. Пятигорск в исторических документах 1803-1917 гг. Ставрополь, 1985. (В дальнейшем: ПИД).
41. Кисловодск в исторических документах 1803-1917 гг. Ставрополь, 1998. (В дальнейшем: КИД).

42. Осетия глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1967. (В дальнейшем: ОГРИП).
43. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: "Эльбрус", 1974. (В дальнейшем: АБКИЕА).
44. Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырех книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. М.: Норма, 1988. (В дальнейшем: ДИОМГР).
45. Гизетти А. Библиографический указатель печатанным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе. СПб., 1901.
46. Ермолов А. Библиографический указатель сочинений, журнальных статей и заметок об А.П. Ермолове. СПб., 1911.
47. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Ртищев и Ермолов. СПб., 1888. Т.6; Потто В.А. Кавказская война. Ермоловское время. Ставрополь, 1994. Т.2; Уманец Ф.М. Проконсул Кавказа // ИВ. 1888. № 8-9.
48. Зубов П. Подвиги русских на Кавказе. СПб., 1837
49. Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе в связи с мюридизмом // КС. Тифлис, 1886. Т.Х.
50. Гизетти А.Л. Хроника Кавказских войск. Тифлис, 1896; Он же. Сборник сведений о потерях Кавказских войск. Тифлис, 1901.
51. Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726-1880). СПб., 1881. Т.1.
52. Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Тифлис, 1900.
53. Толстов В.Г. История Хоперского полка. Тифлис, 1900. Ч.1.
54. Романовский П. Кавказ и кавказская война. СПб., 1860.
55. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.
56. Острогорский М. Завоевание Кавказа (1801-1864). Рассказ из отечественной истории. СПб., 1880.

57. Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. IX. В дальнейшем: ССКГ).
58. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.
59. Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего Войска. Екатеринодар, 1913. Т.2. Репринтное издание.
60. Бентковский И.В. Кавказская губерния во времена А.П. Ермолова с 1816 по 1824 г.; Он же. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год. Екатеринодар, 1880.
61. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Репринтное издание.
62. Письма А.П. Ермолова к П.А. Кикину. С.513.
63. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь: Книжное издательство, 1992.
64. Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829.
65. Народы Западного Кавказа (По неизданным запискам природного бжедуха князя Хаджимукова) // КС. Тифлис, 1910. Т. XXX.
66. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
67. Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып.1. IV. Репринтное издание; А.К. Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып.2. IV. Репринтное издание; Там же, Мехтулинские ханы.
68. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.
69. Баласс М. Виноделие в России. Ч.IV. Предкавказье. СПб., 1898.
70. Шавров Н.Н. Описание кавказского шелководства. Тифлис, 1891.
71. Касаев А.Ч. К вопросу о политико-административной деятельности А.П. Ермолова на Кавказе (1816-1827 гг.) // Молодые ученые Осетии – 70-летию Великого Октября. Орджоникидзе, 1988; Он же. А.П. Ермолов и Кавказ: некоторые проблемы историографии // Роль России в

истории Осетии. Сборник научных трудов. Орджоникидзе, 1989; Он же. К вопросу о последствиях политики А.П. Ермолова на Кавказе // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1989.

72. Судаев Н.Д. Алексей Петрович Ермолов и Кавказ // Ставропольский хронограф на 1996 год. Ставрополь, 1996.

73. Кавтарадзе А.Г. Генерал А.П. Ермолов. Тула, 1977.

74. Экштут С. Алексей Ермолов // Родина. 1994. № 3-4.

75. Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России (Дооктябрьский период). Махачкала, 1956; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков. Махачкала, 1957; Он же. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968; Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957; Фадеев А.В. Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореформенный период // История СССР. 1957. № 1. (В дальнейшем: ИСССР); Он же. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII-первой половине XIX в. Грозный, 1961; Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). Нальчик, 1962; Он же. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965; Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII-40-е годы XIX в.) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1966. Т. XXV. (В дальнейшем: ИСОНИИ); Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII-первой половине XIX в.). М., 1967; Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века. Пятигорск, 1967; Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII-XIX вв. (Очерк социаль-

но-политической истории). Махачкала,1972; Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.,1981. С.21-32; Чирг А.Ю. К вопросу о торговле Османской империи на Северо-Западном Кавказе // Некоторые вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе XVIII-первой половине XIX в. Майкоп,1985; Он же. Из истории русско-адыгейских торговых связей на Черноморском побережье Кавказа в первой четверти XIX в. // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. Майкоп,1987; Он же. Об участии декабристов в борьбе против контрабанды и работорговли на Северо-Западном Кавказе // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе XIX в. Майкоп,1987; Он же. Культура жизнеобеспечения адыгов // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп,1991. Вып. VIII.

76. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.,1923; Ионисиани А.З. Кавказ во внешней политике России в начале XIX в. // Ученые записки МГПИ. М.,1946; Фадеев А.В. Бухарестский мир 1812 года и вопрос о кавказских границах // Ученые записки историко-филологического факультета. Харьков,1952; Он же. Кавказ в системе международных отношений 20-50-е годы XIX в. М.,1956; Джахияев Г.А. Дагестан в кавказской политике Ирана и Турции в первой трети XIX века. Автореф... дисс. канд. ист. наук. 07.00.02. Махачкала,1970; Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: Вторая половина XVIII-80-е годы XIX в. М.,1984; Джимов Б.М. Политика ведущих держав и ее отражение в ходе Кавказской войны (конец XVIII первая половина XIX в.) // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар,1995.
77. Рамазанов Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в. Махачкала, 1956.

78. Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. 1983. № 4. (В дальнейшем: ВИ).
79. Блиева З.М. Административное устройство на Северном Кавказе в начале XIX в. // Вопросы истории России XIX-начала XX века. Л., 1983; Она же. Административные и судебные учреждения на Северном Кавказе в конце XVIII-первой трети XIX в. Автор. дисс. канд. ист. наук. 07.00.02. Л., 1984; Она же. Развитие административных и судебных учреждений в Кабарде (1769-1822) // Молодые ученые Осетии – 70-летию Великого Октября. Орджоникидзе, 1988; Она же. Осетия в системе административного управления России в конце XVIII-первой трети XIX вв. // Роль России в истории Осетии: Сборник научных трудов. Орджоникидзе, 1989.
80. Калмыков Ж.А. Административно-судебные преобразования в Кабарде и горских (балкарских) обществах в годы русско-кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар, 1995.
81. Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980.
82. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа XVI-XIX вв. М., 1974.
83. Стащук Н.И. Заселение Ставрополья в конце XVIII века и в первой половине XIX века // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1952. Вып. 4. (В дальнейшем: МИСК).
84. История Дагестана. М., 1968; История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. Орджоникидзе, 1987. Т.1; Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар: “Советская Кубань”, 1996; Очерки истории Ставропольского края. Ставрополь, 1986. Т.1.
85. Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986.

- 86.Блиев М.М. Осетия в первой трети XIX века. Орджоникидзе,1964; Он же. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII-30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе,1970.
- 87.Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов: Очерки истории. Нальчик,1989.
- 88.Там же, с.7.
- 89.Бейтуганов С. Слово в ответ // Советская молодежь. 1998. 13 марта. № 10. С.8. (В дальнейшем: СМ).
- 90.Туганов Р.У. Кабарда и Балкария в период ермоловщины. Ч.1 (1816-1822) // Живая старина. Нальчик,1992. № 2. (В дальнейшем: ЖС); Он же. Кабарда и Балкария в период ермоловщины. Ч.2 (1822-1825) // ЖС. Нальчик,1993. № 3.
- 91.Виноградов В., Шейха А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (вторая половина XVIII-первая треть XIX вв.). Армавир-Грозный,1996.
- 92.Виноградов В.Б. “Он усмирил Закубанье”. Черты портрета генерала фон Засса // Российский исторический журнал. 1994. № 2 С.15-22. (В дальнейшем: РИЖ).
- 93.Виноградов В.Б. Двадцать лет спустя // Страницы истории Средней Кубани. Армавир,1993. С.43-47.
- 94.Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVIII-начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М.,1974.
- 95.Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ,1991.
- 96.Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. М., Калининград,1995.
- 97.Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: “Наука”, 1972.
- 98.Абакарова Ф.О. Особенности развития героико-исторических песен даргинцев // Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. Грозный,1988.

99. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988; История народов Северного Кавказа (конец XVIII-1917 г.). М., 1988.
100. Указ. соч. С.40.
101. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.
102. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // ИСССР. 1983. № 2.
103. Бирюков А.В. Российско-чеченские отношения в XVIII-середине XIX века // ВИ. 1998. № 2.
104. Указ. соч. С.50.
105. См. напр.: Виноградов В., Шейха А. Указ. соч.
106. Военно-политические взгляды А.П. Ермолова на Северном Кавказе // ВСИ. Армавир, 1996. Вып.1; Военно-санитарная деятельность А.П. Ермолова на Кавказе // ВСИ. Армавир, 1997. Вып. 2. (совм. с П.Б. Виноградовым); Роль А.П. Ермолова в освоении Кавказских Минеральных вод // Проблемы научно-методической работы в Ессентукском учебно-педагогическом комплексе и пути их решения. Ставрополь, 1997; Создание А.П. Ермоловым Временного кабардинского суда // ВСИ. Армавир, 1998. Вып. 3.
107. Baddeley J.F. The Russian Conquest of the Caucasus. Lnd. – N.Y. 1908; Blanch L. The Sabres of Paradise. N.Y. 1960; Bodenstedt F. Les Peuples du Caucase et leur guerre d'indépendance contre la Russie pour servir a l'histoire la plus recente de l'orient. Paris, 1859.
108. См. напр.: Клычников Ю.Ю., Савенко С.Н., Фоменко В.А. Историческое краеведение Кавказских Минеральных вод (Программа спецкурса). Ставрополь, 1995.

Глава I. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.П. ЕРМОЛОВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.

1. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С.10-36.
2. Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С.29.
3. Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С.122.
4. Там же. С.117.
5. Виноградов Б.В. Некоторые аспекты кавказской политики Павла I // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С.186.
6. ИНСК. С.18-19; Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992. С.259-261. (В дальнейшем: ПСР).
7. Кузнецов Н.А. Иран в первой половине XIX в. М., 1992. С.259-261.
8. Ермолов А. Алексей Петрович Ермолов. 1777 – 1861. Биографический очерк. СПб., 1912. С.119.
9. Фадеев Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. С.15.
10. Волков М. Значение Кавказа в Восточном вопросе // “День”. 1864. №25. С.8.
11. Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Автореф... дисс. докт. ист. наук. 07.00.02. Тбилиси, 1972. С.34; Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузинско-русских политических взаимоотношениях XVI – XVIII веков. Тбилиси, 1974. С.105.
12. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М., 1960. С.33.
13. Фадеев А.В. Бухарестский мир 1812 года и вопрос о кавказских границах // Ученые записки историко-филологического факультета. Харьков, 1952; Джахиёв Г.А. Дагестан в кавказской политике Ирана и Турции в первой трети XIX века. Автореф... дисс. канд. ист. наук. 07.00.02. Махачкала, 1970. С.12-13; История Ирана. М., 1977. С.226-229; Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М., 1984. С.105-122; ИНСК. С.22-30; ПСР. С.302-307.

14. Васильев Л.С. История Востока. М., 1994. Т. I. С. 308.
15. Фадеев А.В. Кавказ в системе международных отношений 20-50-е годы XIX в. М., 1956. С. 6; О том же см.: Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20 – 70 годы XIX в.) М., 1955. С. 18, 21. Джимов Б.М. Политика ведущих держав и ее отражение в ходе Кавказской войны (конец XVIII-первая половина XIX в.) // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С. 10.
16. Ионисиани А.З. Кавказ во внешней политике России в начале XIX в. // Ученые записки МГПИ. М., 1946. Т. XXXVII. С. 160. (В дальнейшем: УЗМГПИ); Фадеев А.В. Кавказ в системе международных отношений... С. 14.
17. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Ртищев и Ермолов. СПб., 1888. Т. 6. С. 133-135.
18. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924. С. 179.
19. Кавтарадзе А.Г. Генерал А.П. Ермолов. Тула, 1977.
20. Ермолов А. Алексей Петрович Ермолов. С. 192-193.
21. Погодин М.Н. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1863. С. 231.
22. Записки А.П. Ермолова 1798 – 1826. М., 1991. С. 168.
23. Ахмадов Я.З., Ахмадов Ш.Б., Асталов В.А., Исаев Э.А. История Чечено-Ингушетии XVI-середина XIX века. Учебное пособие для учащихся 9 класса. Грозный, 1991. С. 95.
24. Шабаньянц Н.Ш. Академик П.З. Захаров. Грозный, 1974.
25. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 184-208.
26. Перевернутый мир бесконечной войны (“круглый стол”) // Родина. 1994. № 3-4. С. 19.
27. Погодин М.Н. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1863. С. 289.

28. Письмо А.П. Ермолова к А.А. Закревскому. 1812-1828 // СИРИО. М., 1890. Т.73. С.218, 225.
29. Там же, с.210.
30. АКАК. Тифлис, 1875. Т.6. Ч.2. С.498-499.
31. Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С.110-111.
32. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. М., 1860. Ч.2. С.ХХІХ.
33. Ермолов А.П. Записки. Приложение. М., 1861. С.50.
34. Дубровин Н.Ф. история войны и владычества русских на Кавказе. Ртищев и Ермолов. СПб., 1888. Т.6. С.295.
35. ДГСВК. С.23-24.
36. Там же, с.24.
37. Там же, с.24.
38. Там же, с.25.
39. Там же, с.26.
40. Острогорский М. Завоевание Кавказа (1801-1864). Рассказ из отечественной истории. СПб, 1880. С.20.
41. ДГСВК. С.26.
42. Записки А.П. Ермолова 1798-1826. М., 1991. С.302.
43. Уманец Ф.М. Проконсул Кавказа // ИВ. 1888. Август. С.293.
44. Виноградов В.Б., Дударев С.Л. К вопросу о типологии и периодизации русско-вайнахских политических отношений // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный, 1990. С.114-115.
45. Письма А.П. Ермолова к А.А. Закревскому. С.16.
46. Там же, с.392.
47. Ермолов А.П. Письма // СМОМПК. Махачкала, 1926. Вып.45. С.40-41.
48. Ермолов А.П. Записки. Приложение. С.162.
49. Там же, с.163.
50. Там же, с.163-164.
51. Там же, с.165.
52. Записки А.П. Ермолова. С.287.

53. Гизетти А.Л. Хроника Кавказских войск. Тифлис, 1896. С.43.
54. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С.215-217.
55. Ермолов А.П. Записки. Приложение. С.29-30.
56. Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. М., Калининград, 1995. С.156.
57. Потто В.А. Кавказская война. Ермоловское время. Т.2. Ставрополь, 1994. С.25.
58. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С.219.
59. Письма А.П. Ермолова к А.А. Закревскому. С.196.
60. Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Тифлис, 1900. С.14.
61. Письма А.П. Ермолова к А.А. Закревскому. С.285.
62. Ходнев И. Кавказские материалы для биографии А.П. Ермолова // РВ. 1865. Июнь. С.34.
63. Ракович Д.В. Указ. соч. С.35.
64. Ермолов А.П. Записки. Приложение. С.50.
65. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С.317.
66. Ермолов А.П. Записки. Приложение. С.87.
67. Там же, с.91-94.
68. Письма А.П. Ермолова к А.А. Закревскому. С.315.
69. Там же, с.342.
70. Там же, с.346-347.
71. Гизетти А.Л. Указ. соч. С.49-58.
72. Ракович Д.В. Указ. соч. С.5-6.
73. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С.362.
74. Ракович Д.В. Указ. соч. С.32.
75. Гизетти А.Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск. Тифлис, 1901. С.13-22.
76. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С.504-505.
77. Ермолов А.П. Записки. Приложение. С.181.

78. Алексей Петрович Ермолов. Письма его к князю В.О. Бебутову. // РС. 1872. Т.3. Январь;
79. Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1698-1801. М., 1995. С.133.
80. Письма А.П. Ермолова к А.А. Закревскому. С.235.
81. Там же, с.295-296.
82. Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1801-1855. М., 1996. С.105.
83. Там же, с.118.
84. Письма А.П. Ермолова к А.А. Закревскому. С.221.
85. Ракович Д.В. Указ. соч. С.30.
86. Зубов П. Подвиги русских на Кавказе. СПб., 1837. С. 4.
87. Дахкильгов Ш.Э. Слово о родном крае: Записки краеведа. Грозный, 1989. С.87.
88. Ахмадов Я.З., Ахмадов Ш.Б., Асталов В.А., Исаев Э.А. Указ. соч. С.96.
89. А.П. Ермолов в его письмах к кн. М.С. Воронцову // РС. 1885. Декабрь. С.541.
90. АКАК. Т.6. Ч.2. С.498.
91. Ахмадов Я.З., Ахмадов Ш.Б., Асталов В.А., Исаев Э.А. Указ. соч. С.95-96.
92. Записки А.П. Ермолова. С.304.
93. Там же, с.308.
94. Там же, с.309.
95. Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726-1880). СПб., 1881. Т. 1. С.338.
96. Записки А.П. Ермолова. С.332.
97. АКАК. Т.6. Ч.2. С.563.
98. РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.36. Л.8-8 об.
99. АКАК. Т.6. Ч.2. С.563.
100. Зубов П. Подвиги русских на Кавказе. СПб., 1837.

101. Ермолов А.П. Письма. С.40.
102. Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе в связи с мюридизмом // КС. Тифлис,1886. Т.Х. С.96-98.
103. Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. М.,1987. Т. 3. С.375.
104. Еремин Н.М. По указу Петра. Шелковская, 1990. С.14.
105. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С.484.
106. Н...Н... Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году. М.,1829. С.69-70.
107. Там же, с.72-73.
108. Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // ССКГ. Тифлис,1876. Вып. IX. С.195.
109. Письма А.П. Ермолова к А.А. (впоследствии графу) Закревскому. С.397.
110. Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир,1993. С.45.
111. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.18.
112. Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб.,1829. С.429-430.
113. АКАК. Т.6. Ч.2. С.456-457.
114. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С.292.
115. АКАК. Т.6. Ч.1. Тифлис, 1874. С.485.
116. Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986. С.114-115.
117. Виноградов Б.В. Казачество в системе кавказской политики Павла I // Вопросы историографии и истории Северного Кавказа XVIII-начала XX в. Краснодар,1997. С.111.
118. АКАК. Т.6. Ч.2. С.499.
119. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С.301.
120. АКАК. Т.6.Ч.2. С.500.
121. Приказы А.П. Ермолова на Кавказе и в Грузии // ЧИОИДР. Октябрь-декабрь. Кн.4. М.,1862. С.208.

122. АКАК. Т.6. Ч.2. С.501.
123. Там же, с.501.
124. Там же, с.6.
125. Там же, с.8.
126. Там же, с.4.
127. Там же, с.77.
128. Потто В.А. Кавказская война. Т.2. Ермоловское время. Ставрополь, 1994. С.19.
129. Клычников Ю.Ю. К деятельности А.П. Ермолова на Средней Кубани // Прочноокопский историко-культурный многоугольник. Материалы конференции. Армавир,1994. С.16.
130. Записки А.П. Ермолова. С.317.
131. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С.322.
132. Записки А.П. Ермолова. С.317.
133. А.П. Ермолов в его письмах к кн. М.С. Воронцову. С.545.
134. Записки А.П. Ермолова. С.329.
135. Там же, с.329.
136. РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.26. Л.26.
137. Записки А.П. Ермолова. С.338-339.
138. Там же, с.339.
139. С русскими не буду побежден. Подполковник Валериан (Ростом) Григорьевич Мадатов // Георгиевские кавалеры. 1796-1850. М.,1993. С.329-331.
140. АКАК. Т.6. Ч.2. С.72-74.
141. Там же, с.27.
142. Материалы для истории Дагестана. Казикумухские и мехтулинские ханы //ССКГ. Тифлис,1869. Вып. 2. Репринтное издание. С.43.
143. Записки А.П. Ермолова. С.344.
144. АКАК. Т.6. Ч.2. С.80.
145. Записки А.П. Ермолова. С.351.
146. РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.36. Л.2.

147. Виноградов А.В., Клычников Ю.Ю. Образ “Проконсула Кавказа” в творчестве М.Ю. Лермонтова // Историческое регионоведение – вузу и школе. Материалы Четвертой региональной научно-практической конференции. Армавир, 1995.С.18. (В дальнейшем: ИРВШ).
148. АКАК. Т.6. Ч.2. С.28; РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.36. Л.12-14 об.
149. Записки А.П. Ермолова. С.361.
150. АКАК. Т.6. Ч.2. С.41.
151. Белозерская Н.А. Записки Ван-Галлена // ИВ. Июнь. 1884. С.668.
152. АКАК. Т.6. Ч.2. С.505.
153. Потто В.А. Указ. соч. С.65.
154. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двенадцати томах. М.: “Правда”, 1984. Т.1. С.390.
155. Записки А.П. Ермолова. С.374.
156. АКАК. Т.6. Ч.2. С.468-469.
157. Туганов Р.У. Кабарда и Балкария в период ермоловщины (1816-1822 гг.) Ч.1 // ЖС. Нальчик,1992. №2. С.14.
158. Бриммер Э.В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1-м кадетском корпусе, выпущенного в 1815 году // КС. Тифлис,1894. Т.XV. С.114.
159. АКАК. Т.6. Ч.2. С.459.
160. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С.497.
161. Там же. С.498.
162. АКАК. Т.6. Ч.2. С.87.
163. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.772. Л.2.
164. Записки А.П. Ермолова. С.370.
165. Ермолов А.П. Письма. С.41.
166. Письма А.П. Ермолова к А.А. Закревскому. С.376.
167. Там же. С.211.

168. Ратушняк В.Н. Под стягом России. К 300-летию Кубанского казачьего войска // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. № 1. 1997. С.6. (В дальнейшем: ГМ).
169. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.765. Л. 3 об.
170. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.762. Л.16-16 об.
171. РГВИА. Ф.14719. Оп.1. Д.31. Л.4.
172. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д. 1; Ф.250. Оп.2. Д.428.
173. АКАК. Т.6. Ч.1. С.437.
174. Екатеринодар-Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях. Материалы к летописи. Краснодар,1993. С.80.
175. Записки А.П. Ермолова. С.376.
176. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.79. Л.118.
177. РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.41. Л.28-28 об.
178. Записки А.П. Ермолова. С.394.
179. ГАКК. Ф.261. Оп.1. .204. Л.71 об.-73 об.
180. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т.2. Репринт. Краснодар, 1992. С.132.
181. Там же, с.244.
182. РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.41. Л.13.
183. Там же, л.16.
184. Киселев А.А., Фролов Б.Е. Кавказская война и вхождение Закубанья в состав России // По страницам истории Кубани (Краеведческие очерки). Краснодар, 1993. С.92.
185. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.229. Л.1.
186. Потто В.А. Указ. соч. С.397-400.
187. ГАСК. Ф.444. Оп.1. Д.49. Л.10.
188. ГАСК. Ф.444. Оп.1. Д.49.
189. РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.41. Л.21.
190. Записки А.П. Ермолова. С.396.
191. Грибоедов А.С. Горе от ума, письма и записки. Баку, 1989. С.319.
192. Записки А.П. Ермолова. С.414.

193. Аджиев М. Мы – из рода половецкого! Из истории кумыков, карачаевцев, казаков, балкарцев, гагаузов, крымских татар, а также части русских и украинцев. Рыбинск, 1992. С.21-22.
194. Грибоедов А.С. Указ. соч. С.319.
195. Записки А.П. Ермолова. С.415.
196. Там же, с.416.
197. Там же, с.421.
198. РГВИА. Ф.217. Оп.1. Д.3. Л.2 об.
199. Записки А.П. Ермолова. С.423.
200. Там же, с.424.
201. Там же, с.424.
202. Там же, с.425.
203. Там же, с.426.
204. Письма А.П. Ермолова к А.А. Закревскому. С.319.
205. Там же, с.198.
206. Ермолов А.П. Письма. С.16.
207. МИДЧ. Т.3. Ч.1. 1801-1839. Махачкала: Дагестанское государственное издательство, 1940. С.163-164.
208. РГВИА Ф.13454. Оп.2. Д.14. Л.101.
209. Из архива князей Бековичей-Черкасских. С предисловием Е.Г. Вейденбаума // КС. Тифлис, 1910. Т.XXX. С.36.
210. Блиев М.М., Дегоев М.М. Кавказская война. М., 1994. С.180-181.
211. Полежаев А.И. Сочинения. М., 1988. С.238-239.
212. Руднева А. Человек прошедшего века // Открытая политика. 1997. № 11. С.114. (В дальнейшем: ОП).

Глава II. ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕРМОЛОВСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.

1. Фадеев А.В. Экономические связи Северного Кавказа с Россией в до-реформенный период // ИСССР. 1957. № 1. С.137.

2. Виноградов В.Б. Нумизматические материалы в проблеме хронологии и периодизации позднесредневековой истории Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985. С. 122.
3. Афанасьев Ю. Пора перестать верить историческим мифам // Аргументы и факты. 1997. № 46. (В дальнейшем: АИФ).
4. АКАК. Тифлис, 1875. Т.6. Ч.2. С.283.
5. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Репринтное издание. С.148; Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829. С.95, 117; Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С.51, 129; Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С.56-57; Мирко В.П. Отношение России и Кабарды в первой трети XIX века. Автореф... дис. канд. ист. наук. 07.00.02. М., 1973. С.11; Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международных отношениях XIX века. Ростов-на-Дону, 1989. С.18-19; Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Нальчик, 1992. С.14; Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов. Очерки истории. Нальчик, 1993. С.52.
6. Калмыков И.Х. Заметки о Кавказской войне // Из традиционной этнографии народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1993. С.13.
7. Попов В.П. Кавказская война в творчестве Л.Н. Толстого // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар, 1995. С.246-248.
8. Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. №IV. М., 1964. С.82-83. (В дальнейшем: КЭС); История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. Т.1. Орджоникидзе, 1987. С.169.
9. Дебу И. Указ. соч. С.188-189.

- 10.Эриксон Э.В. Чумные эпидемии на Кавказе и в смежных странах в прошлом // Кавказский вестник. Тифлис,1900. № 9. С.73. (В дальнейшем: КВ).
- 11.Записки А.П. Ермолова 1798-1826. М.,1991. С.302-303.
- 12.АКАК. Т.6. Ч.2. С.446-447.
- 13.АКАК.Тифлис,1874. Т.6. Ч.1. С.202.
- 14.ГАСК. Ф.87. Оп.1. Д.918. Л.1-1 об.
- 15.Письма А.П. Ермолова к П.А. Кикину // РС. 1872. Т.VI. Ноябрь.
- 16.АКАК. Т.6. Ч.1. С.205.
- 17.Там же. С.211.
- 18.См. напр.: ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.114. Л.84-85.
- 19.Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего Войска. Т.2. Екатеринбург,1913. Репринтное издание. С.588.
- 20.АКАК. Т.6. Ч.2. С.209-210.
- 21.РГВИА. Ф.14719. Оп.1. Д.61. Л.27 об.
- 22.РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.18. Л.12.
- 23.Записки А.П. Ермолова. С.403.
- 24.Письма Алексея Петровича Ермолова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому // СИРИО. СПб.,1890.Т.73. С.387-388.
- 25.ГАСК. Ф.22. Оп.1. Д.9. Л.6.
- 26.АКАК. Т.6. Ч.1. С.212, 214.
- 27.Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб.,1858. С.113-124; Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис,1859. С.88-89; Щербина Ф.А. Указ. соч. С.580-589; Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России (Дооктябрьский период). Махачкала,1956. С.25-27; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков. Махачкала,1957. С.380-384; Он же. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала,1968. С.197 и др.; Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп,1957; Фадеев А.В. Указ. соч. С.147-159; Гриценко Н.П. Со-

циально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII-первой половине XIX в. Грозный, 1961. С.64-78; Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). Нальчик, 1962. С.25-49; Он же. Экономическое и культурное развитие... С.74-93; История Дагестана. М., 1968. С.40-41; Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII-40-е годы XIX в.) // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1966. Т. XXV; Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII-первой половине XIX в.). М., 1967. С.111-122; Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века. Пятигорск, 1967. С.249-273; Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII-XIX вв. (Очерк социально-политической истории). Махачкала, 1972. С.79-82; Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1972; Хан-Гирей. Записки о Черкессии. Нальчик, 1978. С.267-269; Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С.21-32; Чирг А.Ю. К вопросу о торговле Османской империи на Северо-Западном Кавказе // Некоторые вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе XVIII-первой половине XIX в. Майкоп, 1985; Он же. Из истории русско-адыгейских торговых связей на Черноморском побережье Кавказа в первой четверти XIX в. // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. Майкоп, 1987; Он же. Об участии декабристов в борьбе против контрабанды и работоторговли на Северо-Западном Кавказе // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе XIX в. Майкоп, 1987; Он же. Культура жизнеобеспечения адыгов // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Вып. VIII. Майкоп, 1991; История народов Северного Кавказа (конец XVIII-1917 г.). М., 1988. С.76-84; Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII-первой

половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С.112-146; Шевченко Н.Г. Социально-экономическое развитие Кубани в конце XVIII-первой половине XIX в. // По страницам истории Кубани. Краснодар, 1993. С.84-85, и др.

28. Броневский С. Указ. соч. С.133 и др.; Бларамберг И. Указ. соч. С.34 и др.; Нахшунов И.Р. Указ. соч. С.21-25; Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. 1961. №1. С.42,44-46. (В дальнейшем: СЭ); Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С.79-113; Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа... С.15-18; Он же. Экономическое и культурное развитие... С.58-74; Лавров Л.И. Указ.соч. С.84; Гарданов В.К. Указ. соч. С.61-111; История Дагестана. С.29-40; Алиев Б.Г. Указ. соч. С.46-71; Мирко В.П. Указ. соч. С.12; ИНСК. С.70-76; Чахкиев Д.Ю. Новые материалы о горном промысле горцев Ингушетии (конец XVIII-первая половина XIX в.) // Чечено-Ингушетия в составе России в конце XVIII-середине XIX века. Грозный, 1989. С.58-59; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С.10-36; Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. М., 1995. С.19-22; и др.
29. Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С.36.
30. Бларамберг И. Указ. соч. С.36;
31. Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С.69.
32. Фадеев А.В. Социально-экономические предпосылки внешней политики царизма в период "Восточного кризиса" 20-х годов XIX в. // Исторические записки. Изд-во Академии наук СССР, 1955. № 54. С.339. (В дальнейшем: ИЗ).
33. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полное собрание сочинений. Т.3. С.593-594.
34. Чекменев С.А. Указ. соч. С.249.
35. Там же, С.257.
36. Броневский С. Указ. соч. С.142-143.

37. ГАСК. Ф.444. Оп.1. Д.52. Л.4.
38. Там же, л.11-12.
39. ГАСК. Ф.444. Оп.1. Д.1. Л.17.
40. ИНСК. С.80.
41. Броневский С. Указ. соч. С.145.
42. Яндарова А. Х.-А. Первые проекты хозяйственно-экономического развития народов Северного Кавказа в составе России // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный, 1990. С.60-65.
43. Романовский П. Кавказ и кавказская война. СПб., 1860. С.XXX.
44. Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. С.192.
45. АКАК. Т.6. Ч.2. С.233.
46. Там же, с.203-204.
47. Там же, с.233.
48. Там же, с.225.
49. Там же, с.242.
50. Там же, с.242.
51. Тахир Мухаммед. Три имама. Махачкала, 1990. С.5.
52. Осетия глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1967. С.195.
53. Ларина В.И. Очерк истории городов Северной Осетии (XVIII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1960. С.81-82.
54. Акиев Х.А. Материалы Кизлярской таможни 1825-1828 годов как источник изучения торговых связей Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XУ111-начало XX века). Грозный, 1986. С.67.
55. АКАК. Т.6. Ч.2. С.510-511.
56. Народы Западного Кавказа (По неизданным запискам природного бжедуха князя Хаджимукова) // КС. Тифлис, 1910. Т. XXX. С.20.
57. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.85. Л.3-3 об.

58. Там же, л.11-11 об.
59. Там же, л.12-12 об.
60. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.86. Л.22-22 об.
61. Щербина Ф.А. Указ. соч. С.587.
62. Дебу И. Указ. соч. С.377.
63. Письма Алексея Петровича Ермолова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому. С.380.
64. АКАК. Т.6. Ч.2. С.484.
65. Там же, с.485.
66. Там же, с.484-485.
67. Чирг А.Ю. К вопросу о торговле... С.5-6.
68. АКАК. Т.6. Ч.2. С.451.
69. Покровский М.В. Указ. соч. С.123.
70. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М.,1960. С.64.
71. Чирг А.Ю. Из истории русско-адыгейских... С.10.
72. АКАК. Т.6. Ч.2. С.485.
73. АБКИЕА. С.290.
74. АКАК. Т.8. Тифлис, 1881. С.640.
75. АКАК. Т.6. Ч.2. С.484.
76. Там же, с.485.
77. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.81. Л.1.
78. АКАК. Т.6. Ч.2. С.485-486.
79. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Ртищев и Ермолов. СПб.,1888. Т.6. С.487.
80. Цит. по: Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.,1923. С.203.
81. АКАК. Т.5. Тифлис, 1873. С.841.
82. АБКИЕА. С. 285-286.
83. Потто В.А. Кавказская война. Ермоловское время. Ставрополь,1985. С.497.
84. Щербина Ф.А. Указ. соч. С.181.

85. АКАК. Т.6. Ч.2. С.449.
86. Там же, с.451.
87. Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи. С.14.
88. АКАК. Т.6. Ч.2. С.451.
89. Броневский С. Указ. соч. С.145.
90. Фадеев А.В. Россия и Кавказ... С.64-65; Феофилактова Т.М. Западные адыги в русско-турецких отношениях во второй половине XVIII-первой трети XIX в. // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар, 1995. С.283.
91. Чирг А.Ю. Культура жизнеобеспечения адыгов. С.249-250.
92. Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 г. Северо-Кавказский филиал традиционной культуры М.Ц.Т.К. "Возрождение", 1990. С.23-25.
93. АКАК. Т.6. Ч.1. С.227.
94. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.120. Л.7.
95. Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи. С.25.
96. АКАК. Т.6. Ч.1. С.234.
97. Фадеев Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. С.17.
98. Ковалевский Е. Очерки этнографии Кавказа // Вестник Европы. СПб., 1867. Второй год-том III. Сентябрь. С.90. (В дальнейшем: ВЕ).
99. Чирг А.Ю. Культура жизнеобеспечения адыгов. С.253.
100. Грибоедов А.С. горе от ума, письма и записки. Баку, 1989. С.208.
101. АКАК. Т.6. Ч.2. С.9.
102. Погодин М.Н. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1863. С.333.
103. Туганов Р.У. Кабарда и Балкария в период ермоловщины (1822-1825) // ЖС. Нальчик, 1993. № 3. Ч.2. С.10.
104. АКАК. Т.6. Ч.2. С.26.
105. Там же, с.26.
106. Там же, с.27.

107. Рамазанов Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в. Махачкала, 1956. С.21.
108. ДГСВК. С.37.
109. АКАК. Т.6.Ч.2.С.40.
110. Там же, с.29.
111. Хашаев Х.М. Указ.соч. С.116-117.
112. ГАСК. Ф.87. Оп.1. Д.702. Л.1.
113. Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ.соч. С.165.
114. Там же, с.109-146.
115. ГАСК. Ф.87. Оп.1. Д.594. Л.20. Л.31.
116. Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие...С.238.
117. Виноградов В.Б. “Уголок России, отчий дом...” Очерки об истории Тарумовских степей и Кизлярщины. Армавир-Кизляр,1996. С.30.
118. Чекменев С.А. Переселенцы (Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII-первой половины XIX в.). Пятигорск,1994. С.186.
119. АКАК. Т.6.Ч.2.С.652.
120. Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного предкавказья в дореформенный период. М.,1957. С.195-196.
121. Взгляд на Кавказскую Линию (Писано в 1813 году) // СА. СПб.,1822. Январь. № 2. С.182.
122. АКАК. Т.6.Ч.1.С.260.
123. Там же, с.261.
124. Гриценко Н.П. Указ.соч. С.50; Он же. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края V-середины XIX века. Ростов-на-Дону,1984. С.98; Чекменев С.А. Переселенцы. С.186; Виноградов В.Б., Великая Н.Н., Нарожный Е.И. На Терских берегах. Армавир,1997. С.10.
125. Дебу И. Указ.соч. С.339.
126. АКАК. Т.6 Ч.2.С.623-624.
127. Там же, с.624.

128. Там же, с.654.
129. Там же, с.118.
130. Чекменев С.А. Переселенцы. С.281.
131. Там же, с.187-188.
132. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие... С.52.
133. Баласс М. Виноделие в России. Ч.IV. Предкавказье. СПб.,1898. С.23.
134. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа... С.97.
135. Русский биографический словарь. СПб.,1910. С.530-531; Польская Е., Розенфельд Б. Дорогие адреса. Ставрополь,1974. С.20-21.
136. Письма А.П. Ермолова к П.А. Кикину. С.520.
137. АКАК. Т.6.Ч.2.С.568.
138. АКАК. Т.6.Ч.1.С.257.
139. См. так же: Письма А.П. Ермолова к А.А. (впоследствии графу) Закревскому. С.309.
140. Фадеев А.В. Очерки экономического развития... С.75; Чекменев С.А. Переселенцы. С.160-163.
141. Фадеев А.В. Очерки экономического развития... С.76.
142. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.733. Л.2, 64, 94 об., 100 об.
143. Попко И.Д. Черноморские казаки... С.74.
144. ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.26. Л.24-24 об.
145. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие... С.41-43.
146. ИНСК. С.68.
147. Фадеев А.В. Очерки экономического развития... С.195.
148. АКАК. Т.6.Ч.2.С.578.
149. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие... С.44; Чекменев С.А. Переселенцы. С.173-174.
150. ГАСК. Ф.87. Оп.1. Д.594. Л.19.
151. Броневский С. Указ.соч. С.24-25.
152. АКАК. Т.6.Ч.2.С.658.
153. Там же, с.659.

154. Там же, с.661.
155. Щербина Ф.А. Указ.соч. С.649.
156. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие... С.47.
157. АКАК. Т.6.Ч.2.С.661-662.
158. Щербина Ф.А. Указ.соч. С.654.
159. Там же, с.655.
160. Шавров Н.Н. Описание кавказского шелководства. Тифлис,1891. С.1-33; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие... С.53-54; Он же. Города Северо-Восточного Кавказа... С.100-101.
161. ГАСК. Ф.87. Оп.1. Д.594. Л.25, 26.
162. Фадеев А.В. Очерки экономического развития... С.90-91.
163. Щербина Ф.А. Указ.соч. С.657.
164. Фадеев А.В. Россия и Кавказ... С.71-72.
165. Он же. Очерки экономического развития... С.99.
166. Броневский С. Указ.соч. С.37.
167. Пятигорск в исторических документах 1803-1917 гг. Ставрополь,1985. С.30.
168. Записки А.П. Ермолова. С.311.
169. Потто В.А. Указ.соч. С.350.
170. Погодин М.Н. Указ.соч. С.438.
171. Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Тифлис,1900. С.39.
172. Попко И. Терские казаки с стародавних времен. СПб.,1880. С.ХХІV.
173. Толстов В.Г. История Хоперского полка. Тифлис,1900. Ч.1. С.179.
174. ГАСК. Ф.1300. Оп.1. Д.7. Л.1.
175. Н...Н... Записки во времени поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году. М.,1829. С.55-57.
176. Погодин М.Н. Указ.соч. С.436.
177. Там же, с.438.
178. Там же, с.436.
179. ПСЗ. СПб.,1830. Т.ХХХVІ.

180. Кисловодск в исторических документах 1803-1917. Ставрополь, 1998. С.30; Гниловской В.Г. Мемуары А.Стрелковой “Путешествие на Горячие и Кислые воды” в 1819 году, как историко-географический документ // СК. Ставрополь, 1974. Вып. 3. С.168.
181. Погодин М.Н. Указ.соч. С.247-248.
182. Письма А.П. Ермолова к П.А. Кикину. С.507.
183. АКАК. Т.6.Ч.2.С.591.
184. ГАСК. Ф.932. Оп.1. Д.1. Л.31-31 об.
185. Польская Е.Б., Розенфельд Б.М. И звезда с звездой говорит... Ставрополь, 1980. С.33-43.
186. Пятигорск в исторических документах. С.68-69.
187. Там же, с.326.
188. Очерки истории Ставропольского края. Ставрополь, 1986. Т.1. С.122.
189. Кавказские Минеральные воды, в Ставропольской Губернии, Пятигорского уезда. СПб., 1860. С.7.
190. ГАСК. Ф.288. Оп.1. Д.41, л.1-13.
191. Лозовенко А.З., Коваленко В.И. Железноводск. Ставрополь. 1990. С.13.
192. Прокопенко Ю.А. Железноводск: Страницы истории. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. С.18.
193. Пятигорск в исторических документах. С.56-57.
194. Недумов С.И. Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь, 1974. С.9-10.
195. ГАСК. Ф.444. Оп.1. Д.28. Л.1.
196. Махлевич Я.Л. Мезонин у нарзана. Ставрополь, 1983. С.175.
197. Записки А.П. Ермолова. С.402.
198. Польская Е.Б., Розенфельд Б.М. Эссентукские встречи. Ставрополь, 1984. С.12-15; Смирнов-Каменский Е.А. Александр Петрович Нелюбин. Ставрополь, 1985. С.15-17.
199. Пятигорск в исторических документах. С.73.
200. ГАСК. Ф.444. Оп.1. Д.71. Л.1.

201. АКАК. Т.6.Ч.2.С.647.
202. Там же, с.648.
203. Кавтарадзе А.Г. Генерал А.П. Ермолов. Тула,1977. С.80.
204. Белозеров В.С. Кавказские Минеральные Воды: эволюция системы городов эколого-курортного региона. М.,1997. С.14.
205. Святловский В.В. Кавказские минеральные воды. Екатеринослав,1898. С.14.
206. Махлевич Я.Л. Указ.соч. С.100.
207. Конради Ф. Разсуждение о искусственных минеральных водах, с приобщением новейших известий о кавказских минеральных источниках. СПб.,1831. С.168.
208. Письма с Кавказа к Павлу Петровичу Свиньину Ильи Радожицкого // ЧИОИДР. М.,1874. Апрель-июнь. Кн.2. С.126-127.
209. Письма А.П. Ермолова к А.А. (впоследствии графу) Закревскому. С.442.
210. Очерки истории Ставропольского края. С.184.
211. Пятигорск в исторических документах. С.22.
212. Погодин М.Н. Указ.соч. С.338-339.

Глава III. АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЕРМОЛОВСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.

1. Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // ВИ. 1983. №4. С.37-38.
2. Дон и степное Предкавказье XVIII-XIX в. (Социальные отношения, управление, классовая борьба). Ростов-на-Дону,1977. С.92-95.
3. Блиева З.М. Административные и судебные учреждения на Северном Кавказе в конце XVIII-первой трети XIX в. Автореф... дисс. канд. ист. наук. 07.00.02. Л.,1984. С.13.

4. Блиева З.М. Некоторые черты административного развития Северного Кавказа в XIX в. // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный, 1990. С.74.
5. Там же, с.75.
6. Там же, с.76.
7. АКАК. Т.6. Ч.2. С.610-611.
8. АКАК. Т.6. Ч.2. С.610-611.
9. Блиева З.М. Некоторые черты административного развития... С.76.
10. ГАСК. Ф.444. Оп.1. Д.1. Л.235.
11. АКАК. Т.6 Ч.2. С.621-622.
12. Дон и степное Предкавказье... С.95.
13. ПСЗ. Т. XXXIX. №30078.
14. Бентковский И.В. Кавказская губерния во времена А.П. Ермолова с 1816 по 1824 г. С.7.
15. Н...Н... Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году. М., 1829. С.34.
16. АКАК. Т.6. Ч.2. С.654-655.
17. 2ПСЗ. Т.2. №878.
18. Блиева З.М. Некоторые черты административного развития... С.78-79.
19. Там же, с.80.
20. Блиева З.М. Указ. соч. С.13-14.
21. АКАК. Т.6. Ч.2. С.613.
22. ГАСК. Ф.444. Оп.1. Д.1. Л.235.
23. Блиева З.М. Осетия в системе административного управления России в конце XVIII-первой трети XIX вв. // Роль России в истории Осетии: Сборник научных трудов. Орджоникидзе, 1989. С.134.
24. Блиев М.М. Осетия в первой трети XIX века. Орджоникидзе, 1964. С.134.
25. ГАСК. Ф.128. Оп.1. Д.1121. Л.1-2 об.

26. Касаев А.Ч. К вопросу о политико-административной деятельности А.П. Ермолова на Кавказе (1816-1827) // Молодые ученые Осетии – 70-летию Великого Октября. Орджоникидзе,1988. С.133.
27. ГАСК. Ф.128. Оп.1. Д.1121. Л.2 об.
28. Там же, л.3.
29. АКАК. Т.6. Ч.2. С.685.
30. Блиева З.М. Осетия в системе... С.46.
31. Киняпина Н.С. Указ.соч. С.38.
32. Блиев М.М. Осетия в первой трети... С.137; Блиева З.М. Осетия в системе административного... С.47; История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. Орджоникидзе,1987. Т.1. С.227.
33. РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.74. Л.3-10.
34. Блиева З.М. Административные и судебные учреждения... С.13.
35. Ходнев И. Кавказские материалы для биографии А.П. Ермолова // РВ. 1865. Июнь.
36. ГАСК. Ф.249. Оп.3. Д.435. Л.1.
37. Там же, л.3-4.
38. Там же, л.11-11 об.
39. РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.73. Л.6-7.
40. ИНСК. С.114.
41. РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.73. Л.20-21 об.
42. Там же, л. 3-10.
43. Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис,1868. Вып.1. С.71.
44. Материалы для истории Дагестана. Мехтулинские ханы // ССКГ. Вып.2. Тифлис,1869. С.5-6.
45. История Дагестана. М.,1968. Т.2. С.66.
46. АКАК. Т.6. Ч.2. С.67.
47. ИНСК. С.112.
48. История Дагестана. С.67.
49. АКАК. Т.6. Ч.2. С.63-64; РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.36. Л.19-23.

50. АКАК. Т.6. Ч.2. С.11-13; РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.36. Л.23-26.
51. Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С.39.
52. АКАК. Т.6. Ч.2. С.67.
53. Там же, с.69-70.
54. Материалы для истории Дагестана. Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып.2. С.19.
55. РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.36. Л.37-39.
56. Материалы для истории Дагестана. Казикумухские и... С.27.
57. Матвеев О.В. Мухаммед-Амин: портрет из истории Кавказской войны // Вопросы историографии и истории Северного Кавказа XVIII-начала XX в. Краснодар, 1997. С.140.
58. История Дагестана. С.70.
59. АКАК. Т.6. Ч.2. С.79-80.
60. Хашаев Х.М. Указ.соч. С.37.
61. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С.64.
62. Ковалевский М.М. Родовое устройство Дагестана // Юридический вестник. 1888. Т. XXIX. Декабрь. С.525. (В дальнейшем: ЮВ).
63. Блиева З.М. Административные и судебные учреждения... С.14.
64. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Т.1. С.4-5.
65. Блиева З.М. Административные и судебные учреждения... С.11.
66. АКАК. Т.6. Ч.2. С.471-472.
67. Там же, с.472.
68. Записки А.П. Ермолова 1798-1826. М., 1991. С.379-380.
69. Блиева З.М. Развитие административных и судебных учреждений в Кабарде (1769-1822) // Молодые ученые Осетии – 70-летию Великого Октября. Орджоникидзе, 1988. М., 148-149.
70. Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX века. Собрал и подготовил Гарданов Б.А. Нальчик, 1956. С.12; То же: Кумыков Т.Х. Из истории судебных учреждений в Кабардино-

Балкарии (Конец XVIII-XIX вв.) // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1963. Т. XIX. С. 96. (В дальнейшем: УЗКБНИИ).

71. Мирко В.П. Отношение России и Кабарды в первой трети XIX века. Автореф... дисс. канд. ист. наук. 07.00.02. М., 1973. С. 25; Блиева З.М. Административные и судебные учреждения... С. 14.
72. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 184-208.
73. Хан-Гирей. Записки о Черкессии. Нальчик, 1978. С. 168-169.
74. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 473.
75. Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. С., 193-194.
76. Блиева З.М. Административные и судебные учреждения... С. 14.
77. Там же, с. 16; Блиева З.М. Осетия в системе... С. 48.
78. Касаев А.Ч. Указ. соч. С. 132.
79. Письмо Н.Н. Муравьева к А.П. Ермолову и ответ кавказского офицера // РС. 1872. Ноябрь. С. 543.
80. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 108.
81. Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов. Очерки истории. Нальчик, 1993. С. 221.
82. Калмыков Ж.А. Административно-судебные преобразования в Кабарде и горских (балкарских) обществах в годы русско-кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар, 1995. С. 119.
83. Материалы по обычному... С. 12.
84. РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 8. Л. 2-2 об.
85. Кочекаев Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX-начале XX века. Алма-Ата, 1973. С. 123.
86. Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829. С. 143-144.
87. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 611-612.

88. Там же. С.524.
89. АКАК. Т.8. Ч.2. С.782.
90. ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.93. Л.1.
91. Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч.1. Ставрополь, 1883. С.68.
92. 2ПСЗ. №878.
93. Кочекаев Б.Б. Указ. соч. С.123.
94. АКАК. Т.6. Ч.2. С.654.
95. Кочекаев Б.Б. Указ. соч. С.122.
96. Блиева З.М. Административные и судебные... С.17.
97. Блиева З.М. Административное устройство на Северном Кавказе в начале XIX в. // Вопросы истории России XIX-начала XX века. Л., 1983. С.158.
98. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т.1. С.35.

Глава IV. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЕРМОЛОВСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ.

1. Столетие Военного министерства 1802-1902. Главное управление казачьих войск. Под ред. Скалона Д.А. СПб., 1902. С.181.
2. Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века. Пятигорск, 1967. С.24.
3. АКАК. Т.6. Ч.2. С.579.
4. Погодин М.Н. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1863. С.607-608.
5. АКАК. Т.6. Ч.2. С.607-608.
6. Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI-начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974. С.207.
7. АКАК. Т.6. Ч.2. С.608-609.

8. ПСЗ. СПб.,1830. Т.38. №29682.
9. АКАК. Т.6. Ч.2. С.460.
10. ПСЗ. СПб.,1830. Т.38. №29682.
11. Толстов В.Г. История Хоперского полка. Тифлис, 1900. Ч.1. С.177.
12. Бентковский И.В. Материалы для истории образования бывшего Кавказского линейного, ныне Терского казачьего войска // СГВ. 1880. №2.
13. Чекменев С.А. Указ.соч. С.25.
14. Толстов В.Г. Указ.соч. С.178.
15. РГВИА. Ф.15264. Оп.1. Д.79. Л.2.
16. ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.937-а. Л.98.
17. Там же. Л.211.
18. Там же. Л.97, 237 об.-238.
19. ПСЗ. Т.39. СПб.,1830. №29762.
20. Стащук Н.И. Заселение Ставрополя в конце XVIII века и в первой половине XIX века // МИСК. Ставрополь,1952. Вып.4. С.168.
21. Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне (Очерки хозяйства, культуры и быта). Пятигорск, 1994. С.14.
22. Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа // СГВ. 1883. №37.
23. Чекменев С.А. Указ.соч. С.42.
24. ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.8. Л.9.
25. Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации...
26. История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 года. Ставрополь,1996. С.105.
27. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.764. Л.2.
28. Там же, л.3 об.
29. Там же, л.10 об.
30. Клычников Ю.Ю. Итальянский “зигзаг” в биографии А.П. Ермолова // Проблемы всеобщей истории (Материалы научно-практической преподавательско-студенческих семинаров). Армавир,1995. С.34-35.

31. РГВИА. Ф.14719. Оп.1. Д.31. Л.6-7 об.
32. ГАКК. Ф.318. Оп.2. Д.1. Л.106-107.
33. Там же, л.107.
34. Там же, л.107.
35. Бентковский И.В. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год. Екатеринодар, 1880. С.87.
36. АКАК. Т.6. Ч.2. С.657.
37. Бентковский И.В. Заселение Черномории... С.93.
38. АКАК. Т.6. Ч.2. С.657-658.
39. ГАКК. Ф.345. Оп.1. Д.1. Л.3 об.
40. Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего Войска. Екатеринодар, 1913. Т.2. Репринтное издание. С.63-64.
41. Бентковский И.В. Заселение Черномории... С.104-106.
42. Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А. Кубанское казачье войско. Краснодар, 1996. Репринтное издание. С.67.
43. ГАКК. Ф.250. Оп.2. Д.243. Л.144 об.
44. Там же, л.142.
45. Ермолов А.П. Записки 1798-1826. М., 1991. С.373-374.
46. Ермолов А.П. Записки. Т.2. М., 1868. Приложение. С.406.
47. Цит. по: Бентковский И.В. Заселение Черномории... С.99.
48. Щербина Ф.А. Указ. соч. С.63.
49. Там же, с.64.
50. Там же, с.64-65; Сравнить: ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.238. Л.2 об.-3.
51. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.238. Л.3 об.
52. ГАКК. Ф.250. Оп.2. Д.50. Л.1-1 об.
53. 2 ПСЗ. Т.2. № 908.
54. Чекменев С.А. Указ. соч. С.37.
55. Цит. по: Ларина В.И. Очерк истории городов Северной Осетии (XVIII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1960. С.80.
56. АКАК. Т.6. Ч.2. С.362.

57. История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. Орджоникидзе, 1987. Т.1. С.344.
58. Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII-30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе, 1970. С.344.
59. Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1942. Т.2. С.126.
60. Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов: очерки истории. Нальчик, 1989. С.112-113.
61. Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980. С.85.
62. Материалы по истории... С.125-126.
63. Там же, с.189-190.
64. Там же, с.124.
65. Берозов Б.П. Указ. соч. С.88.
66. История Северо-Осетинской АССР... С.221.
67. Блиев М.М. Указ. соч. С.347.
68. Цицкиева М.О. О роли освоения равнинных земель в формировании ингушской народности // Чечено-Ингушетия в составе России в конце XVIII-середине XIX века. Грозный, 1989. С.58.
69. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII-начале XX в. М., 1974. С.59-61.
70. Там же, с.100.
71. АКАК. Т.6. Ч.2. С.459.
72. ГАСК. Ф.87. Оп.1. Д.690. Л.1.
73. АКАК. Т.6. Ч.2. С.459.
74. РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.41. Л.1.
75. Туганов Р.У. Кабарда и Балкария в период ермоловщины. Ч.2 (1822-1825 гг.) // ЖС. Нальчик, 1992. № 2. С.12-13.
76. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С.160.
77. РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.73. Л.6 об.

78. Блиева З.М. Некоторые черты административного развития Северного Кавказа в 20-х гг. XIX в. // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный, 1990. С.80.
79. Волкова Н.Г. Указ. соч. С.51.
80. В граните и бронзе. Составители Н.Т. Ганенко, В.Ф. Латкин. Краснодар, 1975. С.46.
81. Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку, 1990. С.16.
82. ИНСК. С.60.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

1. Виноградов В.Б., Шейха А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (вторая половина XVIII-первая треть XIX вв.). Армавир-Грозный, 1996.
2. Матвеев В.А. Геополитическая миссия России на Кавказе: историческая реальность и монизм отображения // ВСИ. Армавир, 1997. Вып.2. С.78.
3. В.К.П. Осада Ермолова // ИВ. 1890. № 7. С.179.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ:

Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА)

1. Ф.217 – Ермолов А.П., генерал от инфантерии. Оп.1. Д.3.
2. Ф.482 – Кавказские войны. Оп.1. Д.26; 36;41
3. Ф.13454 – Штаб войск Кавказской линии и в Черномории расположенных. Оп.2. Д.14;18;73;74.
4. Ф.14719 – Главный штаб Кавказской армии. Оп.1. Д.31;61. Оп.3.Д.8.
5. Ф.15264 – Штаб войск Кубанской линии. Оп.1. Д.79.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

6. Ф.249 – Канцелярия войскового атамана Черноморского казачьего войска. Оп.1. Д.733;762;764;765.
7. Ф.250 – Войсковая канцелярия Черноморского казачьего войска. Оп.2. Д.50;243;428.
8. Ф.261 – Канцелярия начальника Черноморской кордонной линии. Оп.1. Д.1;79;81;85;86;114;120;204;229;238.
9. Ф.318 – Отделение казачьих войск штаба отдельного Кавказского корпуса и штаба Кавказского военного округа. Оп.2. Д.1
- 10.Ф.345 – Переселенческий комитет Черноморского казачьего войска. Оп.1.Д.1.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК)

- 11.Ф.22 – Главный смотритель меновых дворов и карантин по Кавказской линии. Оп.1. Д.9.
- 12.Ф.79 – Общее управление Кавказской области. Оп.1. Д.8;26;93;937-а.
- 13.Ф.87 – Канцелярия гражданского губернатора Кавказской губернии. Оп.1. Д.594;690;702;918.
- 14.Ф.128 – Кавказское губернское правление. Оп.1. Д.1121.
- 15.Ф.249 – Главный пристав магометанских народов, кочующих в Ставропольской губернии. Оп.3. Д.435.

- 16.Ф.288 – Строительная комиссия при Кавказских Минеральных Водах. Оп.1. Д.41.
- 17.Ф.444 – Канцелярия гражданского губернатора Кавказской области. Оп.1. Д.1;28;49;52;71.
- 18.Ф.932 – Гражданский архитектор при главноначальствующем на Кавказе и в Грузии Руска И.Ф.Оп.1. Д.1.
- 19.Ф.1300 – Комиссия наделения Кавказского линейного казачьего войска землями. Оп.1. Д.7.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: “Эльбрус”, 1974.
2. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1873. Т.5.
3. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1874. Т.6. Ч.1.
4. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1875. Т.6. Ч.2.
5. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1881. Т.8. Ч.2.
6. Алексей Петрович Ермолов. Письма его к князю В.О. Бебутову // Русская старина. 1872. Т.3. Январь.
7. А.П. Ермолов в его письмах к кн. М.С. Воронцову // Русская старина. 1885. Декабрь.
8. Белозерская Н.А. Записки Ван-Галлена // Исторический вестник. 1884. Июнь.
9. Бентковский И.В. Материалы для истории образования бывшего Кавказского линейного, ныне Терского казачьего войска // Ставропольские губернские ведомости. 1880. № 2.
10. Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа // Ставропольские губернские ведомости. 1883. № 37.

11. Гераков Г. Путешествие к Кавказским Водам, по Кубанской линии и в Тамань // Северный архив. 1823. Ч.5.
12. Гниловской В.Г. Мемуары А.Стрелковой “Путешествие на Горячие и Кислые воды” в 1819 году, как историко-географический документ // Северный Кавказ. Ставрополь, 1974. Вып.3. С.165-182.
13. Грибоедов А.С. Горе от ума, письма и записки. Баку, 1989.
14. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. Сборник документов. Махачкала, 1959.
15. Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырех книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. М.: Норма, 1988.
16. Ермолов А.П. Записки. Приложение. М., 1861.
17. Ермолов А.П. Письма // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Махачкала, 1926. Вып.45.
18. Записки А.П. Ермолова 1798-1826. М., 1991.
19. Из архива князей Бековичей-Черкасских. С предисловием Е.Г. Вейденбаума // Кавказский сборник. Тифлис, 1910. Т.XXX.
20. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы. М., 1958.
21. Кисловодск в исторических документах 1803-1917. Ставрополь: Издательство Института развития образования, 1998.
22. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Тифлис, 1869. Т.1.
23. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т.3. Ч.1. 1801-1839. Махачкала: Дагестанское государственное издательство, 1940.
24. Материалы по истории осетинского народа. Сборник документов по истории завоевания Осетии русским царизмом. Орджоникидзе, 1942.
25. Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX века. Собрал и подготовил Гарданов Б.А. Нальчик, 1956.
26. Н...Н... Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году. М., 1829.

27. Осетия глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967.
28. Письма А.П. Ермолова к П.А. Кикину (1817-1832) // Русская старина. 1872. Т. VI. Ноябрь.
29. Письма с Кавказа к Павлу Петровичу Свиньину Ильи Радожицкого // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1874. Кн.2. Апрель-июнь.
30. Письма А.П. Ермолова к Р.И. Ховену // Русская старина. 1876. Октябрь.
31. Письма Алексея Петровича Ермолова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому // Сборник императорского исторического общества. СПб., 1890. Т.73.
32. Погодин М.Н. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1863.
33. Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992.
34. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.
35. Полное собрание законов российской империи. Собрание второе. СПб., 1830.
36. Приказы А.П. Ермолова на Кавказе и в Грузии // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1862. Кн.4. Октябрь-декабрь.
37. Пятигорск в исторических документах 1803-1917 гг. Ставрополь, 1985.
38. Русско-адыгейские торговые связи 1793-1860. Сборник документов. Майкоп, 1957.
39. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. М., 1860. Ч.2.
40. Ходнев И. Кавказские материалы для биографии А.П. Ермолова // Русский вестник. 1865. Июнь.

ЛИТЕРАТУРА:

1. А.К. Материалы для истории Дагестана. Казикумухские и кюринские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып.2. Репринтное издание.
2. Абакарова Ф.О. Особенности развития героико-исторических песен даргинцев // Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. Грозный, 1988.
3. Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995.
4. Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. М., Калининград, 1995.
5. Аджиев М. Мы – из рода половецкого! Из истории кумыков, карачаевцев, казаков, балкарцев, гагаузов, крымских татар, а также части русских и украинцев. Рыбинск, 1992.
6. Акиев Х.А. Материалы Кизлярской таможни 1825-1828 годов как источник изучения торговых связей Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII-начало XX века). Грозный, 1986.
7. Алиев Б.Г. Кабо-Дарго в XVIII-XIX вв. (Очерк социально-политической истории). Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1972.
8. Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. М.: Хоббикнига, 1995.
9. Афанасьев Ю. Пора перестать верить историческим мифам // Аргументы и факты. 1997. № 46.
10. Ахмадов Я.З., Ахмадов Ш.Б., Асталов В.А., Исаев Э.А. История Чечено-Ингушетии XVI-середины XIX века. Грозный, 1991.
11. Баласс М. Виноделие в России. Ч.IV. Предкавказье. СПб., 1898.
12. Басханов А.К., Басханов М.К., Егоров Н.Д. Линейцы. Очерки по истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области. Никосия, 1996.

13. Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов: Очерки истории. Нальчик, 1989.
14. Бейтуганов С. Слово в ответ // Советская молодежь. 1998. 13 марта. № 10.
15. Белозеров В.С. Кавказские Минеральные Воды: эволюция системы городов эколого-курортного региона. М., 1997.
16. Бентковский И.В. Кавказская губерния во времена А.П. Ермолова с 1816 по 1824 г.
17. Бентковский И.В. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год. Екатеринодар, 1880.
18. Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч.1. Ставрополь, 1883.
19. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.
20. Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе: ИР, 1980.
21. Бирюков А.В. Российско-чеченские отношения в XVIII-середине XIX века // Вопросы истории. 1998. № 2.
22. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1992.
23. Блиев М.М. Осетия в первой трети XIX века. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1964.
24. Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе, 1970.
25. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2.
26. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М.: Росет, 1994.
27. Блиева З.М. Административные и судебные учреждения на Северном Кавказе в конце XVIII-первой трети XIX в. Автореф... дисс. канд. ист. наук. 07.00.02. Л., 1984.

- 28.Блиева З.М. Развитие административных и судебных учреждений в Кабарде (1769-1822) // Молодые ученые Осетии – 70-летию Великого Октября. Орджоникидзе,1988. С.137-150.
- 29.Блиева З.М. Осетия в системе административного управления России в конце XVIII-первой трети XIX вв. // Роль России в истории Осетии: Сборник научных трудов. Орджоникидзе,1989. С.43-56.
- 30.Блиева З.М. Некоторые черты административного развития Северного Кавказа в 20-х гг. XIX в. // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный,1990. С.72-81.
- 31.Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузинско-русских политических взаимоотношениях XVI-XVIII веков. Тбилиси: Мецниереба, 1974.
- 32.Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.,1823. Репринтное издание.
- 33.Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-70 годы XIX века). М.: МГУ, 1955.
- 34.В.К.П. Осада Ермолова // Исторический вестник. 1890. № 7.
- 35.Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала,1986.
- 36.Васильев Л.С. История Востока. М.,1994. Т.1.
- 37.Вачагаев М.М. Чечня в годы Кавказской войны (1816-1859). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.,1995.
- 38.Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку,1990.
- 39.Взгляд на Кавказскую Линию (Писано в 1813 году) // Северный архив. СПб.,1822. Январь. № 2.
- 40.Виноградов А.В., Клычников Ю.Ю. Образ “Проконсула Кавказа” в творчестве М.Ю. Лермонтова // Историческое регионоведение – вузу и школе. Материалы Четвертой региональной научно-практической конференции. Армавир,1995.

41. Виноградов Б.В. Казачество в системе кавказской политики Павла I // Вопросы историографии и истории Северного Кавказа XVIII-начала XX в. Краснодар, 1997.
42. Виноградов В.Б. Нумизматические материалы в проблеме хронологии и периодизации позднесредневековой истории Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985.
43. Виноградов В.Б., Дударев С.Л. К вопросу о типологии и периодизации русско-вайнахских политических отношений // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный, 1990.
44. Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир, 1993.
45. Виноградов В.Б. "Он усмирил Закубанье". Черты портрета генерала фон Засса // Российский исторический журнал. 1994. № 2 С.15-22.
46. Виноградов В., Шейха А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (вторая половина XVIII-первая треть XIX вв.). Армавир-Грозный, 1996.
47. Виноградов В.Б. "Уголок России, отчий дом..." Очерки об истории Тарумовских степей и Кизлярщины. Армавир-Кизляр, 1996.
48. Виноградов В.Б., Великая Н.Н., Нарожный Е.И. На Терских берегах. Армавир, 1997.
49. Волков М. Значение Кавказа в Восточном вопросе // День. 1864. № 25.
50. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа XVI-XIX вв. М., 1974.
41. Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т.Х. Тифлис, 1886.
42. Газиева А. Трудная дорога к себе // Республика. 1994. № 4.
51. Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Автореф... дисс. докт. ист. наук. 07.00.02. Тбилиси, 1972.

52. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII-первая половина XIX в.). М., 1967.
53. Гизетти А. Библиографический указатель печатанным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе. СПб., 1901.
54. Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. IX.
55. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII-первой половине XIX в. Грозный: Грозненский рабочий, 1961.
56. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края V-середины XIX в. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1984.
57. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: "Наука", 1972.
58. Дахкильгов Ш.Э. Слово о родном крае: Записки краеведа. Грозный, 1989.
59. Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829.
60. Джахиев Г.А. Дагестан в кавказской политике Ирана и Турции в первой трети XIX века. Автореф... дисс. канд. ист. наук. 07.00.02. Махачкала, 1970.
61. Джимов Б.М. Политика ведущих держав и ее отражение в ходе Кавказской войны (конец XVIII-первая половина XIX в.) // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар, 1995. С.5-24.
62. Джургаев О. Пожавший бурю... Грозный, 1989.
63. Дон и степное Предкавказье XVIII-XIX в. (Социальные отношения, управление, классовая борьба). Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1977.

64. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Ртищев и Ермолов. Т.6. СПб., 1888.
65. Дударев С.Л. Школа В.Б. Виноградова: истоки, этапы, идеи // Материалы заседания посвященного 30-летию научно-творческой и общественной деятельности школы академика В.Б. Виноградова (1964-1994). Армавир, 1994. Ч.1.
66. Еремин Н.М. По указу Петра. Шелковская, 1990.
67. Ермолов А. Библиографический указатель сочинений, журнальных статей и заметок об А.П. Ермолове. СПб., 1911.
68. Ермолов А. Алексей Петрович Ермолов. 1777-1861. Биографический очерк. СПб., 1912.
69. Заседателяева Л.Б. Терские казаки (середина XVI-начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974.
70. Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726-1880). СПб., 1881. Т.1.
71. Зубов П. Подвиги русских на Кавказе. СПб., 1837.
72. Ионисиани А.З. Кавказ во внешней политике России в начале XIX в. // Ученые записки МГПИ. М., 1946.
73. История Дагестана. М.: Главная редакция Восточной литературы, 1968.
74. История Ирана. М.: МГУ, 1977.
75. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988
76. История народов Северного Кавказа (конец XVIII-1917 г.). М.: Наука, 1988.
77. История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. Т.1. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1987.
78. Кавказские Минеральные воды, в Ставропольской губернии, Пятигорского уезда. СПб., 1860.
79. Кавтарадзе А.Г. Генерал А.П. Ермолов. Тула, 1977.

80. Калмыков Ж.А. Административно-судебные преобразования в Кабарде и горских (балкарских) обществах в годы русско-кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар, 1995. С.115-127.
81. Калмыков И.Х. Заметки о Кавказской войне // Из традиционной этнографии народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1993.
82. Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. 1961. № 1. С.41-53.
83. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981.
84. Касаев А.Ч. К вопросу о политико-административной деятельности А.П. Ермолова на Кавказе (1816-1827 гг.) // Молодые ученые Осетии – 70-летию Великого Октября. Орджоникидзе, 1988. С.123-136.
85. Касаев А.Ч. А.П. Ермолов и Кавказ: некоторые проблемы историографии // Роль России в истории Осетии. Сборник научных трудов. Орджоникидзе, 1989. С.56-69.
86. Касаев А.Ч. К вопросу о последствиях политики А.П. Ермолова на Кавказе // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1989. С.189-190.
87. Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международных отношениях XIX века. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1989.
88. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Нальчик, 1992.
89. Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. 1983. № 4. С.35-47.
90. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: Вторая половина XVIII-80-е годы XIX в. М.: МГУ, 1984.
91. Киселев А.А., Фролов Б.Е. Кавказская война и вхождение Закубанья в состав России // По страницам истории Кубани (краеведческие очерки). Краснодар, 1993. С.88-104.

92. Клычников Ю.Ю. К деятельности А.П. Ермолова на Средней Кубани // Прочноокопский историко-культурный многоугольник. Материалы научной конференции. Армавир, 1994.
93. Клычников Ю.Ю., Савенко С.Н., Фоменко В.А. Историческое краеведение Кавказских Минеральных вод (Программа спецкурса). Ставрополь, 1995.
94. Клычников Ю.Ю. Итальянский “зигзаг” в биографии А.П. Ермолова // Проблемы всеобщей истории. (Материалы научно-практической преподавательско-студенческих семинаров). Армавир, 1995.
95. Клычников Ю.Ю. Военно-политические взгляды А.П. Ермолова на Северном Кавказе // Вопросы северокавказской истории (Сборник научных статей аспирантов и соискателей). Армавир, 1996. Вып. 1.
96. Клычников Ю.Ю. Военно-санитарная деятельность А.П. Ермолова на Кавказе // Вопросы северокавказской истории. Армавир, 1997. Вып. 2. (совм. с П.Б. Виноградовым).
97. Клычников Ю.Ю. Роль А.П. Ермолова в освоении Кавказских Минеральных вод // Проблемы научно-методической работы в Ессентукском учебно-педагогическом комплексе и пути их решения. Ставрополь, 1997.
98. Клычников Ю.Ю. Создание А.П. Ермоловым Временного кабардинского суда // Вопросы северокавказской истории. Армавир, 1998. Вып. 3.
99. Ковалевский Е. Очерки этнографии Кавказа // Вестник Европы. СПб., 1867. Второй год. Т. III. Сентябрь.
100. Ковалевский М.М. Родовое устройство Дагестана // Юридический вестник. 1888. Т. XXIX. Декабрь.
101. Конради Ф. Рассуждение о искусственных минеральных водах, с приобщением новейших известий о кавказских минеральных источниках. СПб., 1831.
102. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.

103. Кочекаев Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногойского общества в XIX-начале XX века. Алма-Ата: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1973.
104. Куадже Р.З. Некоторые вопросы колониальной экспансии царского самодержавия против Адыгеи (Черкесии) (Истина бескомпромиссна) // Черкесия в XIX веке (материалы 1 Кошехабльского форума “История – достояние народа”). Майкоп, 1991. С.197-216.
105. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.
106. Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX в. М.: Наука, 1983.
107. Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962.
108. Кумыков Т.Х. Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII-XIX вв.) // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1963. Т. XIX. С.90-101.
109. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965.
110. Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М.: Наука, 1964. № IV.
111. Ларина В.И. Очерк истории городов Северной Осетии (XVIII-XIX вв.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1960.
112. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // полное собрание сочинений. Т.3.
113. Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1698-1801. М., 1995.
114. Лозовенко А.З., Коваленко В.И. Железноводск. Ставрополь, 1990.

115. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1957.
116. Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала: Дагестанское учебно-педагогическое издательство, 1968.
117. Материалы для истории Дагестана. Мехтулинские ханы // Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. 2.
118. Матвеев В.А. Геополитическая миссия России на Кавказе: историческая реальность и монизм отображения // Вопросы северокавказской истории. Армавир, 1997. Вып. 2.
119. Матвеев О.В. Проблемы Кавказской войны в творческой лаборатории В.Б. Виноградова // Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы академика В.Б. Виноградова. Армавир, 1994. Ч. 2.
120. Матвеев О.В. Имперское мышление в исторических судьбах народов Северного Кавказа // Вопросы северокавказской истории (сборник научных статей аспирантов и соискателей). Армавир, 1996. Вып. 1.
121. Матвеев О.В. Мухаммед-Амин: портрет из истории Кавказской войны // Вопросы историографии и истории Северного Кавказа XVIII-XX в. Краснодар, 1997.
122. Махлевич Я.Л. Мезанин у нарзана. Ставрополь, 1983.
123. Мирко В.П. Отношение России и Кабарды в первой трети XIX века. Автореф... дисс. канд. ист. наук. О7.00.02. М., 1973.
124. Народы Западного Кавказа (По неизданным запискам природного бжедуха князя Хаджимукова) // Кавказский сборник. Тифлис, 1910. Т. XXX.
125. Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России (Дооктябрьский период). Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1956.

126. Неборский М. Иван Грозный был женщиной! Как рождаются исторические мифы // Родина. 1996. № 5.
127. Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне (Очерки хозяйства, культуры и быта). Пятигорск, 1994.
128. Недумов С.И. Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь, 1974.
129. Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991.
130. Оновприенко А.М., Пятигорский Э.И., Салов Г.Н., Сныткин М.М., Яковлев С.Ю. Российским флотом рожденный. Историческая хроника. Туапсе: Черноморский региональный научно-практический Центр школьного краеведения, 1996.
131. Острогорский М. Завоевание Кавказа (1801-1864). Рассказ из отечественной истории. СПб., 1880.
132. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар: "Советская Кубань", 1996.
133. Очерки истории Ставропольского края. Т.1. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1986.
134. Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 г. Северо-Кавказский филиал традиционной культуры М.Ц.Т.К. "Возрождение", 1990.
135. Перевернутый мир бесконечной войны ("круглый стол") // Родина. 1994. № 3-4. С.17-23.
136. Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957.
137. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII-первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989.
138. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.: Красная Новь, 1923.
139. Полежаев А.И. Сочинения. М., 1988.
140. Польская Е., Розенфельд Б. Дорогие адреса. Ставрополь, 1974.
141. Польская Е.Б., Розенфельд Б.М. И звезда с звездой говорит... Ставрополь, 1980.
142. Польская Е.Б., Эссентукские встречи. Ставрополь, 1984.

143. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб.,1858.
144. Попов В.П. Кавказская война в творчестве Л.Н. Толстого // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар,1995.
145. Потто В.А. Кавказская война. Ермоловское время. Т.2. Ставрополь,1994.
146. Прокопенко Ю.А. Железноводск: Страницы истории. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998.
147. Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. Т.10. М.,1978.
148. Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. Т.3. М.,1987.
149. Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Тифлис,1900.
150. Рамазанов Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в. Махачкала, 1956.
151. Ратушняк В.Н. Под стягом России. К 300-летию Кубанского казачьего войска // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 1997.№ 1. С. 3-7.
152. Романовский П. Кавказ и кавказская война. СПб.,1860.
153. Руднева А. Человек прошедшего века // Открытая политика. 1997. № 11. С.107-114.
154. Русский биографический словарь. СПб.,1910.
155. С русскими не буду побежден. Подполковник Валериан (Ростом) Григорьевич Мадатов // Георгиевские кавалеры. 1769-1850. М.,1993.
156. Святловский В.В. Кавказские минеральные воды. Екатеринослав,1898.
157. Смирнов-Каменский Е.А. Александр Петрович Нелюбин. Ставрополь,1962.
158. Стащук Н.И. Заселение Ставрополя в конце XVIII века и в первой половине XIX века // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь,1952. Вып. 4. С.137-173.

159. Судавцов Н.Д. Алексей Петрович Ермолов и Кавказ // Ставропольский хронограф на 1996 год. Ставрополь, 1996. С.85-91.
160. Тахир Мухаммед. Три имама. Махачкала, 1990.
161. Толстов В.Г. История Хоперского полка. Тифлис, 1900. Ч.1.
162. Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII-40-е годы XIX в.) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе: Северо-Осетинское издательство, 1966. Т. XXV. С.154-168.
163. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. I. М.: "Правда", 1984.
164. Туганов Р.У. Кабарда и Балкария в период ермоловщины. Ч.1 (1816-1822 гг.) // Живая старина. Нальчик, 1992. № 2.
165. Туганов Р.У. Кабарда и Балкария в период ермоловщины. Ч. 2 (1822-1825 гг.) // Живая старина. Нальчик, 1993. № 3.
166. Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1801-1855. М., 1997.
167. Уманец Ф.М. Проконсул Кавказа // Исторический вестник. 1888. № 8-9.
168. Фадеев А.В. Бухарестский мир 1812 года и вопрос о кавказских границах // Ученые записки историко-филологического факультета. Харьков, 1952. С.79-86.
169. Фадеев А.В. Социально-экономические предпосылки внешней политики царизма в период "Восточного кризиса" 20-х годов XIX в. // Исторические записки. Изд-во Академии наук СССР, 1955. № 54.
170. Фадеев А.В. Кавказ в системе международных отношений 20-50-е годы XIX в. М., 1956.
171. Фадеев А.В. Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореформенный период // История СССР. 1957. № 1. С.135-160.
172. Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М.: Издательство АН СССР, 1957.
173. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М., 1960.
174. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

175. Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А. Кубанское казачье войско. Краснодар, 1996. Репринтное издание.
176. Феофилактова Т.М. Западные адыги в русско-турецких отношениях во второй половине XVIII-первой трети XIX в. // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С.278-287.
177. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
178. Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.
179. Хашегульгов Б.М. К вопросу о роли исторических исследований в формировании психологии национальной исключительности // Из практики кавказоведческих изысканий (1986-1996 годы). Армавир-Грозный, 1996. С.38.
180. Цицкиева М.О. О роли освоения равнинных земель в формировании ингушской народности // Чечено-Ингушетия в составе России в конце XVIII-середине XIX века. Грозный, 1989.
181. Чахкиев Д.Ю. Новые материалы о горном промысле горцев Ингушетии (конец XVIII-первая половина XIX в.) // Чечено-Ингушетия в конце XVIII-середине XIX века. Грозный, 1989.
182. Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века. Пятигорск, 1967.
183. Чекменев С.А. Переселенцы (Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII-первой половине XIX в.). Пятигорск: Кавказская здравница, 1994.
184. Чирг А.Ю. К вопросу о торговле Османской империи на Северо-Западном Кавказе // Некоторые вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII-первой половине XIX в. Майкоп, 1985.
185. Чирг А.Ю. Из истории русско-адыгейских торговых связей на Черноморском побережье Кавказа в первой четверти XIX в. // Вопросы

общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. Майкоп, 1987. С.3-14.

186. Чирг А.Ю. Об участии декабристов в борьбе против контрабанды и работорговли на Северо-Западном Кавказе // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. Майкоп, 1987.
187. Чирг А.Ю. Культура жизнеобеспечения адыгов // Культура и быт адыгов (этнографические описания). Майкоп, 1991. Вып. VIII.
188. Шабаньянц Н.Ш. Академик П.З. Захаров. Грозный, 1974.
189. Шавров Н.Н. Описание кавказского шелководства. Тифлис, 1891.
190. Шамхалы Тарковские // Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып.1.
191. Шевченко Н.Г. Социально-экономическое развитие Кубани в конце XVIII-первой половине XIX в. // По страницам истории Кубани. Краснодар, 1993.
192. Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего Войска. Екатеринодар, 1913. Т.2. Репринтное издание.
193. Эйдельман Н.Я. “Быть может за хребтом Кавказа...” (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М.: Наука, 1990.
194. Экштут С. Алексей Ермолов // Родина. 1994. № 3-4.
195. Эриксон Э.В. Чумные эпидемии на Кавказе и в смежных странах в прошлом // Кавказский вестник. Тифлис, 1900. № 9.
196. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т.1.
197. Яндарова А. Х.-А. Первые проекты хозяйственно-экономического развития народов Северного Кавказа в составе России // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный, 1990.
198. Baddeley J.F. The Russian Conquest of the Caucasus. Lnd. – N.Y. 1908.
199. Blanch L. The Sabres of Paradise. N.Y. 1960.

200. Bodenstedt F. Les Peuples du Caucase et leur guerre d'indépendance contre la Russie pour servir à l'histoire la plus récente de l'orient. Paris, 1859.